

*Посвящается
70-летию проживания корейцев
в Казахстане*

*Авторский коллектив
выражает благодарность
Ассоциации корейцев Казахстана
за содействие
в издании этой книги*

ББК 63,3 (5 каз)
П 44

П 44 Поезд Памяти. Воспоминания, свидетельства, документы.
/ Сост. А. Ким, Л. Сон — Алматы: «RUAN», 2007. — 224 стр.

ISBN 9965-9804-8-9

В книге, посвященной 70-летию проживания корейцев в Казахстане, собраны воспоминания и свидетельства жертв одного из тяжелейших преступлений сталинского режима — депортации корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, а также рассекреченные документы из партийных архивов.

А 0503020905
00(05)—06

ББК 63,3 (5 каз)

ISBN 9965-9804-8-9

© Ким А., составление, 2007
© Сон Л., составление, 2007
© «RUAN», 2007

ПОЕЗД ПАМЯТИ

ВОСПОМИНАНИЯ,
СВИДЕТЕЛЬСТВА,
ДОКУМЕНТЫ

*Предисловие
Анатолия Кима*

*Составители:
Анатолий Ким
Лаврентий Сон*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ «RUAN»

2007

INTERNAL SECURITY

MEMORANDUM FOR THE DIRECTOR OF THE
BUREAU OF INVESTIGATION
FROM THE SAC, NEW YORK
SUBJECT: [REDACTED]

Reference is made to the report of the New York Office dated 1/15/54, captioned as above. The report contains information regarding the activities of the [REDACTED] in the New York area. It is requested that you advise the Bureau of the results of your investigation of this matter.

Very truly yours,
[Signature]
Special Agent in Charge

MAILED 10 JAN 20 1954

КТО МЫ, ОТКУДА МЫ, КУДА МЫ ИДЕМ

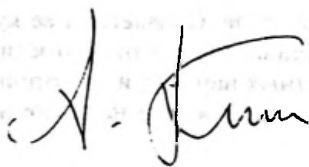
Мы называемся корейцами. И ни у кого из нас не возникает по этому поводу вопроса или сомнения, почему это так. Да потому, что есть на земле такая страна, Корея, есть такой древний народ — корейцы, и мы, живущие на беспредельной территории Постсоветского Пространства, небольшая часть этого народа. Но вот куда же нас забросила наша историческая судьба! Уже 70 лет мы живем на земле великого Казахстана, и в пределах Узбекистана, и Киргизии, и в других республиках Средней Азии, и в самой постсоветской России, на ее Дальневосточной окраине и в южных краях. Но где бы мы ни жили, как бы ни складывались наши отношения с местными корневыми этносами, — мы сохранили себя как нацию, отстояли свою яркую самобытность, не превратились в пыль истории, гонимую по свету бурными ветрами времен.

Мы выходцы из совсем маленькой страны, — если смотреть на географическую карту мира, Корейский полуостров не сразу можно заметить, территория нашей прародины не больше какой-нибудь средней области Казахстана. И как же так случилось, что народ этой страны расселился по всем материкам планеты нашей, и в обеих Америках, по всей Азии, в Австралии и Европе, в Евразийской России, даже в Африке и по экзотическим островам Океании — во всех пределах матушки Земли образованы зоны компактного проживания корейцев. И всюду они едят свой честно заработанный рис, кушают кимчи, устраивают своим детям корейские свадьбы, справляют хангаби престарелым родителям и поют свой общенациональный лирический гимн на все времена — «Ариран». И везде, где бы они ни оказались, корейцы не замыкаются в диаспорной самоизоляции, но с упорством и отвагой завоевывают свое право на полноценное существование в местной этнической среде. Овладевают ее культурой, языком и, благодаря своей удивительной открытости миру, получают признание среди местных народов и их готовность разделить с корейцами свои труды ради жизни на земле и место под солн-

цем. Но при этом этническая устойчивость и цельность корейцев остается неизменной!

А теперь посмотрим на себя, — корейцев, чей исход от прародины начался полтора столетия назад и взял направление к западу, в сторону Российской империи, — как сказал поэт: «туда, где кончается солнце». Из всех исходов корейцев в широчайшие пределы внешнего мира, наш — самый драматичный и даже трагический. Ведь гибель множества людей, которых постигла насильственная смерть, умершие от голода дети и старики — это и есть подлинная трагедия народа. И она обрушилась на головы того поколения российских корейцев, которым выпало пережить политическую чуму 1937 года. Корейцам пришлось претерпеть ее вместе со всем великим народом СССР. В том году эшелоны, составленные из товарных вагонов, набитых узниками из «врагов народа», следовали через всю страну, через Сибирь в сторону лагерей Колымы и Магадана. А навстречу им, по тем же просторам сибирским, по таежным стальным ниткам Транссибирской магистрали с мертвенным грохотом катились эшелонные конвои с корейским населением Дальнего Востока, которых тотально выселили оттуда и отправили в неизвестность. Эти невольничьи эшелоны встречались, иногда стояли на параллельных путях на станции, — и тогда из забранного в колючую проволоку окошка товарняка летела в такое же окошко встречного вагона записка, в которую был завернут камешек для тяжести. «Кто вы? — спрашивали в записке. — Мы эски. 58 статья». «Мы корейцы. Статью свою не знаем» — отвечали в записке, брошенной в обратном направлении.

Так начинался наш исход в том далеком тридцать седьмом. С тех пор прошло семьдесят лет. Куда мы пришли? Куда пойдем дальше? Об этом будут созданы другие книги. А в этой, дорогой читатель, ты познакомишься с подлинными свидетельствами тех, кто сам видел то, что происходило тогда, или слышал об этом от родителей, от уцелевших родственников. И прочтешь стихи, рассказы, исповеди тех корейцев, которые никак не могут уйти от того мгновения своего национального бытия, когда надо было иметь огромное мужество, чтобы открыть глаза — и не испугаться.

Анатолий КИМ

ОТКУДА МЫ

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

КОРЕЙЦЫ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В советской историографии прочно утвердилось мнение, что начало корейскому переселению в Южно-Уссурийский край (нынешний Приморский) после его перехода (по Пекинскому договору) в 1860 году к России положили тринадцать семей корейских хлебопашцев, обнаруженных русским пограничным дозором в долине реки Тизинхэ в 1863 году. Эта дата впервые была названа как начальный этап Корейского заселения названной территории первым советским исследователем истории советских корейцев Ким Сын Хва в его книге «Очерки по истории советских корейцев» в 1965 году. Начальник Новгородского пограничного поста подпоручик Рязанов доносил военному губернатору Приморской области контр-адмиралу Казакевичу: «...корейцы появились на реке Тизинхэ, где прилежно занимаются хлебопашеством».

С тех пор эта дата как непреложный факт, как непререкаемая истина кочует из одного издания в другое. Но верна ли она?

В середине 60-х годов, когда выходила книга Ким Сын Хва — в эпоху только что начавшейся хрущевской оттепели, — была открыта небольшая завеса над многими прежде закрытыми тайнами. Еще не совсем был снят запрет, наложенный на темы о репрессированных народах. Кроме того, многие проблемы, касавшиеся истории малых народов Дальнего Востока, имевших много общего с корейцами и живших по соседству с Корейским полуостровом, не были изучены. Да и сама история Кореи исторической родины корейцев — в силу ее подневольного до 1945 года положения как колонии Японии не была изучена советской исторической наукой в достаточной мере.

Как известно, в любых приграничных землях любых государств бывают взаимные разрозненные просачивания населения через границу, и это всегда рассматривалось как естественное, исторически неизбежное и потому обычное явление. Подобную

точку зрения допускали и многие исследователи дореволюционной России, в том числе и русский кореевед царского времени В. Песоцкий.

В связи с этим он приводит очень интересные примеры в своей книге «Корейский вопрос в Приамурье»: «Еще в 1712 году (51-й год правления императора Канси) при состоявшемся разграничении между Китаем и Кореей было установлено присутствие корейцев на китайской территории, но это обстоятельство «вопроса» тогда не составило. Лишь много позже, в 1882 г., когда гиринский цзянь-цзюнь Минь-Ань назначил областным начальником в Хун-Чунь Ли Цзунь-Юаня, последний обнаружил, перейдя реку Га-я-ха, что корейцы обрабатывают в крупных размерах земли, принадлежащие Китаю. На этот раз возникло целое дело, и как со стороны цзянь-цзюня, так и корейского короля были отправлены доклады китайскому императору в Пекин. Корея согласилась взять своих подданных обратно и тем уладить вопрос. Однако, несмотря на желание корейского правительства и на распоряжение местной китайской администрации, корейцы уходить не думали и совершенно игнорировали обращенное к ним требование, даже начали доказывать, что часть Нанган-Цзяндао принадлежит Корее, а вовсе не Китаю, почему пришлось снова назначать разграничительную комиссию и исследовать границу. В 1888 г. граница была проверена и по-прежнему за нее признали реку Ту-мань-гань.

В 1889 г. вышло специальное распоряжение, которым дальнейшее поселение корейцев в Цзяньдао категорически воспрещалось, а с прежних поселенцев китайская администрация начала взимать подати.

...В 1889 г. корейцы начали волноваться и требовать опять про верки границы, по-прежнему доказывая принадлежность занятой ими земли Корее».

Территория севернее реки Туманган, которая граничит с российским Приморьем и которую в начале века называли Хун-Чунь, — это нынешний Енбёнский корейский национальный автономный район КНР (район Енбён отделяется от Кореи рекой Томун). В 1984 году в Енгиле была издана книга о Енбёнской корейской национальной автономной области, авторы которой описывали те изолированные методы, которыми пользовались корейские крестьяне для проникновения и тайного проживания в запретной маньчжуром зоне в прежние времена. В случае их обнаружения китайские власти, как уже говорилось выше, выдво-

ряли их обратно в Корею. Но это корейских крестьян нисколько не смущало и не останавливало. Они продолжали по-прежнему свое дело, приезжая утром на работу в так называемую запретную зону, а вечером возвращались назад, домой; или был другой способ — «весной приезжали, чтобы разбрасывать в поле семена, а осенью — собирать урожай». Если запретительные меры китайских властей ужесточались, корейцы на время прекращали миграцию, но, как только ситуация позволяла, снова брались за старое и все повторял ось. Так продолжалось до тех пор, пока существовал запрет на заселение, сводя практически, как пишут китайские авторы, на нет все попытки местных властей преградить корейцам дорогу на Енбён.

Следовательно, переселение корейских крестьян в Южно-Уссурийский край, ставший с 1860 года окраинной территорией Российской империи, началось задолго до 1860 года. Эти сведения, содержащиеся в труде китайских авторов о Енбён-ской корейской национальной автономной области, совпадают с данными руководителей корейской диаспоры Приморья. Так, в документах одного из них — Хан Мене, направленных на имя директивных органов РСФСР в конце 1922 года, написано:

«Корейское население Приморья и Приамурья в количестве 200 тыс. чел. является оседлым и занимается исключительно земледелием. Из них 100 тыс. русскоподданные (выходцы из Кореи 50—60-х годов)...» По итогам переписи населения Владивостокского округа, проведенной в 1929 году, почти половину из общего числа корейских семей края составляли переселенцы, прибывшие туда в период с 1848 по 1910 годы.

Но почему они, старожилы еще с китайских времен, не были сразу обнаружены русской стороной, и в документах начало заселения края корейцами датируется 1863—1864 годами.

Склонность корейских крестьян маскироваться, тайно и в явочном порядке заселять и осваивать земли Приморского края в его бытность пограничной провинцией китайской империи, очевидно, сохранилась и после его перехода к России. При его полной неосвоенности здешних мест и отсутствии русских колонистов в первые годы после присоединения края (1860—1862 гг.) обнаруживать корейцев было некому. В 1860 году, по данным первого исследователя края Ф. Ф. Буссе, в крае проживало всего лишь 45 человек русских. Малочисленность русского населения связана с расхожим тогда мнением, что южный уголок Южно-Уссурийского края — Посъетский участок — из-за частых дож-

дей, туманов и сырости представляет собой гиблое место, невозможное для русского земледелия.

Когда в 1860 году началась колонизация края казаками, они продвигались по Амуру-Уссури и осваивали территории севернее озера Ханка; так продолжалось вплоть до 1869 года.

И первые русские переселенцы, продвигавшиеся сухопутьем с севера, направлялись не на юг, в сторону Посъета, а в юго-восточном направлении, в сторону бухты Ольги.

Эта пустынность края, отсутствие строгого надзора и, следовательно, отсутствие каких бы то ни было притеснений с чьей бы, то ни было стороны, очевидно, придали смелость скрывавшим свое пребывание корейцам: они легализовывались и стали селиться безбоязненно, открыто, группами, строя свои фанзы кучно, как, например, в долине реки Тизинхэ. Первым признаком, по которому определяли все чиновники и русские исследователи Приморья корейцев, например, от китайцев была именно скученность их жилищ и большие семьи. При отсутствии этого признака определить корейцев было почти что невозможно: они могли очень легко сойти за кого-либо из коренных представителей-палеоазиатов: нивхов, удэгейцев, нанайцев.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) до присоединения к России Южно-Уссурийского края там проживала немалая часть поселившихся еще во времена китайского господства корейских переселенцев, численность которых установить нет возможности;

2) вторая группа корейских переселенцев — это люди, начавшие селиться с 1863 года с молчаливого согласия: русских чиновников и военных властей; их переселение поощрялось русскими властями, нуждавшимися в дешевой рабочей силе для освоения края;

3) третью группу составляли переселенцы периода 1905—1910 годов, характеризующегося как начало массовой эмиграции корейцев в Россию;

4) четвертую группу составляли переселенцы, прибывшие в Россию уже после Октябрьской революции: в период японской интервенции 1918—1922 годов и после поражения в Корее анти-японского восстания 1919 года.

РАССКАЗЫ О ДЕДУШКЕ И О СЕБЕ

Когда деду Хван Чи Бону было шесть лет, его родители, братья и сестры умерли от холеры, а он уцелел от этой напасти потому, что находился в горах, где был небольшой участок огорода с посевами кукурузы, гаоляна и сои. Старик, сосед по огороду, сказал ему, что в селение ехать нельзя, так как все жители погибли от холеры и все фанзы сожжены, а обгорелые трупы похоронены в общей могиле. Через два месяца, в октябре 1866 года, за Чи Боном приехал дядя, который жил недалеко от Пхеньяна, продал огород с урожаем и забрал мальчика к себе домой.

Семья дяди состояла из четырех человек — двое взрослых и двое детей — четырех лет сын и двух лет дочка. Сначала, около шести месяцев, Чи Бона держали в качестве няни при детях. А потом, в марте 1867 года, отправили в соседнюю деревню пасти свиней. Заодно ему пришлось ухаживать за домашними птицами. В продолжение двух лет он работал только за еду, а деньги получал за него дядя.

Когда Чи Бону было девять лет, он услышал, как сверстники говорили, что многие люди уезжают навсегда на северные земли, где живут русские, китайцы, нанайцы и корейцы — переселенцы из Северной Кореи. Но если кого задержат на границе, то без суда там же убивают. Таков был закон Корейского государства.

Однажды, в начале августа 1869 года, Чи Бон узнал, что на днях группа взрослых корейцев собирается уходить на север. Он стал настойчиво просить одного знакомого взять его с собой, говорил, что он сирота, работы не боится, все домашние работы ему знакомы, переплыть реку Туманган может без шума на бревне, как и взрослые. Этот человек согласился взять его с собой, но предупредил, чтобы об этом не говорил никому.

И вот настало назначенное время тронуться в дальнюю дорогу. Это было в середине августа. Группа состояла из семи человек. Ночью до рассвета переплыли реку Туманган, у каждого было по бревну или коряге, к ним привязали одежду и ручную

кладь. Один из семерых переплывал во второй раз, поэтому знал, как добраться до ближайшей деревни Посьетской губернии, где жили беженцы из Северной Кореи. Когда они добрались до места, их накормили завтраком и обедом, а затем порекомендовали новым хозяевам как наемных работников.

Чи Вон попал к зажиточному хозяину и опять работал только за еду, ухаживая за домашними животными: тремя рабочими быками, двумя лошадьми, двенадцатью свиньями и домашней птицей. Это был тяжелый труд. У него не было помощников, но в течение почти трех лет он никому не говорил о трудностях. За это время волки унесли четырех поросят, а лисицы — с десяток кур и уток. Однажды у него на глазах волк утащил поросенка.

Тогда Чи Вон попросил хозяина купить ружье.

Через две недели хозяин вручил ему одноствольное охотничье ружье и патронташ с восемнадцатью патронами и сказал, что если в течение года не будет пропажи свиней, то ружье станет его собственностью. С этого дня Чи Вон удвоил старания и порой выходил сторожить по ночам. Прошло полтора года, за это время ни одна свинья не пропала. Хозяин сдержал свое слово, и пятнадцатилетний Хван Чи Вон стал обладателем ружья.

Однажды Чи Вон попросил у хозяина недельный отпуск и съездил в селение Су-Чан, где жил человек из его рода. От него он узнал, что в селении Ян Хе Дя Иманской губернии живет богатая семья Хван, которая может взять на работу дальнего родственника. Вскоре эти сведения пригодились.

Когда Чи Вону исполнилось 27 лет, соседи сосватали ему девушку из зажиточной семьи. Произошло это в 1887 году. По традиции ему позволили разглядеть жену уже после свадьбы. И здесь произошло такое, чего он всю жизнь не мог забыть. Молодая жена принесла столик с завтраком, но вдруг споткнулась о порог комнаты, уронила всю еду и тут же стала собирать посуду с циновки руками-культяпками — у нее не оказалось кистей рук.

При виде этого молодой муж чуть ума не лишился... А когда опомнился, заявил, что уходит навсегда. Вместе с хозяином он обошел свиноферму, пересчитал всех свиноматок и поросят. Хозяин с ним полностью расплатился. Затем Чи Вон отвез несостоявшуюся жену к ее родителям, а сам направился в Су-Чан, а уже отсюда через две недели отправился в селение Ян Хе Дя. Оно состояло из десятка хуторов по три-четыре фанзы. Один из хуторов принадлежал семейству Хван Ное, у которого наш будущий дед Чи Вон остановился.

Около 30 лет назад Хван Ное прибыл в это село с несколькими корейцами из Северной Кореи. В селе в то время было около 20 китайских фанз. После установления границы между Россией и Китаем китайское население ушло в родные места и в селе осталось около двадцати семей корейцев.

Хван Ное выделил Чи Вону земельный участок и фанзу из двух комнат. Здесь наш дед и обосновался. С помощью Хван Ное он посеял кукурузу, гаолян, картофель, бобовые, овощные и бахчевые культуры. В свободное от работы время ходил на охоту.

Дедушка Хван Чи Вон (Федор) славился как хороший стрелок и охотник. С охоты он всегда приносил добычу: зайцев, фазанов, косулю, медведя, а иногда — оленя. Он дружил с двумя охотниками моложе его на несколько лет.

Однажды летом они втроем пошли добывать медведя — если попадется олень или кабан, еще лучше. В горах они остановились в охотничьем домике. Когда вошли в дом и расположились там, то поняли, что недавно здесь ночевали другие охотники. На следующий день рано утром дед и его спутники пошли на то место, где в прошлый раз набросали соль. Земля была разворочена копытами оленей, может быть, дня два-три тому назад. По-видимому, опередившие их охотники спугнули зверя, лизавшего соль, теперь олени придут сюда не скоро.

Дед и его спутники решили вернуться в охотничий домик.

Вдруг один из них заметил на дереве черный силуэт. Это мог быть только медведь, и, приблизившись к дереву, дед выстрелил из ружья картечью. Зверь с диким визгом упал с дерева. В это время сзади к ним подобрался еще один медведь и чуть не задал одного из охотников, который, отскочив, выстрелил медведю в голову, и тот рухнул у ствола дерева. За считанные минуты они убили двух медведей. Их с трудом доволокли до охотничьего дома, ведь они весили пудов восемь-девять, и разделали. Сначала сняли шкуры, затем вытащили желчные пузыри, которые являются ценным лекарством. В больших котлах сварили мясо и внутренности в соленой воде, а утром прокоптили на огне. Полукопченое мясо разделили на три части и через день отправились домой. Мясо оказалось очень вкусным.

В другой раз, в конце августа, эти же трое охотников пошли на охоту в другое место. Здесь не было охотничьего домика, поэтому поставили брезентовую палатку. На следующее утро, как только стало светать, они услышали выстрел, а через полто-

ра-два часа — второй. Они знали, что это охотники за оленьими пантами.

На следующий день они прошли в другом направлении около двадцати километров, поставили палатку, и два охотника ушли на охоту за дичью. Около часу побродили недалеко от палатки и настреляли семь фазанов на ужин. Распотрошили, посолили и одних обжарили на огне, а других, обмазав глиной, положили в тлеющие угли. Все трое сели спиной к наветренной стороне, стали курить и разговаривать. Дед Хван Чи Вон сидел в середине, он по комплекции был меньше двух других.

Вдруг дед почувствовал, что кто-то ухватил его за левое плечо и куда-то тащит. Двое других охотников ничего сначала не поняли, но он закричал: «Стреляйте, волк меня тащит!» Они быстро вскочили, схватили ружья и стали стрелять в темноту. Волк, испугавшись, отпустил деда и убежал. Охотники привели деда к огню и обмыли раны — зубы волка глубоко вонзились в плечо через ватник и рубашку. Деду помогло то, что у него был опиум. Когда мужчины идут на охоту, каждый из них берет несколько шариков опиума. Он уменьшает острую физическую боль от раны.

После волчьего укуса до самой смерти дед периодически жаловался на острую боль в левом плече и в такой момент глотал маленький шарик опиума. Однако на охоту и рыбалку дед ходил до самой кончины, и когда брал нас, малышей, на рыбалку, то рассказывал где, когда и какая рыба бывает. Скончался дед Хван Чи Вон летом 1936 года.

Осенью 1922 года вооруженные китайские хунхузы напали на корейские селения Лукьяновка, Августовка и Михайловка. В корейских домах искали в первую очередь драгоценности и опиум, который стоил в Китае дороже золота. Убивали мужчин — родственников красных партизан, которые воевали против белоказаков и японцев.

В деревнях были небольшие отряды самооборонцев. Они были очень слабо вооружены, не хватало патронов, поэтому активно сопротивляться хорошо вооруженным хунхузам было трудно. Стариков и детей отправили в горы, молодые люди, в основном комсомольцы, перебрались в русские деревни, где влились в отряды, которые противостояли хунхузам.

Оставшихся в селениях пожилых мужчин, женщин и детей хунхузы увели в сторону реки Иман, на берегу которой был уст-

роен своеобразный лагерь заложников. Здесь допрашивали, пытали, вешали кверху ногами на ветках деревьев, били кнутах по голому телу. Такой пытке подверглись Николай Хван, брат которого партизанил в районе городов Уссурийска, Имана, Владивостока. Николая подвесили за ноги на ветке дерева и били до тех пор, пока он не потерял сознание. Тело полумертвого Николая выкупила жена, отдав хунхузам всю домашнюю живность.

Хунхузы продержали людей в лагере пять дней, постоянно требуя опиум и ценные вещи, а на шестой день отпустили их по домам, напоследок показав им сердце, вынутое из груди Хан Хорена, который сопротивлялся бандитам до последнего патрона.

По словам хунхузов, он убил восемнадцать их собратьев: Семья Хан Хорена состояла из трех человек: мужа, жены и семилетнего мальчика. Бандиты убили их всех. Во время лагерной стоянки некоторые хунхузы насиловали молодых девушек и женщин.

Одна из пострадавших женщин — Цай Октин (родственница нашей бабушки) была сильная и отчаянная, и ей удалось отбиться от насильника, ударив его по голове камнем. Она развязала путы на руках и ногах, бросилась в воду и на бревне переплыла реку. На рассвете нашла тропинку и дошла по ней до деревни Саровка. В одном из домов она нашла приют...

Почти все корейские населенные пункты в Приморском крае когда-то были китайскими, так как до заключения договора 1860 года об установлении границы между Россией и Китаем, в этих местах жили, китайцы. Они занимались земледелием, охотой, поиском женьшеня и других лекарственных трав, а также выращиванием опиума и других культур.

Недалеко от железнодорожной станции Иман (по-новому Дальнереченск) было расположено село Молдаванка, где жили молдаване, далее — корейское село Августовка, основанное примерно в 1911—1915 годах, затем наше село Лукьяновка, в пятидесяти километрах от Имана. Лукьяновку еще до Октябрьской революции населили корейцы, прибывшие из Северной Кореи. Посередине села проходила дорога, по которой ездили в села, основанные переселенцами из Центральной России, Польши, Молдавии, Украины в долинах многочисленных рек, текущих из гор Сихотэ-Алиня до реки Уссури, впадающей в Амур. На востоке граница между Китаем и Россией проходила по Уссури. Большая дорога шла от Имана до золотого прииска «Картун».

В тридцати километрах от Имана в двадцатые годы, в стороне от главной магистрали, образовалось село Михайловка, куда в начале 1930 года направили бывшего партизана Михаила Цоя для организации колхоза. Недалеко от нашего села располагалось село Вербовка, образованное в 1895 году украинцами. Примерно в то же время на северном берегу реки Иман выселенные из Польши поляки образовали село Саровка.

Дальше к востоку по магистральной дороге, в двадцати километрах от нашего села, в 1892 году было построено большое село Покровка, населенное в основном русскими. В 1936 году его сделали районным центром Постышевского района, в начале следующего года переименованного в Красноармейский. В двадцати пяти километрах от Лукьяновки в начале 1900 года возникло новое село, где поселились корейцы, прибывшие с севера. Село они называли Нол-Лё, а русское его название Александровское. В пятидесяти километрах от села Покровки расположилось село Картун со смешанным населением, там люди в основном занимались промыванием золота; отсюда драгметалл самолетом отправляли в город Иман — говорили, по семьдесят-сто килограммов ежедневно...

Помню, однажды летчик вынужден был посадить самолет из-за сильного грозового дождя на убранном пшеничном поле. При посадке самолет перевернулся. Летчик остался цел, он не давал людям подойти близко, подпустил только председателя сельского совета. В то время им был Павел Федорович Хнан — его и попросил летчик помочь перевернуть самолет.

При этом обнаружилось, что пропеллер сломан, поэтому пилот написал письмо начальнику аэродрома в Имане, и были отправлены двое верховых, которые и доставили письмо. Оттуда на машине приехали работники аэродрома с пропеллером и за несколько часов заменили его.

Помню, когда старшему брату было лет тринадцать, родители купили женьшень и давали ему с медом. До этого он был физически слабым, а после употребления женьшеня заметно окреп. Зимой холода не боялся. Когда мы ездили за дровами в лес, почти не пользовался рукавичками, тогда как у второго брата и у меня мерзли руки. Действие женьшеня на здоровье подростков я видел еще на одном парне, на друге детства Алексее Киме. Когда ему было двенадцать лет, дядя давал ему женьшень, и через полгода Алексей настолько окреп, что сверстники не могли одолеть его.

На обратном пути из школы мы, бывало, устраивали соревнование на речном льду. Были случаи, когда проваливались.

Нам, ребятам, проживающим за 6—7 км от школы, давали лыжи под расписку. Мы на лыжах гонялись за фазанами, которые не могли далеко лететь, а, падая в снег, прятали голову в сугроб, тут мы их и брали живьем. Фазанов в зимнее время было очень много, особенно у соевых скирд. Соевые бобы для них лакомство.

Недалеко от нашего дома жили наши родичи-однофамильцы. Двух молодых сыновей призвали на лесозаготовку, а дома оставался 67-летний старик со снохой. В хозяйстве были куры, свиньи и рабочая корова. Чтобы обезопасить подход к свинарне и курятнику, старик ставил волчьи капканы на ночь, а днем убирал их. На третью ночь вместо волка попал в капкан дикий кабан почти трех с половиной пудов, и старик добил его картечью. Наутро пригласил соседей на свежее мясо. У этого же старика во дворе была соевая скирда, на которую ранним утром прилетали дикие фазаны. Старик накрывал скирду рыболовной сетью. Почти каждый день ловил по несколько фазанов и, помню, однажды принес двух фазанов нашему деду и нам.

Как получилось, что в 1933 году мы голодали? Помню, весной во второй половине мая и в начале июня было сильное наводнение, причем во всех населенных пунктах. Посевы полностью смыты, картофель на корню сгнил, кое-где только сохранились стебли кукурузы. Вода через села текла более двадцати дней. Находчивые хозяйственники предлагали, как только ушла вода, посеять позднюю культуру — гречиху, но очень трудно было найти семенной материал. Люди стали собирать съедобные травы, кору сосновых деревьев, запасались ягодами. После наводнения на каждую семью колхоз выделил по полпуда кукурузы или пшеницы, независимо от количества членов семьи. Полпуда кукурузы нашей семье едва хватило на неделю — только варить жидкую кашу.

Главной заботой людей было накормить стариков и детей, сохранить домашних животных. Помню, каждому колхознику было дано задание доставить в колхозный двор по два воза соломы или сена для общественного скота. Это постановление управления колхоза выполнили все.

В 1934 году весна началась рано. Семян для посева не хватало, разыскивали их, где могли. В то время еще государство не мог-

ло оказывать существенную помощь. Во второй половине мая через Заготзерно колхозам дали немного семян сои, кукурузы, гречихи и проса. А в конце июня и в начале июля в село стали приходить какие-то люди, по шесть-семь человек, садились отдыхать на улице. Были они опухшие, с трудом передвигали ноги, просили милостыню или накормить чем-нибудь...

Во время наводнения школа была закрыта на две недели, но выпускные и переводные экзамены состоялись, нас, школьников, возили на лодках в школу и обратно. Помню, на обратном пути попадались большие перевернутые животом кверху щуки.

Оказывается, в момент охоты они прикидываются мертвыми, и когда другие рыбы подходят близко, то моментально переворачиваются и захватывают жертву.

В период зимних каникул, в январе 1934 года, мы, трое братьев, вместе с двоюродными братьями Алексеем и Валентином поехали за дровами километров за десять от дома, в дубовую рощу. Очень быстро нагрузили двое саней бревнами и отправились домой, с тем, чтобы вернуться за остальными дровами. Мы вернулись через 4—5 часов и видим: рядом с лесинами, которые были заготовлены, лежат большие дуплистые стволы, от которых исходит запах ароматного меда. Сначала погрузили на каждые сани по дуплистому бревну с замерзшим медом, а затем еще по два бревна и поехали домой. По дороге мы ели куски замерзшего белого меда. Приехали очень поздно, но зато с медом. Раскололи бревна и вынули более чем два ведра меда. На следующий день рано утром поехали туда же, но деревьев с медом больше не оказалось. Зато на вершинке небольшого дерева увидели сухой замерзший виноград, деревце спилили и взяли по семь-восемь килограммов изюма. А по дороге не попадалось ни зайца, ни медведя, ни кабана, как будто они все вымерли. В течение зимних каникул мы заготовили дров на целый год.

Еще мы собирали стручки сои на колхозном поле — за день каждый набирал по полмешка. Их сушили, затем понемногу мололи на каменной терке и готовили разную еду. Вот так мы пережили 1933 и 1934 голодные годы.

ЖЕЛТЫЕ ХОЛМЫ КАЗАХСТАНА

Мой дед Ким Ги Ен происходил из рода крупного военного чина, начальника королевской стражи, который в 15 веке после дворцового переворота вынужден был бежать и скрыться в глухой провинции на севере Кореи. Там и проросла наша тоненькая фамильная ветвь, которая впоследствии проникла в Россию, где я и увидел свет. Корни же моего старинного рода находятся в провинции Каннинг и уходят на большую историческую глубину, начинаясь во времена образования государства Силла.

Появлению моего деда в России предшествовала миграция корейцев, начавшаяся в шестидесятых годах прошлого века. Уходили с севера Кореи безземельные крестьяне, переселяясь на малолюдную тогда окраину Российской империи в поисках свободного жизненного пространства. Дед перебрался в Россию примерно в 1908 году, когда уже тысячи корейских семей поселились на землях российского Дальнего Востока и Приамурья.

Российские власти, заинтересованные в быстрейшей колонизации Дальнего Востока, вначале охотно давали русское гражданство корейским эмигрантам и наделяли их земельными участками. Но впоследствии, когда поток корейских переселенцев значительно увеличился, а из самой России на Дальний Восток было переселено достаточно русских крестьян, благоволение властей к корейским эмигрантам прекратилось.

Мой дед отправился в Россию один, оставив в Корее семью. Он был крестьянином, хотел иметь свою землю. Но на родине земли у него не было, а на чужбине ее не досталось — к тому времени, когда мой дед пришел в Россию, землю новоприбывшим корейцам выделять перестали. Он нанялся работником к какому-то зажиточному земляку по фамилии Ко.

Вышло так, что этот Ко вскоре умер, оставив после себя жену и сына, а мой дед, живший в их доме, постепенно стал за хозя-

ина и вскоре женился на вдове. От второго брака у него родилось трое сыновей, одному из них и суждено было впоследствии стать моим отцом.

Сочетаясь новым браком, дед полагал, видимо, что станет владельцем той земли, которая принадлежала умершему хозяину. Но фамильный клан Ко решил по-своему: усадьба и вся земля были переданы подростшему сыну покойного. Деду же достались не очень-то покладистая жена, прежняя бедность да горькое чувство вины.

Так зачиналась, с глубинной боли вины, русская жизнь нашей корейской ветви. Мечта деда, его всеильная крестьянская страсть — своя земля лишь в какую-то неверную минуту причудилась ему. Он умер от тоски и безысходности в 1918 году.

Перед этим пришел из Кореи его младший брат, пробравшись через запертую японцами границу. Он отыскал деда и потребовал от него, чтобы тот вернулся в Корею, где много лет ждет, пребывая в большой нужде, его первая семья. Но этого дед не мог сделать, с маленькими детьми совершить опасный путь через границу было невозможно. Бросить троих сыновей и вторую жену он тоже не мог. У деда никакого выхода не было, как только умереть. И он однажды, вернувшись с поля, лег в своем углу, отвернувшись к стене, и больше не встал. Похоронен он был на чужбине, где-то на берегу реки Амур у села Благодословенное.

Там и родился мой отец, Андрей Ким, был крещен в русской православной вере и наречен христианским именем. Но несмотря на это, отец никогда не был по вере и по характеру русским человеком. Он всегда оставался корейцем — во всей полноте своей натуры.

До пятнадцати лет, когда отец был направлен учиться в рабфак, он прожил с дядей. Тот после смерти своего старшего брата остался в России, считая своим долгом вырастить и воспитать трех племянников. У самого же дядьки в Корею остались его семья и дети, с которыми он больше никогда не встретился в этой жизни. Когда племянники выросли и разлетелись кто куда, дядька решил пробираться на родину через Маньчжурию.

На маньчжурской границе он и сгинул, никто больше о нем ничего не слыхал.

В 1937 году, когда настал самый кровавый год сталинских репрессий, корейцев принудительно выселили с Дальнего Востока. Крестьян, служащих, студентов, рыбаков, детей и взрослых, актеров театра, охотников за пантами и искателей горного

женьшеня — всех корейцев погрузили в товарные вагоны и эшелонным конвоем отправили в западном направлении...

Моя бабушка с материнской стороны, при крещении нареченная Анной, не раз вспоминала впоследствии, грустными глазами уставясь куда-то в пространство и деловито загибая пальцы на руке: «Нам пришлось все бросить: новый дом, двух лошадей и дойную корову, весь урожай риса, соленые кимчи, закопанные в глиняных бочарах в землю... Полный сундук, набитый кусками полотна. И всю посуду: медные тазы, глубокие и мелкие чаши, блюда, много ложек и палочек для еды — и все это из жаркой меди, вычищенной до блеска... Вся посуда осталась целехонькой лежать на полках».

Итак, корейцев непонятно за что переселили с Дальнего Востока на пески и в болота Казахстана, Узбекистана, в другие районы Средней Азии. Их лишили домов, имущества, привычных родных мест — и глубокой осенью тридцать седьмого года ссадили с товарных вагонов в камышовые болота у озера Балхаш, на утробные пески Кызылкумов, в малярийные долины Узбекистана.

Это насильственное переселение прямо обвиняло: виноват! Но в чем? Так до сих пор и не выяснено, в чем обвинялось корейское население Дальнего Востока. И около трехсот тысяч человек корейцев отправилось отбывать бессрочную ссылку, затаив в себе чувство неясной вины. Вот так я и родился с комплексом вины в своей крови 15 июня 1939 года в Казахстане, в южной его части, у гор с названием Тюлькубас, в поселке русских переселенцев Сергиевке.

Я помню голубой свет небес, мелькнувший за окном. Помню маму, срезающую на огороде большим ножом зеленые перья лука... Дует ветер, темные деревья сильно раскачиваются, стекло на окне, плохо примазанное к раме, стучит: тыр-та! тыр-та! тыр-та!.. Это Сергиевка. Мой отец получил там работу после окончания педагогического института. Мне, значит, два года от роду.

Будет преувеличением говорить, что человек способен в самом раннем возрасте постичь тягость и печаль существования.

Нет, ничего подобного я тогда еще не мог осознавать, а тягостное ощущение жизни рождалось потому, что началу моей жизни — с двух лет и до шести — сопутствовало военное лихолетье. И чувство голода, может быть, являлось тогда моим главным ощущением бытия... В том случае, если ты просыпаешься и, еще лежа в постели, хочешь есть, а потом весь день также хочешь есть, а еды почему-то не дают — разве не похоже это на

некую фатальную виноватость? Ты вроде бы виноват уже только тем, что появился на этом свете и хочешь есть.

К этому времени наша семья переселилась в другой край просторного Казахстана, к горам Талды-Курган. Перед моими глазами засветились под неистовым солнцем блекло-желтые холмы с округлыми вершинами, совершенно безлесыми, лысыми.

Вот на эти холмы я как бы и сошел с облаков и зашагал по бренной земле — и до сих пор иду, не представляя себе ясно, куда должен прийти под конец.

Итак, степь и желтые холмы Казахстана стали первой картиной моей души. Будучи в этом мире художником, я мыслю цветом, линией и художественными образами. Мир нашей души — это музей Божественного искусства. Каждый из нас носит в себе целую картинную галерею. Большие и важные части своей жизни я представляю в виде законченных картин.

Почему холмы Казахстана видятся мне блекло-желтыми, как цвет старого меда? Ведь ранней весной эти круглые горы вдруг наливаются ярким сиянием зелени — нет ничего на свете зеленее. Огромные алые облака диких тюльпанов вдруг в одночасье словно опускаются с небес на землю. И тогда безлесые склоны холмов становятся нарядными, как расписные шелка.

Над пыльно-желтой степью парят в размытом небе неторопливые орлы. И то огромное пространство, которое вмещает в себя и круговые полеты орлов, и предгорную равнину, и желтые холмы Казахстана, — навсегда вошло в мою душу.

Каждый народ живет там, где Бог определил ему жить. Но отдельные человекочастички отрываются, словно искры от пламени костра, — и могут улететь очень далеко... Я родился в Казахстане, стране бескрайних степей, выгоревших под солнцем, и неспешных орлиных спиралей над горами. Душу человека формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве.

В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и пополниться другими картинами мира.

Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью. Мне всегда будет душно и тесно в каменных ущельях городов, какими бы просторными и громадными они ни были. И жаркий пот на лице окажется для меня милее, чем прохладная сухость кожи в искусственном воздухе комнат, оборудованных кондиционерами.

И еще одно: никогда не перестанет шуметь и мельтешить в моей душе многоязыкий пестрый базар народов. Я стану человеком множественного полиментального склада характера.

Мой естественный космополитизм во всех случаях идет от моих самых ранних впечатлений...

Казахстан времен моего детства был местом ссылки, беженства и военной эвакуации многих народностей империи. Огромные просторы советская имперская власть предопределила как тюрьму для разных народов. В этой тюрьме находились ссыльные нации: немцы, чеченцы, крымские татары, корейцы и другие. По воле Сталина эти народы были сорваны со своих родных мест и брошены на малообжитые, бедные земли, словно за тюремные стены, откуда нет свободного выхода.

Корейцы были первыми, кого заключили в казахский «лагерь народов». И я родился уже несвободным — мои родители были ссыльными, и в паспортах у них были особые пометки.

За пределы Казахстана выезжать им запрещалось. Это положение сохранялось больше десяти лет.

Во время войны с Германией Казахстан был убежищем для бесчисленных беженцев, уехавших от нашествия немцев, — и местом ссылки двух миллионов «русских немцев» с Поволжья, где они жили на протяжении нескольких веков. Мне было лет пять-шесть, и моими друзьями тогда были Роман и Эльза, рыжеволосые немецкие дети. Их мать Клара, миловидная полная женщина, была уборщицей в школе, где отец работал после переезда из Сергиевки.

Чеченцы были страшноватыми людьми. Особенно страшными в них казались их огромные бараньи шапки с длинным мехом, свисавшим прядями на глаза, крючковатые носы и всегда почему-то рваная одежда, туго перехваченная на поясе узким ремнем. У корейцев с чеченцами были довольно напряженные отношения. Я помню, была корейская свадьба, вдруг народ зашумел и повалил на улицу. А там уже кипело настоящее сражение между чеченцами и корейцами. Причем дрались не только мужчины: чеченцы при подобных схватках вступали в бой всем скопом, от мала и до велика, молодые женщины и старухи, дедов и подростки. Вооружались они, чем только могли: дубинами, железными кочережками, мотыгами. Бабы чеченские понимали пронзительный вой и были не менее страшны, чем их мужья в лохматых шапках... В другой раз, я помню, в полях толпа корейцев гналась за одиноким чеченцем. Он был в большой

лохматой шапке, хотя стояла жара. Оказалось, что этот человек был вором: он угнал у корейского хозяина корову и зарезал ее... Его догнали посреди поля — и на моих глазах толпа стала побивать его кольями... Время было жестокое и беспощадное — настал послевоенный голод.

Чеченцев привезли с Кавказа где-то к осени, и они дружно принялись строить дома из глиняных кирпичей-саманов. Но к зиме дома у них не были готовы: стояли без окон, без дверей.

У переселенцев начался, видимо, голод. Чеченские женщины сидели на снегу вдоль дороги, с протянутой рукой, низко надвинув на лицо платки. Но через год-два чеченцы прижились на новом месте, как и корейцы, и немцы, и другие ссыльные народности. Они стали нашими соседями в городке Уштобе, где мы оказались после нового переселения, и у меня были даже друзья среди них: Ибрагим, Шамиль... На городском рынке появились наспех сколоченные чеченские лавочки и ларьки. Их хозяева в лохматых шапках уже не были одеты в рванье, на поясах у некоторых появились богато украшенные кинжалы в ножнах.

Казахстан моего детства, солнечный и жаркий, с шумными многоязыкими базарами, взрастил в моей душе то человеческое начало, которое развивалось потом в течение всей жизни и стало причиной и оправданием моей судьбы.

Я очень рано начал осознавать, что корейцы, к которым принадлежу и я, не являлись хозяевами жизни там, где мы жили. Мое детское сердце постоянно тревожилось за родителей, в особенности за отца, у которого бывал такой неуверенный, виноватый вид, когда у него случались какие-то неурядицы или осложнения по службе.

Я побаивался чеченцев, дружил с бедными немецкими детьми и завидовал своему единственному другу-казаху, малышу Масабая, у которого была своя верховая лошадь. У меня ее не было и никогда не могло быть.

В этом моем детском чувстве невозможности сказывалась горечь моего деда-крестьянина, у которого так и не было своей земли. Пожалуй, и моя душа предчувствовала, совсем недавно появившись на свете, что у меня «своей земли» тоже никогда не будет. Надо было устремиться к чему-то, что должно было быть свободным от эмигрантского комплекса национальной ущербленности. Надо было освободиться и от чувства вины, с которым ушел из жизни мой дед Ким Ги Ен, — и обратиться к такой жизни, которая дала бы мне чувство уверенности и правоты.

О НАШЕЙ СЕМЬЕ

Мой прадед (примерно 1837—1839 г. рождения) и дед Антон, 1863 года рождения, произошли на свет в селе Киге. К сожалению, точную дату рождения прадеда и его имени я не знаю.

Село Киге расположено вблизи портового города Пхохан в провинции Кенсан-Пукто, на юго-востоке Корейского полуострова. Прадед дал моему деду имя Антон, будучи в 1867 году в Посъете, в России. Мне поведали старшие, что фамилию Юк, по-русски Югай, дали моим предкам мудрейшие старцы села Киге как прозвище, которое переходило из поколения в поколение и превратилось в фамилию Юк; переводилась она в то далекое время примерно так — прозрачно-чистая вода реки у села Киге.

Жизнь у прадеда была нелегкой, порой трагичной. Феодалный гнет в Корее и отмена крепостного права и ряда налогов в России побудили прадеда покинуть родную землю, в надежде вернуться в Киге богатым человеком.

В 1866 году, в поисках лучшей жизни, прадед переселяется с семьей на север Корейского полуострова, в провинцию Хамген-Пукто. В том же году посещает Посъет, общается с русскими. Говорили, что прадед довольно хорошо разговаривал на корейском, китайском и японском языках, а также мог изъясняться по-русски. В 1867 году прадед вместе с шестью корейскими семьями и сезонными рабочими на шхуне прибывает в Посъет, где русские семьи тогда можно было пересчитать по пальцам. С согласия начальника погранзаставы прадед находит в 20—25 километрах от Посъета пристанище и приступает к освоению лесных неудобий. Создается пашня. Так в 1867 году появляется новая деревня в Посъетском районе под названием Верхнее Янчихе.

Моему деду Антону было тогда всего лишь четыре года, а его братишке — два года. Корейская деревня Верхнее Янчихе постепенно росла, увеличивались посевные площади, развивалось

животноводство, птицеводство и пасека. Продукция селян сдавалась. Сдавалась она государственным и частным компаниям и скупщикам, частью реализовывалась в самом Посъете, частью в Хясьме (Владивостоке).

В деревне возникли корейская и русская школы. В 1900—1910 годах здесь появились русские, сначала прикомандированные, затем стали прибывать целыми семьями на постоянное жительство. Вера в дружбу корейского и русского народов настолько возросла, что прадед и дед Антон, а позже отец Петр, 1891 года рождения, начали учить детей грамоте только в русской школе.

Под влиянием русских миссионеров и других приезжих детям давали русские имена — Харлампий, Михаил, Тимофей, Геннадий, Екатерина, Александра, Борис, Сергей, Роза и т.п.

Следует отметить, что прадед и дед Антон искренне переживали поражение русских в 1905 году в русско-японской войне и падение Порт-Артура. Они хотели видеть при жизни изгнание японцев с Корейского полуострова и всячески помогали корейским революционерам, боровшимся в тяжелейших условиях против поработителей. Прадед умер в 1908 году и похоронен в деревне Верхнее Янчихе, которую основал.

Кропотливый труд наших дедов сделал свое дело. К 1920 году деревня расцвела. В то время поговаривали, что будет создана Корейская республика в составе России. Забегая вперед, скажу, что надежды корейцев были тщетны, а инициаторы этих идей были расстреляны во время сталинских репрессий.

В 1937—1938 годах была расстреляна почти вся корейская интеллигенция.

До 1920 года жизнь корейцев была относительно хорошей, свободной, угнетения они не чувствовали. Однако вскоре она начала ухудшаться. С 1924 года у крестьян Верхнего Янчихе начали забирать зерно и другую продукцию сельского хозяйства — «излишки» — для оказания помощи голодающему населению на западе России. В отдельные годы не оставляли даже семян. Положение крестьян еще более ухудшилось в 1930 году, в период коллективизации. В том году дед Антон, который, как и его отец, отличался исключительным трудолюбием и добропорядочностью, раздал соседям по деревне только крупного рогатого скота и свиней около двадцати голов, и таким образом семья избежала раскулачивания и террора.

Мой отец был мобилизован и участвовал в войне против кайзеровской Германии. В 1914 году отцу исполнилось двадцать

три. С фронта он вернулся раненым. Мой отец был в деревне самым почитаемым человеком. Всегда вокруг него были люди, он давал работу сезонным рабочим. Они жили с хозяевами единой семьей в восьмикомнатном деревянном доме. В семье не разделялись на своих и чужих, все ели из одного котла. Надо полагать, что это спасло деда от террора и тюрьмы.

После коллективизации мы обеднели до нищеты. В 1935 году умер дед. Похоронен он в Верхнем Янчихе, рядом с могилой прадеда. Я не помню точно, где могилы моих дедов, сохранились ли они, найду ли их? Я низко, низко кланяюсь им и горько, горько плачу! Невозможно мне описать на бумаге мужество и трудолюбие первопроходцев, создателей деревни Верхнее Янчихе, освоившим трудом и потом целинные земли Посыетского района в России. Они так и не вернулись к себе на исконную родину — в Корею.

Коллективизация полностью расстроила и разорила нашу жизнь. Семья из четырнадцати человек распалась. В 1935—1937 годах братья, сестры и родственники покидали родную деревню. Последним ушел из дома 72-летний брат деда Антона. Так семья расселилась по всему Приморскому краю. Отец уехал, оставив большой деревянный восьмикомнатный дом. Другие корейские семьи вскоре выселили, а деревню заняли воинские подразделения.

Мой старший брат Тимофей, родившийся в 1910 году, в Верхнем Янчихе, еще раньше обосновался в Уссурийске (тогда — Ворошилов), и в 1936 году я с братьями и сестрами оказался у него. Здесь я пошел в школу.

Русские говорят, что беда не приходит одна. И действительно, не успели опомниться от коллективизации на новом месте жительства, на нас обрушилась еще более страшная беда. Мне было тогда только десять лет.

Корейская диаспора оказалась одной из первых жертв сталинского беззакония. Осенью 1937 года, в течение двух суток, все корейцы, проживающие в Уссурийске, были погружены в товарные вагоны, насильно вывезены с мест компактного проживания и переселены в Казахстан, в песчаные районы Казалинска и Аральского моря. Как спецпереселенцы мы не имели права выезда из Казахской ССР более десяти лет. По прибытии жили первую зиму десятками семей вместе с овцами. Обещанного жилья не было. Компенсация за сданное жилье и оставленное имущество не выдавалась, живность не возвращалась.

От простуды, изменения климатических условий и тяжелой жизни вскоре после приезда умерли младший брат деда Антона и бабушка. Через полгода в 1938 году от непосильного физического труда умер мой отец Петр. Его похоронили в городе Ново-Казалинске.

...Помню, как в Уссурийске директор хлебозавода, добрый, приветливый русский человек, разрешил отцу забрать целую подводку хлеба на сухари. Он говорил: «Петр, у вас большая семья, много детей, суши сухари — и в вагон». Сушили мы тогда хлеб сутками и незаметно погрузили сухари в вагон. Риск был огромный, ведь за это могли расстрелять директора хлебозавода и отца. Мне было тогда одиннадцать лет, помню, как все это происходило, как мама стояла днем и ночью у плиты, сушила сухари. Долго потом мы ели этот хлеб в Казахстане.

После ухода из жизни отца на руках у моей матери Софьи Хан осталось пятеро младших детей. Мама тяжелым физическим трудом зарабатывала деньги — сушие копейки — на содержание семьи. Я тогда еще не понимал всех ее горестей, ведь было мне всего двенадцать лет. Помню только — мама молотила шалу (рис) ножной ступкой (паи). Чистый, не разбитый рис возвращала скупщикам или продавала на рынке, мелкий дробленый использовала в семье. Кроме того, делала из сои выжимку — «тыби», которую также продавала на рынке. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год — в продолжение пятнадцати лет.

Мама не только вырастила нас, но и всем дала высшее образование. Вспоминаю, как она радовалась, что ее меньшие дети повзрослели и жить стали лучше, чем старшие сыновья и дочери. Она гордилась этим. Мы только теперь по-настоящему осознаем всю меру ее забот о нас — после ухода мамы из жизни, когда ее нет с нами...

Четвертое поколение нашей семьи уже плохо говорит по-корейски, а праправнуки и вовсе не умеют говорить на родном языке. Мало того, праправнуки теряют свою национальность.

По моей линии и линии моей жены, Лидии Сон, они стали русскими, украинцами, белорусами, казахами, киргизами, узбеками, молдаванами, немцами.

Однажды в июле 1996 года, ночью, я подумал, мог ли прадед даже предположить, что такое может случиться с нашим родом в двадцатом столетии. После этого и я уснул крепким сном. И услышал во сне властный голос моего прадеда, который говорил:

«Я остаюсь в Корее. Здесь я родился, и здесь я буду переносить все невзгоды, лишения и тяготы жизни. Не хочу, чтобы мучительно было жить моим внукам и правнукам вдали от своей родины! А если что случится не так, тогда забудьте меня и не ищите мою могилу!» Так во сне сказал мой прадед, уходя куда-то... Я вдогонку ему кричу: «Не уходите, подождите! Вы еще не выпили «пходо» — виноградное вино!» Проснулся, дверь в комнате, где я спал, была приоткрыта, а наружная закрыта на задвижку. «Как мой прадед мог выйти из дома», — думаю и гадаю. Лежу, а уснуть не могу. Ночь. На улице темно. За окном стоят стройные сосны и березы, слегка шелестя листвой. Это девятиэтажный жилой дом в Зеленограде, где я живу. Город самый зеленый и чистый в России. Сын ушел к невесте, жена гостит у дочери. Лежу на койке, глаза закрываются, опять засыпаю... Слышу во сне — опять говорит прадед:

«Простите, дети мои, допустил я непростительную ошибку, покинул родину свою! Каюсь! Вряд ли вам удастся найти могилу мою в России. И не ищите! Как вы будете встречаться между собой, ведь вы теперь живете в разных государствах? Печально! Это моя вина!» Так сказал прадед. Говорил он откуда-то из темноты, на сей раз я его не видел.

А ведь прадеда я и не мог видеть. Он ушел из жизни значительно раньше моего рождения. Нет его и на семейных фотографиях. Лишь по рассказам старших я мог воспроизвести его в своем сонном воображении... Он напоминал мне дядю Анастасия, младшего брата моего отца, но был крупнее и выше ростом.

А ведь Анастасий был не мелкий человек — имел рост 180 см.

Дети моего отца и его внуки, внучки жили и живут в самых разных государствах.

Старшая дочь Екатерина похоронена на Украине, в Евпатории. Ее сын Анатолий Ким живет в Евпатории, имеет троих детей.

Вторая дочь Александра живет с мужем Валентином Ни и сыном Валерием в Казахстане, в Чимкенте. Ее дочь Раиса с внучкой и дочерью живет в Узбекистане, в Ташкенте; дочь Фая с мужем и двумя детьми — в России, в Барнауле; дочь Венера с мужем и двумя детьми — в Казахстане, в Караганде.

Третья дочь Роза живет с мужем в казахстанском Чимкенте. Ее сын Володя с тремя детьми живет в Тюмени, а дочь с двумя детьми в Пушкино под Москвой.

Старший сын Тимофей и его жена Агафья Хван похоронены в Казахстане, в Кызыл-Орде. Его сын Бронислав жил и умер в Днепродзержинске; там теперь живут два его сына и жена Валентина. Сын Вячеслав живет с женой и двумя детьми в Санкт-Петербурге. Сын Володя живет в Северодвинске с женой и дочерью. Дочь Светлана живет с сыном и дочкой в Казахстане, в Кызыл-Орде.

Сын Харлампий, его жена Нина Вон и их сын Виталий похоронены в Казахстане. Их сын Георгий и две его дочери живут в Алма-Ате. Там же живет их сын Евгений с женой и сыном. Жена Виталия с его дочерьми живет в Кара-Тау.

Сын Борис похоронен в Кызыл-Орде. Там живет его жена Зинаида с двумя сыновьями.

Сын Геннадий живет в Минске с сыном Русланом. У Руслана двое детей — сын и дочка.

Я, Сергей — четвертый сын отца, — живу в Зеленограде.

Здесь же живет мой сын Геннадий. А дочка моя Елизавету с внучкой Наташей в Алма-Ате.

Переселенная в 1937 году семья моих родителей еще не обособилась как следует на новом месте жительства, как начались войны — с Японией в 1938 году, финская — в 1940 году и с Германией в 1941 году. В 1943 году мне исполнилось семнадцать лет. По моей просьбе Сырдарьинский райвоенкомат города Кызыл-Орда призвал меня в армию. Горвоенкомат готовил нас к отправке в артиллерийский полк (так говорили). Это было в конце ноября. Нас погрузили в товарные вагоны, примерно в такие же, в каких везли депортированных корейцев в 1937 году.

В эшелоне были только корейские ребята 17–18-летнего возраста, около 200 человек. Они были мобилизованы со всего Казахстана и Средней Азии. Но вместо фронта нас привезли на Крайний Север — в трудовую армию вместо обещанного артиллерийского полка.

Служить и работать мне пришлось на первой в СССР нефтяной шахте в системе Министерства внутренних дел. Остальные ребята работали на лесоповале и в других местах. Полуголодные, одетые в бушлаты, они опухали от голода и холода. Труд и условия быта были очень тяжелыми. Жили в бараках, спали на двухъярусных нарах. Я работал под землей, на большой глубине непосредственно шахтером-забойщиком (бурильщиком) на шахте № 1. Впоследствии меня назначили бригадиром. Это

была первая комсомольско-молодежная бригада во всем регионе, тем более на нефтяной шахте. Даже и сейчас не многие знают, что в 1942 году существовала в СССР на большой глубине шахта по добыче нефти. Бригада состояла из пяти человек. Наша единственная комсомольско-молодежная бригада шахтеров показывала образцы труда, обеспечивала выполнение и перевыполнение плановых заданий. Питание у нас было хорошее, называлось оно тогда «фронтное», даже оставалось. Стол наш единственный — был полным, т. е. состоящим из четырех блюд.

Вспоминаю о первых днях работы в шахте. При передвижении в тоннелях по штрекам я часто падал (по неопытности), чуть не ломал ноги и руки, бился головой о трубы. От боли тайком плакал. Просился на фронт, но не отпускали. Нам говорили, что мы здесь нужнее, чем где бы то ни было. Это действительно было так. Кавказская нефть была временно отрезана фронтом. Увеличивающееся количество самолетов, танков и транспортных средств требовало все больше горюче-смазочных материалов. Людей не хватало, а пополнения не слали. Все были мобилизованы на фронт, пленных еще не привозили.

Постепенно я начал привыкать к работе под землей, меньше стало травм, научился с толком пользоваться аккумуляторной лампой при движении по штрекам и забоям.

По соседству с нами, в соседнем забое, работали чуть ли не вечные каторжники и осужденные по статье 58 «враги народа», которых становилось все меньше и меньше. Стало нам известно, что многих заключенных отправляли на фронт в штрафные батальоны. Разнорабочими в шахте были немки-переселенки, от 14 до 60 лет. Нам показалось, что каторжники — «враги народа» — удивительно порядочные люди. Почему-то они всячески, потечески, оберегали нас, семнадцатилетних комсомольцев того периода, под землей.

Надо отдать должное старшему поколению шахтеров-заключенных. Они учили нас ходить под землей по штрекам и забоям, держаться поближе к воздушным трубопроводам, следить за трещинами в горной породе, особенно при взрыве в отвале и работе с бурильным молотком. Часто через щели и трещины просачивалась под давлением и вибрацией нефть, способствовавшая разрушению горной массы — обвалу.

Несмотря на принимаемые меры предосторожности, в один из январских дней я получил перелом правого бедра. Тяжелое ранение произошло во время буровых работ, когда я оказывал

помощь соседней бригаде. Эта соседняя бригада в тот день срывала выполнение плана буровых работ, а у нас было перевыполнение планового задания. Извлекли меня из-под обвала без сознания. Лечился в санитарном городке, который находился в 24 километрах от шахтоуправления. Пролежал в больнице в гипсе больше двух месяцев. Меня навещали главный инженер и начальник шахты №1, мои товарищи и друзья по работе.

После перелома ноги работал на разных работах и должностях, но в шахту уже не вернулся. Как ни старались врачи вытягивать мне ногу, все же она стала короче на два сантиметра.

Просился домой, но управление отклоняло мою просьбу. Долго я еще ходил на костылях. Мои товарищи по работе поговаривали, что я вернулся с того света, что чудом остался жив.

Вскоре я снова заболел. Заболевание — перитонит. Лопнул аппендицит, заражение брюшины. Привезли меня в тот же санитарный городок. Оперировали меня без всякой подготовки. На четвертый день после операции меня посчитали мертвым и без признаков жизни вынесли из палаты в коридор, но проходившая мимо санитарка случайно заметила на моем полуприкрытом простыней лице признаки жизни и доложила врачу.

Меня вновь занесли в палату, я начал оживать и выжил.

Узнал я об этом тогда, когда стал выписываться из больницы. У меня не оказалось ни обуви, ни одежды. Они были разобраны рабочими больницы для продажи и обмена на хлеб, когда я лежал, как все думали, мертвый. Пока я лежал в коридоре, то видел сон, который как сейчас помню. На земном шаре оказался я один, на Луне какая-то девица тоже оказалась одна. Земля и Луна двигались в межпланетном пространстве с шумом и свистом, дул холодный ветер. Мы подавали друг другу руки и никак не могли ухватиться. Сон прекратился, по-моему, когда занесли меня обратно в палату. В коридоре мне, наверно, было очень холодно, ведь я был накрыт одной простыней.

Наконец я выздоровел после двух месяцев лечения. Но операционная рана все еще кровоточила черной кровью. Через десять дней меня поместили в эту же больницу. Раскрыли живот, и там оказался тампон, который находился внутри около двух месяцев, — черный, обуглившийся. Мой молодой организм выдержал и это, я выжил.

В жизни бывают счастливые случаи, наверно, это дается Богом. Находясь дважды при смерти, я выживал. В этом особенно мне помогла корейка-соотечественница по фамилии Ким,

единственная, оказавшаяся в лагере для осужденных по политическим мотивам, звали ее Сан Кимя, было ей двадцать лет. Жила она в больничном городке как вольнонаемная без права выезда, работала швеей. Она мне поведала, что приехала на учебу в Москву из Кореи и была осуждена за помещенную в стенгазете института статью. В том году, она говорила, посадили в тюрьмы всех студентов-корейцев, которые впоследствии были сосланы в разные лагеря. О местонахождении своих сверстников она не знала. Именно она, как богиня милосердия, помогла в то голодное время мне выжить в больнице: находила дополнительное питание, кормила меня, лежащего больного, своей любимой ложечкой, приносила северные ягоды. Ее заботу обо мне невозможно с чем-либо сравнить. Разве что жена так ухаживает за своим любимым мужем или мать за сыном...

Вот в таких условиях я жил и трудился на Крайнем Севере, не осужденный, но на правах заключенного. После войны с корейцев были сняты все ограничения, и я вернулся домой в Кзыл-Орду. Мы могли учиться, жить и работать в любых республиках СССР. Я работал на разных работах и должностях, в проектных институтах и строительных организациях, в аппарате Министерства сельского хозяйства и совхозах, начальником управления капитального строительства Министерства пищевой промышленности, Министерства рыбного и плодовоовощного хозяйства Казахстана. Моя семья практически ни в чем не нуждалась...

А потом мы переехали в Зеленоград, город самый зеленый и чистый в России... Но это уже отдельная история.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

THE JOURNAL OF THE

Станислав Ли

Вдоль поля плывут
Камышовые шляпы-саккади.
Матери-сестры мои...
Я знаю, какая нужда
Вас сюда привела.
Но разве иного
Нет больше пути,
Как идти по палящему зною
Туда,
Где кончается солнце?
Вздохнет безнадежно
Огромное поле...

Как будто сошлось отовсюду
Здесь горе людское.

Не умолкай, дянгун...
Благословенный ритм времени,
Вобравший радость и народа стон
И долгий путь скитанья...

Пространства нет!
Лишь сердце —
Бьётся
Глухим ударам
В унисон

Наши танцы
Печально-медлительны,
В наших песнях —
Сплошная мольба.
Я спросил — отчего это?

Услышал — судьба...

Не стало корейских имен.

Остались короткие
Наши фамилии.

Но по-прежнему пища
Родная горчит,
И дед
На вопросы о прошлом
Молчит...

Кукушка в горах,
В моем селенье,
Отсчитывает время
Без меня...

«ПОДЛЕЖАТ ВЫСЕЛЕНИЮ...»

1937 год войдет в национальную историю российских корейцев как одна из самых горьких страниц. Этот год принес несчастье не только российским корейцам, но и многим народам Советского Союза. Массовый террор в отношении десятков миллионов людей различных национальностей СССР послужил предвестником для качественного поворота всего социально-политического и идеологического развития советского общества. Произошел переход от прежней линии на достижение «мировой революции» к строительству откровенно монархического великодержавного государства, прикрываемого социалистическим и демократическим ярлыками. Так называемая «победа социализма» в стране и принятие новой, сталинской, Конституции (1936 год) практически означали не осуществление социалистического идеала социальной справедливости и демократического равенства людей, о чем веками мечтали лучшие умы человечества, а утверждение грубого тоталитарного строя, политического и экономического господства нового эксплуататорского класса партийно-государственной бюрократии, захватившей в свое управление обобществленную и централизованную экономику, а также власть над всеми слоями трудящегося народа: рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Сочетание методов террористического подавления всяких попыток сопротивления системе с разнузданной социальной демагогией о «самой лучшей в мире стране» и наступлением на умы для насаждения единой (единственной) партийной, якобы коммунистической, идеологии составляло основу существования и дальнейшего продления жизни новой системы, которая демонстративно противопоставляла себя капиталистическим странам, то есть остальному человечеству. Великодержавный внешнеполитический курс делал эту систему весьма агрессивной и опасной для других стран, об-

рекаемых на то, чтобы стать объектом экспорта коммунистической революции.

Формирование нового тоталитарного классового общества происходило в сложных международных условиях противостояния всему капиталистическому миру, раздраемому своими собственными противоречиями, вызвавшими в конце концов Вторую мировую войну. Сталинское руководство, создававшее тоталитарную систему, оправдывало свою террористическую политику физической ликвидации миллионов людей ссылками на подрывную деятельность империалистических разведок, направленную против социалистического строя в Советском Союзе. К числу провокационных акций сталинского руководства относится и расправа с советскими корейцами Дальнего Востока, обвиненными в шпионско-диверсионной деятельности в пользу Японии.

МОТИВИРОВКИ ДЕПОРТАЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК «О недостатках в партийной работе и задачах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (3 марта 1937 года) предупреждал, что Советский Союз в условиях капиталистического окружения наводнен иностранными шпионами, призывал выявить их и обезвредить. Затем еще интенсивнее заработала сталинская пропагандистская и репрессивная машина. «Правда» 16 и 23 апреля опубликовала статьи о японской шпионской сети и японском шпионаже на Советском Дальнем Востоке, в которых подчеркивалось, что японские шпионы располагаются в Корее, Северном Китае, Маньчжурии и Советском Союзе, что для японского шпионажа широко используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей. Судебные процессы доказывали «убедительность» этих доводов.

В начале мая состоялся суд над сотрудниками Амурской железной дороги в городе Свободном. Сорок четыре обвиняемых, включая заместителя директора дороги, были приговорены к расстрелу как троцкисты и белогвардейцы, устраивавшие аварии по заданию японской разведки («Правда» от 22 мая 1937 года). 15 и 23 мая газета «Тихоокеанская звезда» сообщала о двух судебных процессах во Владивостоке, в каждом из которых к смерти были приговорены по одиннадцать рабочих и служащих Дальневосточной железной дороги. Дальше больше. 4 июня в

городе Свободном приговорены к расстрелу 28 железнодорожных служащих, 20 июня в Хабаровске приговорены к смерти 37 работников железной дороги.

11 июня 1937 года состоялась судебная расправа над маршалом М.Н.Тухачевским и другими военачальниками Красной Армии. Еще до этого громкого процесса в Москве сталинские сатрапы вовсю расправлялись с партийными, советскими, военными и железнодорожными руководителями на Дальнем Востоке. После этого началась полная депортация корейского населения с Дальнего Востока.

Опубликованные после падения сталинистского режима архивные документы дают представление о произвольном и незаконном характере депортации советских корейцев с Дальнего Востока. Основным документом, обосновывающим этот акт, было «Постановление (М. 1428—326 сс.) Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) о выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», подписанное И. Сталиным и В. Молотовым. В постановлении указывалось: «В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному крайкому ВКП(б), Крайисполкому и УНКВД Дальневосточного края выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края: Посьетского, Молотовского, Гродековского, Ханкайского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмаковского, Постышевского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Суйфунского, Кировского, Калининского, Лазо, Свободненского, Благовещенского, Тамбовского, Михайловского, Архаринского, Сталинского и Блюхерово и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР.

Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродекову районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1-му января 1938 года».

Формально допускалось, что переселенцы могут «брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность», что им будет возмещена стоимость оставляемого «движимого и недвижимого имущества и посевов», что корейцы могут при желании выехать за границу (для чего устанавливается «упрощенный по-

рядок перехода границы»). Однако более строгим было указание, данное НКВД, «принять меры против возможных эксцессов и беспорядков со стороны корейцев в связи с выселением».

В действительности депортация коснулась корейского населения не только приграничных районов. Если в постановлении от 21 августа 1937 года предусматривалось выселение корейцев только из пограничных районов, то Постановлением СНК от 27 сентября 1937 года (за подписью Молотова и Петруничева) корейцы выселялись со всей территории Дальневосточного края вплоть до Забайкалья. О том, насколько широко и произвольно трактовалось это постановление, можно судить по секретной директиве Читинского областного управления НКВД, разосланной районным отделениям 15 мая 1938 года. В ней говорилось: «Всех корейцев, нелегально прибывших в СССР под видом политэмигрантов и перебежчиков, немедленно арестовать, а также всех корейцев, проходящих по показаниям (т. е. по доносам других. — Прим. авт.). На проживающих вблизи воинских частей и работающих в подсобных хозяйствах военного ведомства выслать справки на арест. Установлено, что корейские колхозы и сельхозартели в Забайкалье являются базой японской разведки. Под этим углом подойти к оценке существующих корейских колхозов (Карымский район, Нерчинск). Оставшихся корейцев взять на персональный учет» (подписано: начальник Читинского управления НКВД Хорхорин).

Насильственное переселение дальневосточных корейцев в Казахстан и Узбекистан представляло широкомасштабную репрессивную акцию, осуществленную в короткие сроки с большими материальными и духовными потерями для народа. Это была первая проба сталинской модели решения национального вопроса путем ликвидации национальной идентичности малых народов, отрываемых от насиженных мест, служивших очагами национальной культуры, национальной жизни. В это время также выселялись курды из пограничных с Турцией районов Армении, поляки из Белоруссии и Украины, немцы-менониты из Украины, иранцы из Азербайджана. Нельзя не согласиться с мнением С.У.Алиевой, писавшей: «Если смотреть правде в глаза, то выселение народов... на деле являлось настоящей репрессией — притом жестокой... Целые народы были сорваны с земли, на которой жили издревле, рвались корни, вековые межнациональные взаимосвязи, нарушался устоявшийся порядок в жизни. Уничтожались традиции, налаженное хозяй-

ствование. Переместившись в чужие, чаще всего неприемлемые по климату, природе, пище, образу жизни края, люди погибали если не физически, то нравственно. Они отчуждались от земли и орудий труда, заболели неизбежной болезнью равнодушия и апатии временно живущего, утрачивали привычные, воспитанные в них моральные устои — обретали психологию перекачки-поля»).

Принудительное выселение корейцев производилось под руководством известного палача Н. Ежова, направлявшего действия своего ставленника на Дальнем Востоке Г. Люшкова. В «меморандуме» для него (24 августа 1937 года) Ежов требовал «обеспечить точный учет всего корейского населения перечисленных районов, приняв меры, исключающие возможность самовольного одиночного или группового выезда в другие районы ДВК», «корейцев, ведущих антисоветскую деятельность и подозреваемых в шпионских связях за кордоном, арестовать, провести короткое следствие, оформить дела и направить их в зависимости от результатов в судебные органы или решить на тройках», во всех районах предполагаемого выселения корейцев «создать тройки из представителей Дальневосточного крайкома ВКП (б), Крайисполкома и УНКВД Дальневосточного края».

Таким образом, само переселение не только обставлялось принудительными органами, но и предусматривало произвольные аресты и расправы со всеми «подозрительными». Потому массовые аресты корейских партийных, государственных, военных деятелей и представителей интеллигенции не только предшествовали, но и сопровождали ход переселения.

Чтобы беспрепятственно осуществить насильственное переселение корейцев Дальнего Востока, сталинский режим лишил их признанных руководителей — аресту и расправам подверглись многие тысячи партийных работников, государственных служащих и военных деятелей. Достаточно вспомнить, что уже в 1935 году были расформированы корейские национальные воинские части в Красной Армии (76-й и 77-й полки, располагавшиеся в Спасске и Никольск-Уссурийском), личный состав которых почти на 70 процентов представляли антияпонские партизаны, активные участники Гражданской войны на Дальнем Востоке. Все они подверглись репрессиям: были расстреляны или погибли в преисподней ГУЛАГа. По словам Люшкова, только во время переселения за два месяца было арестовано 2500 корейцев).

Одновременно проводились аресты корейцев в Москве, Ленинграде, Иркутске, Новосибирске, Омске, Барнауле и других городах. Мой отец Николай Харитонович (р. 1880 г.), живший у своего сына (военного коменданта Ярославля) был арестован в сентябре 1937 года. Брат мой Мирон Николаевич (р. 1907 г.), военнослужащий, был арестован весной 1938 года. Отец (посмертно) и брат были реабилитированы решением Военной коллегии Верховного суда СССР в 1956 году.

Вообще трудно поддается учету число советских корейцев, пострадавших во время сталинских репрессий. Из доклада Ежова на имя Сталина и Молотова следует, что «25 октября 1937 года выселение корейцев ДВК закончено», что «выселено корейцев 124 эшелона в составе 36 442 семей, 171781 человек», что остальные корейцы — спецпереселенцы на Камчатке и в Охотске — «будут вывезены сборным эшелоном к 1 ноября», что 76525 человек направляются в Узбекскую ССР и 95256 человек — в Казахскую ССР, что 76 эшелонов уже прибыло к местам назначения, а 48 эшелонов еще находятся в пути). Из этого же сообщения видно, что советское правительство тщательно подготовилось к скорейшему изгнанию корейцев Дальнего Востока, но мало сделало для устройства жизни переселенцев в новых местах. Причем организаторы переселения постарались так разбросать их (и закрепить без права передвижения) по различным районам Казахской и Узбекской ССР, что в результате корейцы как нация утратили территориальную общность проживания и национальную культурную идентичность в такой мере, что через несколько десятилетий потеряли даже национальный язык как средство общения и превратились в русскоязычное население в инонациональной среде.

О многочисленных страданиях корейцев во время переселения и на новых местах расселения уже писалось немало, но остается неизвестным общее число жертв сталинских репрессий. Одним из первых этот вопрос поднял профессор Хельсинкского университета Ко Сонму, который писал, что к 1936 году общая численность корейского населения в России составляла 205 тысяч человек, а число переселенных корейцев, по данным НКВД, не превышало 180 тысяч человек. В таком случае, куда могли подеваться более 20 тысяч корейцев? Сколько из них могло эмигрировать за границу или уехать в другие районы России? Сколько их погибло в многочисленных учреждениях ГУЛАГа или умерло от голода и болезней во время, и после переселения?

Эти вопросы еще ждут ответа в новых специальных исследованиях.

К концу 1938 года значительно ослаб массовый террор, в результате которого уже стабилизировался сталинский тоталитарный строй, характеризовавшийся тем, что, с одной стороны, существовало гражданское общество, направляемое партией и ее «приводными ремнями» — комсомолом, профсоюзами и др. организациями, и, с другой — общество подневольных людей (лагерники, ссыльные, спецпереселенцы и пр.), подвергавшихся нещадной эксплуатации и производивших значительную часть национального (общегосударственного) продукта.

Официальная формулировка причины переселения корейцев — «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» — и внезапное требование покинуть родные земли, политые потом и кровью корейцев, не могли не вызвать у них недоумения, горечи и возмущения. О настроениях корейского населения в связи с объявленным переселением рассказывает любопытный документ — «Спецсообщение № 1», направленное Люшкову начальником войск НКВД комбригом Соколовым. Сообщая о том, что основная масса корейского населения отнеслась удовлетворительно к мероприятиям советской власти и партии, Соколов пишет, что «имеют место со стороны отдельных лиц в колхозах, а также среди корейских коммунистов отрицательные настроения и антипартийные суждения, как-то: «Нам, коммунистам-корейцам, партия не доверяет» или «Меня выселяют разве потому, что у меня цвет лица другой» И т. п., что «со стороны русской части населения появляются шовинистические настроения».

В этом документе, составленном по доносам агентов НКВД, приводится немало характерных высказываний. В Ханкайском районе второй секретарь райкома партии Николай Ким к переселению отнесся резко отрицательно, заявив, что «меня выселяют, мне не доверяют, я не поеду и не смогу там работать» и выехал к товарищу Варейкису (секретарю крайкома). Конечно, затем он, наверно, угодил в тюрьму. В Спасском районе член партии Петр Ким заявил, что не подчинится и не поедет — «пусть, что хотят делают, пусть переселяют, а я застрелюсь». В Молотовском районе кандидат партии Ли Вандю сказал, что «органы НКВД репрессировывают корейцев потому, что видят в каждом из них шпиона» и добавил: «Черт ее знает, что делается сейчас, наверное, органы НКВД скоро всех переарестуют». Бригадир колхоза

«Приморский партизан» Ким Дун Фа говорил, что «советская власть боится, чтобы корейцы не перешли к японцам, ибо будет война. Правительство хотело перебить всех корейцев, но этого сделать не может и решило начать переселение с расчетом на то, что по дороге все подохнут, и хлеб наш заберут коммунисты».

Когда в доме Ан Пука (город Ворошилов) зашел разговор о переселении, военнослужащий Андрей Пак заявил: «Я имею связь с Казахстаном и знаю, что дальневосточники не перенесут казахстанский климат, и если переселятся туда, то безусловно сдохнут все ребяташки», а его собеседник Ким Едусы говорил: «Я всю ночь думал насчет переселения, взял сочинения Ленина, подробно прочитал статью о национальной политике, но такого момента нигде не нашел, и если был бы я грамотен по-русски, то написал бы статью в газету и увидел, посадили бы меня или нет». Любопытно высказывание о переходе за границу. «В селе Татьяновка (Спасского района) рабочий Шин Ник, заявил о своем желании выехать за кордон, но, однако, под давлением общественного мнения отказался от выезда, ибо «ему многие заявили, что тебя японцы задушат». В том же районе колхозник Се Хан Гуй заявил на собрании, что «лучше нам ехать хоть за Казахстан, но не в Корею». А русский единоличник села Красный Кутзенко говорил: «Хорошо, что выселяют корейцев, с русскими будут больше считаться».

Но были и наивные высказывания, что «не может быть, чтобы это решение о выселении дал т. Сталин» и что надо ему дать телеграмму, что русские не умеют возделывать рис, поэтому «вынуждены будут вернуть нас обратно», или что после переселения, «наверное, нам там создадут автономную корейскую область» и т.д. Трезвые люди прямо считали неправильной политику переселения и протестовали против производимых арестов. Председатель колхоза села Монакино (Молотовский район) Алексей Ном по поводу арестов заявил: «Работать не буду. Забрали семь человек. Осталось в колхозе семь инвалидов».

Народ чутьем понимал незаконность всего происходящего, но не смог даже подозревать, что главной причиной несчастья является великодержавная политика геноцида малочисленных народов, которую проводили Сталин и его подручные.

О НЕКОТОРЫХ РЕАЛЬНЫХ ПРИЧИНАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ КОРЕЙЦЕВ С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Политика насильственного выселения с Советского Дальнего Востока, ставшего для выходцев из Кореи второй родиной и базой их национально-освободительного движения против японского империализма, была связана с продолжением великодержавной политики царизма в отношении малочисленных народов, что было естественно в итоге перерождения советской власти и превращения ее в тоталитарное (фактически монархическое) государство сталинской диктатуры.

Типичным выразителем расистской антикорейской политики царизма был приамурский генерал-губернатор (1905—1910) П. Ф. Унтербергер, взгляды которого сводились к следующему:

«1. Вернейший залог прочного упрочения за нами Приамурья — это возможно плотное заселение его русским людом, поэтому захват более или менее обширных площадей корейцами, выселение коих в будущем может встречать всевозможные препятствия, равносильно ослаблению нашей силы сопротивления натиску желтой расы.

2. Опыт показал, что корейцы, даже при условии перехода их в русское подданство и принятия в православие, не ассимилируются с русским населением, оставаясь во всех отношениях чуждым нам народом; присутствие, в значительном количестве у нас такого элемента, для нас всегда нежелательное, может оказаться чрезвычайно вредным в случае войны с Китаем или Японией.

3. В местах наибольшего скопления корейцев уже теперь наблюдается прискорбный факт, что способ ведения хозяйства путем отдачи земель в аренду этим инородцам развращает наше сельское население, которое отвыкает от самостоятельного крестьянского труда и предается безделью и пьянству».

А в беседе с представителем МИДа России В. Граве он заявил еще резче: «Не могу согласиться с мнением моих предшественников, считавших, что пустынный край нужно прежде всего заселить, хотя бы и корейцами. Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский. Придет время, край заполнится русскими, запасы земли будут возделаны, но уже ими, а не корейцами. Правда, это произойдет, может быть, через сто лет, но, по крайней мере, у меня не будет на душе, что я дал расхитить русскую землю каким-то желтолицым».

Как известно, корейцы Дальнего Востока восторженно встретили Октябрьскую революцию и в годы Гражданской войны (1918—1922) решительно встали на сторону советской власти, чем немало содействовали ее победе. Однако с победой советской власти не сбылись их надежды, особенно на получение гражданства и земли. Линия Дальбюро ЦК РКП(б) в отношении корейцев, по существу, продолжала линию царизма и была направлена на выселение корейцев. Преследовались даже партизаны, содействовавшие победе советов. В начале 1923 года председатель Корбюро Восточного отдела Коминтерна с беспокойством сообщал Приморскому губкому РКП(б) о ненормальных явлениях в Приморье, когда «расселенные по уездам и лишенные документов корейские партизаны арестовываются, выдерживаются в тюрьмах и в результате высылаются в Корею, где они попадают в руки японских властей».

Уже в 1922 году был принят Дальбюро РКП план выселения корейцев из Приморья. Это встретило резкий протест Хан Менее, одного из видных корейских коммунистов, который писал тогда в Наркомнац: «...Дальбюро ЦК РКП (б) постановило выселить всех корейцев из Приморья. Это абсурд. Мотивы: распространение в крае японского влияния через корейцев. Мы знаем это хорошо и первыми подняли вопрос о борьбе с этим явлением, но для этого необходима организованная и целесообразная борьба, а не «выселение» всей массы корейцев из Приморья. Тут нужна не политика открещивания, которую давно заняло Дальбюро по отношению к нам, а совместная братская работа по разрешению нашего вопроса». Он надеялся на участие Сталина в решении проблем корейцев.

Но как раз при участии Сталина с 20-х годов проводилась шовинистическая политика по отношению к корейцам, и был взят курс на принудительное выселение их из южных районов Приморья, поэтому отвергались всякие проекты решения земельного вопроса (наделение земель безземельных арендаторов, эксплуатируемых местными зажиточными крестьянами, фактически помещиками), блокировалось создание корейской национальной административной автономии, равно как и вообще деятельность корейских организаций.

В период с 1927 по 1932 годы Политбюро ЦК ВКП(б) на своем секретном заседании неоднократно обсуждало вопрос «о корейцах», но никогда в них не участвовали представители корейцев, а решения их были однозначны — административное, то

есть насильственное, выселение с занимаемой территории, хотя эти проекты противоречили международному праву и советской Конституции.

Несмотря на провал неподготовленного проекта 1922 года о выселении корейцев с Южного Приморья, снова с 1926 года настойчиво проводилась линия на то, чтобы корейское население здесь заменить русскими переселенцами из центральных районов. Постановление Президиума ВЦИК от 6 декабря 1926 года ставило цель не допустить закрепление корейского населения на территории к югу от Хабаровска, поэтому находящиеся в этом районе безземельные крестьяне-корейцы подлежали переселению в район Хабаровска и Благовещенска (к северу от сороковой параллели). После трехлетнего срока упорядочения землепользования предполагалось, что земли, освобожденные от корейских эмигрантов, перейдут русским переселенцам, причем теперь уже категорически запрещалась сдача земли в аренду. Это решение было подтверждено Постановлением СНК РСФСР от 28 января 1927 года, выдвинувшим развернутый план переселения безземельных корейских крестьян в северные, необжитые районы Хабаровского округа — Курдаргийский, Биджанобирский, Урмийский, Синдийский. Сюда рассчитывали переселить из Владивостокского округа 19536 семей, или 106835 человек (54 процента которых должны были составить лица без советского подданства). Согласно пятилетнему плану, из 150 тысяч корейцев Владивостокского округа выселению подлежало около 100 тысяч человек: в 1929 году — 1299 чел., в 1930 году — 5000 чел., в 1931 году — 19297 чел., в 1932 году — 28610 чел. и в 1933 году — 33614 чел.

Но так было на бумаге. В действительности же из-за полной неподготовленности условий в Курдаргийском и Синдийском районах был сорван план переселения одной тысячи человек в 1927—1928 годах. Меньше одной трети плана составило число переселенцев в 1928—1929 годах. В 1930 году переселено было 1625 человек, из них 1450 человек — в Хабаровский округ и 170 человек — в Казахстан. План 1931 года вовсе провалился, и Далькрайком обвинял в этом «саботажников» и «правых оппортунистов», выступающих против линии партии. На деле в новых местах переселенцы попали в такие нечеловеческие условия (даже нельзя было выкопать колодцев, и пили озерную, то есть болотную, воду), что люди не могли ни пахать, ни сеять, а дети погибали массами. С февраля 1931 года осуществление этого проекта прекратилось вовсе.

Затем внимание властей было направлено на массовую коллективизацию, которая, однако, не устранила ни противоречий, ни конфликтов. Безземельные крестьяне в колхозах видели свое спасение, но это не прибавило им пахотных земель. Недовольные колхозами русские кулаки старались всячески навредить корейским колхозам, устраивая поджоги и убийства. А с созданием русских колхозов власти старались передать им добротные угодья корейских колхозов. Политика выселения корейцев проводилась властями определенно в угоду русским колхозам, которым переходили их имущество и земля. Так, в условиях гонений и беспокойств корейцы встретили 1937 год.

Среди причин, определивших насильственное переселение дальневосточных корейцев, присутствовал и играл большую роль внешнеполитический фактор, связанный со взаимоотношениями СССР и Японии. Со времени окончания русско-японской войны одной из главных причин, мешавших России налаживать отношения с победительницей — Японией, была активная антияпонская политическая и военная деятельность корейцев, продолжавших борьбу за независимость своей страны и превративших пограничную территорию русского Дальнего Востока (вместе с Маньчжурией) в свою ближайшую оперативную базу за рубежом.

Еще до революции царские чиновники считали вредной для сближения России с Японией деятельность корейских вооруженных отрядов, снаряжаемых с русской территории. В архиве сохранилось любопытное письмо, направленное военному губернатору Приморской области по граничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае Евгением Смирновым (6 февраля 1909 года), который характеризовал руководителей повстанческой борьбы на русской территории Петра Цоя, Николая Ли и Эм Инсеба «как разбойников». Он писал: «Местная полицейская власть, окруженная кольцом корейцев, лишена всякой возможности не только не допустить, но узнать вовремя о замышляемом предприятии». Ввиду изложенного, «дабы не создавать конфликта с японским правительством и убить в корне корейские политические предприятия в наших пределах» Смирнов предлагал: 1) «выдать японским властям в городе Кенхыне корейского подданного Николая Ли как разбойника и грабителя», 2) эмигранта Ли Бомюна выслать в Хабаровск и водворить под надзор полиции, 3) русскоподданных Петра Цоя и Эм Инсеба выслать в город Благовещенск (под надзор полиции) хотя бы на

год. И в заключение он писал, что «без этих действенных мер нельзя выполнить распоряжения г. Председателя Совета Министров статс-секретаря Столыпина «о принятии действительных, то есть решительных, мер к недопущению антияпонского движения на нашей границе» (телеграмма мне от 12 мая 1908 года за М 672)».

В АВПРИ сохранилась любопытная нота японского посольства в Петрограде (на французском языке) Министерству иностранных дел России, к которой был приложен список тридцати самых известных корейцев, находившихся в России (открывал список Ли Донхви) И продолжающих борьбу за освобождение своей родины. Японское правительство требовало «изгнания их за пределы России или передачи японским властям таким образом, каким сочтет удобным для себя российское правительство», и «если оно сочтет для себя невозможным принять указанные меры, особенно к тем, которые приняли российское подданство, то просит переправить их в глубь Сибири, передав под постоянный полицейский надзор так, чтобы лишить их возможности всякой связи со злонамеренными корейцами в Приморской области и других районах».

Идею отселения мятежных корейцев подальше от границы, в глубинные районы Сибири, уже тогда подсказывала России японская дипломатия, но еще более актуальной стала эта идея для Японии после ожесточенных схваток с корейскими патриотами в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке. После этого в 30-х годах японской дипломатии очень не нравились резкие антияпонские высказывания газеты «Сонбон», И японский генконсул во Владивостоке обращал внимание на их недопустимость.

А сталинская дипломатия становящейся новой империи тогда настойчиво добивалась сближения с Японией, чтобы стать ее партнером в завязавшейся борьбе за сферы влияния в Восточной Азии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

И наконец, встает вопрос: почему такое оказалось возможным — уничтожение миллионов людей с ярлыком «врага народа», беззаконие и произвол палачей, преследование людей целыми народами? Почему не было организованного сопротивления сталинскому режиму даже со стороны бесчисленных его жертв?

Прежде всего это можно объяснить чудовишным масштабом правдоподобного обмана, заставлявшего верить в него не только палачей, но и их жертвы (причем места их могли меняться в зависимости от времени и обстоятельств).

Я никогда не забуду беседы с одним своим родственником (кажется, троюродным братом, внуком брата моего деда) — известным в годы Гражданской войны командиром партизанского отряда Ильей Паком, которого случайно встретил летом 1935 года в Чите. Раньше я слышал, что он был ответственным работником краевого масштаба, но я встретил его уже тогда, когда он в результате «проверки партдокументов» был исключен из партии, лишился занимаемой должности. Но меня тогда школьника — больше всего поразило то, что после всего случившегося он проявлял полную покорность своей судьбе и отсутствие даже тени недовольства совершенной несправедливостью. Он меня уверял, что и без партийного билета можно оставаться настоящим большевиком и служить делу социализма (и пр.). Трагедия состояла в том, что даже жертвы сталинских репрессий еще долго продолжали верить, что они страдают во имя социализма.

Константин Тен
В СТУДЕНУЮ ПОРУ

1937 год. В ту осень мне было двенадцать лет. Мне, как и многим моим сверстникам, постоянно хотелось есть... Помню, как вдруг ночная тишина маленького провинциального городка Биробиджана нарушилась под утро шепотом не понятных для детей тревожных разговоров. Загадка этой тревоги раскрылась неожиданно. Ждать долго не пришлось. Однажды рано утром я услышал разговор родителей, где промелькнули слова «наше село уже проехало». Имелось в виду, что односельчане их, в том числе и родственники, проследовали через Биробиджан в товарных вагонах. Первые эшелоны переселенцев-корейцев формировались у берегов Японского моря и последовательно, шаг за шагом, корейцы, проживающие на Дальнем Востоке, выселялись на запад. Позднее я узнал, что граница нового расселения корейцев проходила в районе Читы.

Получив от проезжающих земляков полную информацию о процедуре переселения, биробиджанские корейцы безропотно стали ждать от властей приказа об отъезде. Как сейчас отчетливо помню, это было в первых числах октября. Когда думаю о событиях тех дней, вспоминаю о случае, описанном А.И.Солженицыным в книге «Архипелаг ГУЛАГ». В одном городе ночью пришли брать рабочего мужика. Он схватил топор и стал защищаться. А если б в то время каждый поступил бы так, как этот человек?

Приказа со стороны властей о выселении долго ждать не пришлось. Мои родители, отец Макар Михайлович и мать Наталья Ивановна, были вызваны в дом, где размещалась власть.

Разговор с ними был короток и ясен. Вернувшись, отец сказал, что через день мы со всей семьей и вещами должны явиться на станцию, где нас посадят в вагоны.

Помню, как сейчас, в ясное прохладное утро на станции Биробиджан собралась толпа с вещами, состоящая из корей-

цев всех возрастов. Правда, никто из моих товарищей и знакомых наших родителей, с которыми они общались и дружили, не пришел нас провожать. Я имею в виду людей других национальностей. Кроме случайных любопытных наблюдателей за ходом событий. Посторонние люди воспринимали происходящие события двойственно; с одной стороны они не понимали, что происходит, а с другой — испытывали, наверное, радостное чувство оттого, что местность, где они проживают, очищается от потенциальных врагов, могущих в случае чего-нибудь стать пособниками японских империалистов. Наверное, подобные мысли навязывались людям.

Вдоль товарного состава прохаживалась туда и обратно группа исполнителей распоряжения властей, состоявшая из сотрудников НКВД, которые были и в форме, и в штатской одежде. В середине длинного товарняка размещался штаб-вагон, где находились ответственные старшие чины сотрудников НКВД и солдаты. Через каждые восемь-десять вагонов состава был прицеплен вагон, в котором имелась переходная площадка с вооруженным часовым. После полудня к часам трем-четырем дня размещение людей в вагонах закончилось.

Оставалось только ждать, когда поедем. Вскоре наступили сумерки, и поезд тронулся с места уже в темноте.

В товарном вагоне люди были размещены на нарах в три этажа. Между рядами нар стояла чугунка, в которой поддерживали огонь круглые сутки. Дети, как правило, размещались на третьей полке — не преувеличивая, можно сказать, что вагон был набит людьми, как бочка селедкой.

Я помню до мельчайших подробностей каждое звено этой цепи неудобств. Взрослые пребывали в грусти и тревоге. Но мы, дети, были далеки от этих переживаний — мы принялись за свои дела. Нам было весело в пути, мы наблюдали за новыми невиданными картинами природы, за мелькающими мимо населенными пунктами, полями, реками, встречающимися на пути, и придумывали сами для себя различные развлечения. Мы обвыклись в ужасной тесноте вагона и словно забыли печаль и суетолюку первых дней пути.

Мы ехали все дальше и дальше, и неизвестно было, где нас высадят. В детстве я часто смотрел на карту Советского Союза и запомнил, что с востока на запад, до Москвы, расположены такие, по моим представлениям, города-гиганты, как Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Свердловск,

Казань. Я мечтал увидеть Читу и с нетерпением ждал того дня, когда буду любоваться и восхищаться ею. От взрослых я слышал, что маршрутом предусмотрено мимо больших городов следовать только ночью. Мы были в пути примерно около десяти суток, когда прошел слух, что ночью про следуем Читу.

А ночь для детей длилась с вечера, то есть с наступления темноты, и до утра. Я был полностью поглощен ожиданием первых огоньков этого необычайно красивого по моим представлениям города. И наконец кто-то из мужчин, ехавших в вагоне, крикнул: «Начинается Чита!» Маленькая щель вагона, у которой я занял место для наблюдений, была предусмотрительно мною расширена ножом.

Вдали появились огоньки домов, в основном одноэтажных, изредка мелькали двух- и трехэтажные здания. Мы ехали через город минут двадцать пять-тридцать. Я полностью был удовлетворен увиденным и досыта насладился зрелищем города, хотя, в сущности, кроме огоньков, мелькавших вблизи и вдали, ничего не увидел. Через два дня после этого я поделился своими впечатлениями с ехавшим со мной в одном вагоне подростком, который был старше меня на три года, то есть ему в то время исполнилось пятнадцать лет. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Дурак ты, больше никто!» Я спросил у него: это почему же? В ответ подросток сказал: «Читу мы просхали вчера ночью, а ты говоришь, что ее видел двое суток тому назад!» Эшелон двигался по неизвестному нам пути. Мы уже привыкли к дорожной жизни. Санитарно-бытовые условия ухудшались с каждым днем, не было воды для мытья рук, не говоря уж о том, что помыться целиком. Люди овшивели... Одно воспоминание о грязи нашего быта вызывает у меня отвращение.

Первым большим городом, который я увидел в ПУТИ, был Иркутск. Это случилось ранним утром, примерно на пятнадцатые или восемнадцатые сутки пути. Предположение, что через большие населенные пункты нас провезут ночью, не подтвердилось. Но эшелон все-таки не останавливался на крупных станциях. Зато подолгу стояли на полустанках, здесь же сгружали тяжелобольных, которых увозили в больницы.

Постепенно интерес к происходящему за окном у нас притупился. Люди большую часть времени пребывали в тяжелом дорожном сне. Изредка по утрам кто-то сообщал о том, что проехали такую-то станцию, такой-то большой город или крупный

населенный пункт. Народ измучился в пути и хотел только одного — конца дорожным мучениям.

Мы были в пути уже больше месяца. Вспоминаю, что октябрьские праздники отмечали в дороге, и зима уже прочно вошла в свои права. Однажды в сумерках кто-то сказал, что приближаемся к Омску. Особой радости это сообщение не вызвало.

Однообразие дороги ни к чему не вызывало интереса, в том числе и к Омску. Помню, что стояли здесь долго. Омск мы проследовали в середине ноября, примерно пятнадцатого-восемнадцатого числа. К вечеру следующего дня мы остановились в небольшом населенном пункте, кто-то добежал до вокзала и принес сообщение, что мы находимся на станции Петропавловск. Никто прежде не слышал о ней.

Утром, когда я проснулся, люди переговаривались, что на этой маленькой станции, прежде чем следовать дальше, наш эшелон таскали то сюда, то туда — то есть долго он маневрировал. Однако никто этому не придавал никакого значения. Люди нехотя вставали с нар и приступали к обычной утренней трапезе. В шель мы видели совершенно незнакомый пейзаж: на все стороны простиралась степь да степь. «Где-то здесь мы и будем жить», — подумал я. И вправду, поздно вечером к часам десяти-одиннадцати вечера эшелон остановился в тупике.

Неужели более чем полуторамесячное «катание» по железной дороге закончилось? Вдоль вагонов прошла группа официальных лиц. Нам приказали: «Выходить и приготовиться к дальнейшему следованию». Когда люди высадились, их разместили на санях.

Это был конец ноября месяца, уже начались лютые морозы. Санний караван двинулся, и снова впереди была неведомая дорога. Станция, на которой нас выгрузили, как узнал позже, называлась Шортанды, и была она расположена в 70 км от города Акмолинска.

На санях мы ехали всю ночь и весь день. Люди, голодные и изрядно замерзшие, желали только одного — чтобы все это закончилось. Чуть перевалило за полдень, и мы въехали в достаточно большой населенный пункт, здесь вдоль улицы, протянувшейся на 500—600 метров, стояли пять-шесть рядов саманных домов. Этот населенный пункт назывался (так, во всяком случае, я запомнил) точка 32».

Здесь мы прожили чуть более одного месяца, взрослым работорь было негде, люди искали выхода из положения. Многие

устроились на работу в Акмолинске (по тем временам численность его была 30—40 тысяч человек) и перевезли туда семьи. Как помню сейчас, мы переезжали в город Акмолинск на трехтонке. Здесь мы и прожили свою ссылку, состоя на спецучете до 1953 года.

Автор воспоминаний — Тен Константин Макарович родился в 1925 году в селе Красное Хасанского района Приморского края. Ученый геолог, автор многих оригинальных идей и проектов. В настоящее время живет в поселке Зеленом Московской области.

ЭШЕЛОН

Результатом депортации стала полная деградация культуры, науки и образования. Репрессивная политика уничтожила писателей, поэтов, работников культуры, интеллигенцию. Были закрыты почти все культурно-просветительные учреждения, газеты, школы и институты, где преподавание велось на корейском языке. Во время насильственного выселения с Дальнего Востока в районы Средней Азии, Казахстан и Узбекистан в первые же годы погибло очень много ни в чем не повинных людей, прежде всего стариков и детей. Об этом говорит такой факт: если по переписи населения 1929 года корейцы составляли почти 200 тысяч человек, то по переписи 1939 года корейское население сократилось до 94 тысяч человек. О неимоверных нечеловеческих трудностях, о горе, пережитом холодной осенью 1937 года, опубликованы лишь отдельные газетные статьи.

Младшая сестра моего отца, Ким Енок, прошла весь путь, который был уготован корейцам-выселенцам. Сейчас Ким Енок живет в городе Сайхунобод (бывший Верхневолынский) Сырдарьинской области Республики Узбекистан. Она родилась в января 1913 года в Приморском крае, жила с родителями в селе Козьмино; жители села занимались сельским хозяйством и рыболовством. Так было до 1937 года, когда, в конце сентября или начале октября, поздним вечером было объявлено о насильственном выселении.

Уже утром начали выселять. В небольшом поселке всю ночь никто не спал. Причины выселения, место назначения не объявлялись. Питание велели брать на пять-шесть дней. Разрешалось взять с собою только продукты и самое необходимое. Все думали, что путь предстоит недалекий, в крайнем случае, до Владивостока или Хабаровска. Да ничего и взять с собою не могли, все осталось на местах, урожай еще был на корню. Людям было сказано, что по прибытии на место назначения их обеспечат всем

необходимым. Только старик Тянь Бон Гир прихватил с собой немного пшена, овса и гороха. Все это он положил в небольшой мешочек, на семена. Впоследствии ему все это очень пригодилось. Тетя Ким Енок рассказывала: «Уже наутро после объявления всех выселенцев посадили на баржу. Все нажитое за многие годы осталось на месте. Через некоторое время нас выгрузили в Находке, там сидели четверо суток, без продуктов. На пятые сутки нас погрузили в товарные вагоны, предназначенные для перевозки скота. В один товарный вагон грузили по три-четыре хозяйства, независимо от состава и числа членов семьи. На больших станциях и в городах Уссурийске, Хабаровске, Иркутске эшелон стоял по нескольку дней. Режим охраны был очень строгий.

В пути находились около сорока суток. Было холодно, все болели, простывали. Особенно тяжело досталась дорога детям и старикам. Топили печи-буржуйки, в каждой теплушке была одна буржуйка. Продуктов не выдавали, каждый готовил пищу из того, что захватил с собою.

Одежду также не выдавали, приходилось обходиться тем, что было. Отлучиться из вагона не разрешали, предупредив, что будут стрелять. Однако те, кто имел деньги, покупали на станциях продукты.

Санитарное состояние было ужасным: за время нахождения в пути в вагонах ни разу не проводилась санитарная обработка, никто не посещал баню, все завшивели. На больших станциях женщины вычесывали, буквально вытряхивали вшей из волос. Мужчины раздевались по пояс и вытрясали вшей из одежды, соскребали с тела. За кипятком и продуктами женщин не отпускали, за всем этим ходили под конвоем только мужчины. Особенно усиленно охраняли на больших станциях, охранники отделяли выселяемых от местных жителей, выстраиваясь в шеренгу. На больших станциях оперативники НКВД часто забирали мужчин из вагонов, в основном это партийных и советских работников.

В эшелоне было около 30 вагонов. Его сопровождали работники НКВД. В пути следования тяжелобольных уносили на носилках, обещая после выздоровления отправить вслед с другим эшелоном, но люди исчезали безвозвратно, и поэтому мы стали прятать больных, скрывать болезни, лечить народными средствами. Многие в пути умирали, а кто выздоравливал, продолжали путь. Особенно много погибало детей — от ожогов, от простуды. У нашего соседа по вагону Ивана Кима погибло двое детей

— сын, которому было около шести лет, и девочка трех лет. Девочка сильно обожглась, а мать, растерявшись и пытаясь помочь дочери, неловко опрокинула котел с супом, который находился на буржуйке, на сына. Сын, получив сильный ожог головы, шеи и груди, на третий день скончался, несмотря на то, что его пытались спасти. Смерть детей родители пытались скрыть, молчали об этом и соседи. Родители надеялись, что в ближайшие дни доедут до места назначения и на месте прибытия похоронят их по своим обычаям, но на третий день трупы стали разлагаться, и они вынуждены были заявить коменданту эшелона. Тела забрали на носилках работники НКВД и санитары. Подобное случилось в эшелоне ежедневно, как можно было судить по крикам и слезам, причитаниям родственников; однако пойти к ним и выразить сочувствие никто не мог, это не разрешалось.

Особенно усиленной была охрана, как я помню, до Байкала. Когда в степях стали появляться казахские юрты, нам показалось, что охраны стало поменьше. Только к 7 ноября нас выгрузили в Астрахани.

Вероятно, это было ошибкой работников НКВД, ответственных за выселение, потому что прямо на пристани в Астрахани мы оставались почти неделю, а затем нас снова погрузили на баржу и отправили в Гурьев. Видимо, имелось в виду организовать рыболовецкую артель, так как эшелон состоял в основном из членов рыболовецких артелей трестов Приморского края. Однако после прибытия на место никого из переселенцев не приняли на работу.

На барже мы плыли трое суток. Нас выгрузили на окраине города, в степи. Часть людей из нашего эшелона разместили в колхозах «Авангард» и «Редуктор». Люди стали копать землянки и устраиваться кто как мог.

На второй или третий день, после того как нас выгрузили, находившиеся в степи по соседству верблюды и круглые казахские юрты стали исчезать. Потом мы узнали, что, испугавшись слухов, будто прибывшие с Дальнего Востока корейцы — людоеды, казахи бежали, «спасая» своих детей.

Люди, оказавшись в землянках, стали погибать из-за отсутствия элементарных условий для жизни. В нашей семье умерли дети — у старшего брата дочь девяти лет, у третьего брата дочь и сын пяти и шести лет, у четвертого брата трехлетняя дочь и новорожденный младенец. Почти все страдали поносом, кашляли, дети болели корью. Из-за отсутствия лекарств лечили только

травами и другими народными средствами. Иногда доходило до абсурда. Когда ослеп сын старшего брата, знахари рекомендовали тереть глаза ребенка шкурой зеленой жабы. Родители очень переживали, что не смогли найти такую жабу и помочь ребенку. Но все боялись обращаться к медикам, так как в пути многие обратившиеся к врачам исчезали бесследно, и от них никаких известий больше не было. Этот страх остался и после прибытия.

В декабре скончалась моя мать. Ее похоронили на окраине города, в степи, рядом с русским кладбищем. Несмотря на холод, мужчины посменно дежурили на кладбище, потому что среди корейцев распространился слух, будто местные жители выкапывают трупы.

Прибыв на место назначения, в первые дни выселенцы пытались получить компенсацию за оставленные на корню урожаи, имущество и скот, но неграмотные, не владеющие русским языком люди не могли ничего добиться. Таким образом, возмещение стоимости оставленных домов, скота, птицы, имущества после прибытия осталось пустым обещанием. Нам ничего не дали. Мы потеряли все, что имели, потеряли также и веру в справедливость.

Из-за незнания языка, отсутствия какой-либо специальности ни женщины, ни мужчины не могли устроиться на работу.

На рыболовецкие суда нас не брали. Выданных как компенсация ста килограммов ржаной муки и ста рублей денег, конечно, хватило ненадолго. А такую норму выдавали на любую семью, независимо от количества едоков. Люди стали пухнуть от голода, гибнуть от холода. На местных кладбищах быстро прибавлялись большие и маленькие могилы. Несмотря на это, мы старались соблюдать свои похоронные обычаи, обряды. Покойников, из-за нехватки дерева, положив между двух досок, заворачивали в ткань.

Наступила весна 1938 года. В степи появилась зелень одуванчики, верблюжья колючка, съедобные травы. Из них стали готовить пищу. Благодаря этому часть выселенцев сумела уцелеть. Устроившиеся в колхозах «Редуктор» и «Авангард» осенью смогли получить урожай риса, бобов и пшена из семян, которые захватил с собою Тянь Бон Гир, удививший местных жителей неизвестными культурами. Мы помогали колхозу в уборке урожая, а колхозники-корейцы платили нам натурой.

Местные жители также помогали, чем могли. В начале войны мы вселились в старый барак по улице Морской, который купи-

ли за небольшую сумму. Так мы пережили первые годы насильственного выселения.

Не дай Бог, чтобы такая трагедия повторилась в истории нашего или другого народа. Мне 80 лет. Я очень беспокоюсь за судьбу своих пятерых детей, одиннадцати внуков и двух правнуков».

Мне в черном 1937 году было всего четыре года. Но страшное колесо нашей тяжелой истории обрушилось всей своей тяжестью и на меня. Выселение помню смутно. Долгий путь на нарах, ожоги, плач взрослых, потери близких. Незадолго до выселения отца забрали работники НКВД, мать скончалась в Сучанской городской больнице (ныне Партизанск). На воспитание меня взяла семья дяди — старшего брата моего отца Ким Чун Сика.

Хорошо помню, что после длительного переезда в Гурьеве мои родственники не могли устроиться на работу, хотя в Приморье дядя был капитаном на закрепленных за артелью рыболовческих судах, а женщины работали на обработке рыбы, сушили, ремонтировали снасти. Дядя Ким Чун Сик показывал нам, детям, целый чемодан различных грамот, значков и орденов. Но, даже имея столько наград, он всю осень и зиму не мог устроиться на работу. Однажды он пришел домой поздно вечером выпивший, и все эти грамоты, значки и ордена со слезами на глазах сжег вместе с чемоданом.

Через некоторое время дядя устроился в строительную организацию и стал заниматься обрезкой досок. Специальных электрических пил не было, были лишь механические, он со своим напарником — один сверху, другой снизу — распиливали на доски установленные на козлы бревна. Это была тяжелая физическая работа, особенно у того, кто работал внизу. Опилками засыпало глаза, приходилось надевать специальные очки. Но это мало помогало. Периодически пыльщики менялись местами и так работали в течение дня. Заработная плата была небольшой.

Заработок зависел от выработки, а выработка давалась трудно. Чтобы заработать, приходилось трудиться с раннего утра до позднего вечера. Но при всей трудоемкости этой работы рабочие боялись потерять ее. Тетя и дедушка были рады этому заработку, несмотря на его мизерность.

Но и это продолжал недолго. Однажды утром на «скорой помощи» привезли дядю, который был весь в крови: когда поднимали бревно, чтобы установить на козлы, его придавило и сильно поранило. Не помню почему, но его не положили в больницу.

Поврежденную левую ногу, которая вся опухла, лечили травами. Тетя пошла уборщицей в какую-то организацию, чтобы заработать на жизнь. Дядя болел несколько месяцев, но никакого пособия не получал, жили на скудные заработки тети. Но через некоторое время ее уволили, и не совсем выздоровевшему дяде пришлось снова выйти на работу.

И все же жизнь переселенцев понемножку налаживалась.

Хорошей одежды не было, однако хлеба хватало. Но однажды через большой репродуктор, расположенный около магазина, стали передавать важное сообщение. Помню, как люди останавливались и тревожно прислушивались. Передавали сообщение о начале войны. В гурьевскую степь стали прибывать солдаты без формы. Их обучали командиры с кубиками и шпалами в петлицах. Винтовки были со штыками — старого образца. На небольшом аэродроме неподалеку стали приземляться истребители. Обычно красноармейцев через некоторое время торжественно возвожали, а взамен прибывало новое пополнение.

В школе имени Горького, где я учился — школа была большая, двухэтажная, — вскоре разместился военный госпиталь.

Немецкие самолеты бомбили нефтекомбинат — он был в лепи, на берегу Урала. Помню черные кресты на их крыльях и бортах и то, что наши истребители почему-то не могли их догнать. Но однажды был сбит немецкий самолет, и об этом долго говорили, что скоро кончится война, и будем жить хорошо, что немцы уже начали отступать. По вечерам мы закрывались в домах, тщательно занавешивали окна, чтобы свет не проникал на улицу.

К зиме в магазинах хлеб стали выдавать только по карточкам, в свободной продаже его не стало. Работающий получал 600 граммов, иждивенец — 400 граммов. На карточках стояли даты, фамилия, имя, отчество и год рождения владельца, а также указывалось, на основании какого документа выдана карточка. При выдаче продуктов продавец ножницами отрезал от карточки квадратики с указанием даты и веса хлеба, а затем отвешивал хлеб.

В первые месяцы войны полученный по карточке хлеб по старой привычке нарезался на общую тарелку. Но затем стали отрезать каждому по кусочку. Только дяде отрезали кусок побольше. Мы, дети, жадно смотрели на хлеб и старались в числе первых схватить кусочек побольше. Почему-то мы никогда не замечали, что остается для тети, всегда у нее оставался кусочек

поменьше, или она собирала руками остатки крошек, вставала и уходила от стола.

Прежде я не чувствовал себя лишним в семье. Но по мере того, как жить становилось труднее, жена младшего брата моего отца (она с мужем жила вместе с нами) стала все чаще говорить, что я лишний у них. Ей казалось, что я съедаю их паек. Действительно, у меня не было свидетельства о рождении и мне не полагалась карточка. У дяди было двое сыновей, младший был моим ровесником, звали его Митей, а дочь скончалась во время переселения. Позже тетя рассказала мне, что мама, лежа в Сучанской больнице, рыдая, просила родственников, чтобы они берегли меня, вырастили и воспитали — это была ее последняя просьба. Она знала, что больше не увидит меня, что серьезно больна и больше не встанет. Буквально перед выселением она скончалась. Ее похоронили на сопке на окраине города. Ее второй брат успел навестить свежую могилу. Младшая сестра матери рассказывала мне, что никогда не видела, чтобы мужчина так рыдал и причитал: «Прощай, сестра, мы больше никогда не увидимся». Так я очутился в одном эшелоне с семьей дяди. Никто не знал, где мои документы, где они затерялись, и, естественно, никто и не старался их найти. А когда ввели карточную систему, я оказался лишним едоком.

Сначала мной тяготились молча, а затем открыто. Хотя я и не понимал, но чувствовал, когда делили хлеб, как смотрели на меня и на мой кусок. Дети военного времени никогда не забудут этот черный, соленый, очень вкусный паек, и всего по 200 граммов, утром и вечером. Хлеб этот легко проглотить, не жуя, ведь этот кусочек можно было уместить на ладонке.

Поскольку я съедал чужой хлеб, то на меня была возложена обязанность ходить за хлебом. Этим я пытался как бы отработать то, что съедал. Магазин находился в двух километрах от барака, в небольшом двухэтажном деревянном доме с крылечком. На деревянных ступеньках этого крыльца собирались люди. Для того чтобы получить хлеб, надо было пораньше, часов в пять или шесть, встать в очередь. В Западном Казахстане в ноябре-декабре уже выпадает снег, становится холодно. Свои обязанности я старался выполнять аккуратно. Одежды теплой у меня не было — только залатанная телогрейка и штаны. Все туфли и галоши изнашивались, новых с начала войны не было возможности купить. Какое-то подобие обуви шили из старых автобаллонов или из камер. Мастера-обувщики шили их в форме «лодочек»; та-

кая обувь называлась «тороги». Никакого тепла она не давала, а, кроме того, пропускала влагу, вода свободно проникала внутрь. А если не было и такой, то плели из соломы нечто вроде лаптей, стягивали их веревкой до колен. Эта обувь также не согревала, в нее набивался снег, который приходилось периодически вытряхивать. Она носилась в течение недели, а затем рассыпалась, после чего дед плел новую пару. Солому брали в ближайших колхозах.

Сначала хлеб по карточкам получали точно в срок, а затем стали брать авансом на день вперед. Но и этого не хватало, и стали получать за два дня вперед. Независимо от того, когда ты встал в очередь, выдавали сначала получающим за текущий день, и только если останется, в счет будущего дня. Мне нередко приходилось возвращаться домой с пустыми руками. В такой день дорога казалась очень длинной, встречали меня с руганью, криком. В первые дни родственники проверяли мои карточки, чтобы убедиться, что я не съел хлеб по дороге. На другой день опять приходилось в пять-шесть утра идти за хлебом, и так ежедневно. Иногда я не просыпался в назначенное время. Тогда кто-нибудь из старших будил меня пинком, а дед с помощью палки, которой бил по голове и рукам. Этот «палочный подъем» запомнил я надолго, вплоть до службы на флоте.

До сих пор мне видится этот хлеб на полках. Когда оставались последние буханки, я, понимая, что мне не хватит, начинал плакать и просить, чтобы отоварили мои карточки. Говорил, что иначе меня не пустят домой, и девушки-продавицы иной раз, жалея меня, хлеб мне все-таки выдавали.

Однажды я, как всегда, пришел в магазин. По всей вероятности, это было в конце декабря. В очереди говорили, что это день рождения Сталина, и его портреты были украшены красными ленточками. Очевидно, в этот день хлеба привезли чуть больше, и, когда подошла моя очередь, я стал в карманах старой телогрейки искать карточки, завернутые в черную тряпочку, но, к своему ужасу, обнаружил, что их нет — вероятно, их украли. Обернувшись, я со слезами стал умолять людей вернуть карточки, но напрасно, люди стали возмущаться, что я задерживаю очередь. Я в слезах спустился с крыльца и принялся рыться в снегу возле магазина, но, конечно, ничего не нашел.

Такого ощущения катастрофы у меня не было даже после смерти матери. Был безграничный ужас. Сначала я не плакал, но потом зарыдал, меня успокаивала какая-то женщина. Оче-

редь шумела; дорога до дому была кошмаром. Крутом лежал снег. Убежать было некуда, и я вернулся домой без хлеба.

Когда я приблизился к нашему барaku, там меня уже ждали дедушка на костылях и другие родственники. Увидев, что я иду без хлеба, меня начали ругать. А когда я сообщил, что потерял карточки, тетин брат, ему было около двадцати пяти лет, подбежал ко мне, схватил за шиворот и, больше ни о чем не спрашивая, стал избивать. Я потерял сознание. Кто, сколько и как бил меня, я не помню. Очнулся я не сразу, у меня болел бок, я был весь в синяках.

Встать я не мог. Мне дали какую-то черную мешанину, это варево из выпаренных картофельных очисток называлось картофельным хлебом. Я съел немного, но в животе началась такая боль, как будто меня резали ножом. Я не мог дальше есть этот «хлеб». Меня пытались поднять, но я не мог двигаться.

Потом я впал в забытие, и мне привиделось, будто я в хлебном магазине, там красивые девушки-продавицы в белых халатах и каждая из них предлагает мне хлеб. Этот сон повторялся бесконечно.

...Удивительно, что мне удалось выжить. Когда я стал приходить в себя, меня вновь встретили упреки; теперь их стало еще больше. «Он съедает наш хлеб. Он оставил нас всех голодными», — говорили мне. Я чувствовал свою вину. Но защитить меня было некому. Теперь мы ходили с родственниками собирать отходы на свалке военного госпиталя. Там среди бинтов и ваты были гнилая картошка и очистки — все это мы собирали, и, предварительно очистив, просушив, мололи в ручной ступе, после чего парили и таким образом готовили «хлеб». Кости промывали, затем варили и в этот бульон забрасывали пшено.

Так семья жила около недели, пока не получили новые карточки. Позже меня снова отправляли за хлебом, но уже в сопровождении жены одного из дядьев, которая издаലെка наблюдала за мною, пока я стоял в очереди за хлебом. Она и сама могла стоять в очереди, но ей вперед точно ничего бы не дали, а я плакал и мог умолить продавиц. Несмотря на появление карточек, картофельные очистки мы продолжали собирать.

Ходили мы и на вокзал, где выгружали жмых, который, перемешанный с углем, оставался лежать после выгрузки между колесами. Мы очищали его, затем перемалывали с солью. Это было приправой к черному хлебу. В местах выгрузки стояла охрана, подойти туда было непросто. Иногда солдаты сами бро-

сали нам кусочки побольше. Это был праздник, казалось, нет ничего вкуснее этого жмыха.

В один из дней, вернувшись, мы увидели плачущую тетю: оказалось, что дядю забирают в трудовую армию, хотя на его иждивении были несовершеннолетние дети и старик инвалид без ноги. Дядя был единственным кормильцем в семье, но его все же забрали. Тетя долго плакала. Мы все пошли его провожать.

В Гурьеве в те годы через реку Урал был проложен плавучий мост, устроенный на лодках. Когда через него шли машины или большое количество людей, мост раскачивался. За мостом, рядом с вокзалом, стоял памятник Ленину. Сюда мы пришли провожать дядю. К утру дядин товарный состав ушел.

Вернулись мы в опустевший дом. На следующий день тетя, не знающая языка, без специальности, отправилась на нефтекомбинат, где ей обещали работу. Есть в доме было совсем нечего.

Уходя на поиски работы, тетя вынимала из сундука лучшие туфли, надевала темное платье — это была ее самая хорошая одежда. Но поиски были напрасными. Однажды она к вечеру вернулась очень усталая и без ужина легла спать. Сказала только, что очень хотелось пить, и она попила воду прямо из Урала, хотя вода была очень грязная. На следующий день она заболела. Карета «скорой помощи» забрала ее в больницу, но уже на другое утро ее мертвую привезли домой. Вся ее одежда была в белых вшах. По старому обычаю, ее внесли в дом через окно. Мы все плакали. Дед, стоя на костылях, встречал ее, причитая: «Что за судьба, почему ты покинула нас, с кем мы теперь остались?» После начала войны некоторые семьи переселенцев стали пробираться к своим родственникам в Казахстан и Узбекистан.

Взрослые нам объяснили, что там люди вдоволь едят хлеба и даже рисовую кашу. Называли и колхозы: «Северный маяк», «Полярная звезда». У нас там родни не было. Но оказалось, что у мужа тети в Ташкентской области были родственники. Во время войны без вызова никуда нельзя было выезжать, и мы с нетерпением ждали вызова. Наконец долгожданный документ пришел.

Из разговоров взрослых я понял, что старика деда и двоюродного брата они берут с собой. На меня тоже надо было покупать билет, тратиться на питание. Жена дяди и ее брат категорически отказывались брать меня. Они решили сдать меня в милицию, которая находилась в центре города. Но там, выслушав их, меня не приняли. Дома снова держали совет, и на другой день, собрав вещи, отправились на железнодорожный вокзал. Там вновь

говорили с милиционером, и сбыть меня не удалось и на этот раз. А мне уже и самому не хотелось ехать с ними. И все же меня взяли в вагон и устроили в тамбуре. Говорили, что за меня пришлось отдать две буханки хлеба кондуктору. После очередной порции упреков, на станции Кандагач, я сбежал от них.

Мне было все равно куда бежать. Я с облегчением смотрел на уходящий поезд. Никто не окликнул меня. На станции такие же сироты, как я, объяснили мне, что в одном направлении поезда идут на Москву, в другом направлении — на Ташкент. Я сел на первый попавшийся товарный поезд, он шел на Ташкент.

Перед большими станциями прятался. На одной из станций пересел в пассажирский поезд и несколько суток ехал на крыше.

Чтобы не поймали, перед каждой большой станцией спускался вниз, а перед отправкой снова поднимался на крышу. По ночам, чтобы не упасть, спал, обняв трубу, она создавала ощущение безопасности. Когда доехали до Ташкента, я вышел на привокзальную площадь. Здесь меня задержали работники милиции и отправили в детский приемник-распределитель, а оттуда — в один из детских домов Ташкентской области.

Дальнейшая моя жизнь напоминает биографии многих других корейцев-выселенцев. В 1952 году, когда корейцев впервые стали призывать в ряды Советской Армии, я был призван на Балтийский флот, служил на кораблях. После демобилизации поступил в Ташкентский университет на юридический факультет. Работал в органах народного образования, был на комсомольской работе. Затем стал адвокатом, ныне заведую юридической консультацией.

ЧТО СТАЛО С НАМИ

Документальная повесть

В памяти — наша совесть. Мы, прошедшие по ухабистым и крутым дорогам жизни, вправе уже, оглянувшись назад, возродить из пепла небытия наше прошлое. Его старательно и долго пытались вымарать, перечеркнуть, вытравить из нашего сознания. Мы так и жили, в тайниках мыслей и сердец храня обиду за свою человеческую неполноценность в обществе, неся в себе непосильную ношу национальной обреченности. Негласно, но строго и требовательно нам многое запрещалось. Признавая наши способности, силу ума, жизнестойкость, нас порой не обделяли и правительственными наградами, кидая их, как кидают кость голодному псу. Но не спускали с поводка, намеренно укорачивая его, — мол, не зарывайся, каждый сверчок знай свой шесток. Многие из нас так и не смогли реализовать себя. Талантливым организаторам, политикам, ученым суждено было всегда оставаться на вторых ролях. Живя в атмосфере лицемерия, лжи и клеветы, многие ловко приспособились к Системе, идя на поводу ее иезуитской порочности. И это привело к печальным результатам — травой забвения покрыта история советских корейцев, а имена тех, кто стоял у ее истоков, вспоминаются лишь при случае, скороговоркой, мимоходом. В жесткой борьбе за выживание иные из нас стали утрачивать нравственные ориентиры. Были попытки воссоздать в памяти потомков жизнь и деятельность корейцев — борцов за установление советской власти на Дальнем Востоке. Но все вылилось лишь в робкие, неуверенные шаги, немногочисленные публикации на эту тему. Появившиеся после реабилитации сведения о репрессированных и расстрелянных корейских политических деятелях содержат в себе слишком скудные факты. Лишь в конце 80-х, когда лодка тоталитарного режима в океане бесправия и беззакония дала резкий крен, корейцы, как и многие другие, насильственно оторванные от своих корней народы Советского

Союза, получили возможность сказать слово правды о себе. Кто мы такие?

Где наши корни? Почему свыше 400 тысяч корейцев насильно вывезены из своих родных мест, разбросаны по территории бывшего Советского Союза, стали манкуртами, не помнящими родства? Чем провинились мы перед страной? Найдется ли сегодня мудрец, способный объективно и беспристрастно, отбросив эмоции, отстраненным взглядом окинув минувшие пять с лишним десятилетий, ответить на эти вопросы? К сожалению, те, кто находился в центре неоднозначных политических событий, происходивших на Дальнем Востоке в середине 30-х годов, и владел ситуацией, были уничтожены.

Многие простились с жизнью в тюрьмах, лагерях, колониях, многих, как моего отца Михаила Михайловича Кима и его друга и соратника Афанасия Арсеньевича Кима, постигла трагическая участь — они были расстреляны. Старики, пережившие вселенскую драму насильственного переселения, уходят в мир иной. Нынешнему поколению, выросшему в атмосфере глухого незнания о прошлом целого народа, неведомы тайные перипетии происшедшего.

РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛЬВИРА

Я плохо помню папу. Но всегда ношу в себе радостное ощущение его близости. Он любил нас, маму, своих детей, — беззаветно и преданно. Семья была для него той пристанью, где отдыхают душой, расслабляются от вечной напряженности некончающейся работы. Нет автобиографии, написанной им лично. Но зато имеется биография отца, написанная мамой, Верой Гавриловной Ли (Поповой), из которой мы узнали нижеследующее.

Михаил Михайлович Ким (Ким Ин) родился 6 ноября 1896 года в селе Тизинхе, Посьетского района. В многодетной семье крестьянина он был старшим из семерых братьев. Когда на свет появился папа, его родители были в числе самых бедных, выращивали рис и овощи. О том, чтобы учить детей, они не помышляли: давила убогая жизнь, где довольствовались лишь чашкой риса и скудной приправой из овощей. Но старшего сына, с малолетства проявлявшего сильную тягу к познаниям, все-таки смогли отдать в четырехклассную сельскую школу.

Окончил он ее блестяще, и, когда встал вопрос о дальнейшей учебе, по совету старейшин села, невзирая на большую нужду, мальчика отправили в село Адими в двухклассное училище.

Здесь он проявил незаурядные способности, и за отличные успехи был направлен для продолжения учебы в учительскую семинарию в Раздольное. А когда и этот рубеж был успешно преодолен, открылась дорога во Владивостокское епархиальное училище.

Все эти годы способного и упорного в учении юношу материально поддерживали односельчане — иначе он просто не смог бы выжить. Поэтому, став учителем церковно-приходской школы, Михаил Михайлович вернулся в родное село; затем его перевели в большое село Синельниково Никольско-Уссурийского района.

Началась Первая мировая война. В 1914 году Михаила Михайловича призывают в армию и направляют в Иркутск в школу прапорщиков, а через год он попадает на фронт. В биографии отца фронт стал поворотным моментом, определившим всю его дальнейшую судьбу. В окопах он сблизился с большевиками и по их поручению вел среди солдат пропаганду против империалистической войны. В 1917 году, вернувшись с фронта, вплотную занялся революционной деятельностью.

Отца никогда не покидала мечта о получении фундаментального образования. В 1918 году он поступает в подготовительный класс Владивостокского педагогического института и заканчивает его, получает свидетельство о праве поступления в высшее учебное заведение. Однако учебу продолжить не удалось. Гражданская война, переметнувшаяся на Дальний Восток, заставила взяться за оружие.

История Советского Дальнего Востока неразрывно связана с борьбой против русских белогвардейцев и японских оккупантов. Не успевшие укрепить регулярные части Красной Армии действовали при широкой поддержке партизанского движения. Корейцы, жившие на Дальнем Востоке, встали на сторону красных. По разным сведениям, в Приморье воевало от 45 до 55 корейских партизанских отрядов. Командиром одного из них стал Михаил Михайлович Ким. К сожалению, о существовании и активных действиях корейских красных партизан на Дальнем Востоке стыдливо умалчивают. Известны факты, когда упоминание о них в печатных органах вымарывалось бдительной цензурой. Так и остался до наших дней этот пробел невосполненным. Вот

почему о партизанском отряде отца знали лишь его бойцы да мама. Но беспощадное время увело всех их в мир иной.

В партию большевиков М. М. Ким вступил в 1921 году. В 1922-м Дальний Восток был полностью очищен от белогвардейцев и иностранных оккупантов. Партизаны, а это были в основном крестьяне, вернулись к своим очагам, к будничному сельскохозяйственному труду; отец же попадает в крутой водоворот трудовых и общественных дел. В Никольско-Уссурийске идет формирование Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Михаил Михайлович избирается членом городского Совета и с головой уходит в работу. В 1923-м на основании свидетельства об окончании подготовительного класса он поступает в Дальневосточный университет на китайское отделение восточного факультета и оканчивает его в 1930 году, получив квалификацию экономиста-китаиста.

Не раз держала я в руках свидетельство об окончании отцом университета, внимательно вчитываясь в перечень предметов, которые изучались на этом факультете. Поражает диапазон знаний, которые получали студенты. Перечислю лишь некоторые, на мой взгляд, актуальные и сегодня. Экономическая география Восточной Азии, стран Тихого океана, Маньчжурии, Монголии; история китайской культуры до новейшего периода; основы советского права; гражданское и торговое законодательства стран Восточной Азии; консульское право, международное право; счетоводство и товароведение стран Восточной Азии; коммерческое вычисление; наука о финансах и денежное обращение стран Восточной Азии.

По перечню предметов можно судить, насколько глубоко изучался китайский язык: история и анализ иероглифической письменности; мандаринская грамматика «Го-Юй»; официальный язык и газетный стиль; переписка коммерческого и частного характера; торговые документы; китайская скоропись.

По разделу «Английский язык» студенты изучали англоамериканскую литературу, газетный стиль, деловую английскую переписку. Отец свободно владел корейским, русским, английским, китайским и японским языками.

1930 год. Позади университет. Михаил Михайловича утверждают уполномоченным по корейским делам краевого комитета партии. К тому времени Советское Приморье становится Посельским национальным районом, где живут свыше 180 тысяч

корейцев. Издается семь газет и шесть журналов на корейском языке. В 1931—1933 годах в крае насчитывается 380 корейских школ, в 1931-м был открыт корейский педагогический институт, в 1932-м — корейский театр. Михаил Михайлович — в гуще этой жизни. Постоянно общаясь с учителями, писателями, актерами, он и его соратники по партии сделали многое для становления корейской интеллигенции.

В 1931 году М. М. Кима, А. А. Кима, Ли Кю Сена и других корейских лидеров направляют на учебу в Москву, в институт Красной Профессуры. И здесь, учась, они занимаются общественно-политической деятельностью. Михаил Михайлович становится членом редколлегии издательства иностранных рабочих, заведует отделом этого издательства.

1935 год. В стране создаются машинно-тракторные станции, организуются совхозы. Михаила Михайловича, как и его товарищей по институту, направляют на Дальний Восток. Адрес нового назначения — Никольско-Уссурийская область, Михайловский район, крупнейший в регионе зерновой совхоз имени Сун Ят Сена.

Куда бы не бросала отца его беспокойная судьба, вместе с ним всегда была его семья. Он не хотел расставаться с нами.

Мама, воспитанная в лучших традициях верности и преданности мужу и детям, с легкостью переносила все тяготы бесконечных переездов, и каждое новое место обживала быстро, обустроивая быт, создавая благоприятные жизненные условия.

Она всегда была и до глубокой старости, до последнего дня своей жизни оставалась доброй хранительницей нашего домашнего очага.

РАССКАЗЫВАЕТ ВЕРА ГАВРИЛОВНА

В Москве мы жили сначала на Остоженке, 53, в белокаменном доме рядом с Крымским мостом. Здесь поселялись семьи слушателей института Красной Профессуры, съезжавшиеся со всех концов страны. Дом был наполнен разноязычной речью, гомоном детворы. Жили все дружно, помогая друг другу переносить непривычные сложности столичного общежитского быта.

Нам была отведена небольшая меблированная квартира.

Затем мы переехали в новое общежитие неподалеку от Новодевичьего монастыря. Было трудно и хлопотно, тем не менее, я смогла продолжить учебу в медицинском институте, начатую

еще в Хабаровске, но после нового назначения Михаила Михайловича начальником политотдела совхоза имени Сун Ят Сена и переезда на Дальний Восток институт пришлось оставить, и, как оказалось, навсегда...

Долго собираться на Дальний Восток не пришлось: мы не имели мебели, не было у нас дорогих и громоздких вещей. Весь багаж состоял из одежды и постельного белья.

Новый деревянный дом с большой кухней, просторной крытой верандой, предоставленный нам в совхозе, показался мне чужим и неудобным. Мы долго возились, переставляя по-своему казенную мебель, часто приходилось ездить на перекладных в соседние села — искать в магазинах домашнюю утварь, посуду. За Михаилом Михайловичем была закреплена машина, но не помню случая, когда бы я могла воспользоваться ею. На этот счет муж был очень принципиальным и щепетильным, считая, что малейший повод использования власти в личных интересах подрывает не только его репутацию, но и авторитет партии.

Жили мы очень скромно, ничем не выделяясь от рабочих и служащих совхоза. Михаил Михайлович уезжал рано утром и возвращался домой ночью — поля были разбросаны по огромной территории. Я хорошо была осведомлена о его работе, он рассказывал мне о встречах с людьми, об их настроении, нуждах, бедах, порой советовался, как поступить, когда речь шла о судьбе того или иного человека. Вскоре после нашего приезда в совхоз по селу пошла молва, мол, начальник политотдела не чурается никакой работы: вместе со всеми ведет сев, участвует в прополке сои, к нему можно запросто прийти и поговорить о наблевшем: поможет, посоветует...

В новом совхозе не хватало рабочих рук. Однажды муж, как бы шутя, предложил мне: «Хочешь съездить в поле? Пора бы тебе знать, как растет соя, ты же теперь крестьянка...» Я не поняла намека, но в поле побывать согласилась. На следующее утро он позвал меня на веранду и показал брезентовую куртку, тяжелые кирзовые ботинки. «Вот тебе новый наряд, — сказал, — будешь вместе со всеми полоть сою». Мне ничего не оставалось, как, переодевшись, выйти со двора. Думала, что поеду вместе с мужем, на его машине, но он повел меня к конторе. Там стояли грузовики, толпились женщины-домохозяйки, так же, как и я, одетые в брезентовую униформу.

С того дня я постоянно ездила на прополку сои. Приезжала домой, уставшая от непривычного труда, но в хорошем настрое-

нии. Михаил Михайлович говорил мне: «Так надо. Видишь, вслед за тобой пошли работать в поле и жены всех ответработников».

Центральная усадьба совхоза выглядела неприглядно. Дома стояли словно оголенные. Удручающее впечатление производили пустыри и лысые увалы меж построек. Отец мечтал: «Вот придет весна, начнем озеленение. Разобьем парк, скверы, будем строить новую школу, клуб...». И действительно, уже в конце марта стали завозить в совхоз саженцы, а когда пришла пора их сажать, Михаил Михайлович устроил большой сход, после которого все дружно взялись за работу. Сам он, вооружившись лопатой, орудовал ею весело и азартно.

Так было положено начало субботникам, в которых принимали участие все — от мала до велика. В то лето любовно посаженные деревья оделись в нежную зеленую листву, улицы преобразились...

Шел 1934 год.

Наступил 1935-й. Внезапно отец был арестован.

РАССКАЗЫВАЕТ ВЕРА ГАВРИЛОВНА

На следующий день после ареста мужа я решила пойти в НКВД. Мама и сестры пытались отговорить меня от этой затеи, боялись, что уйду и также не вернусь. Охваченная тревогой и беспокойством за судьбу мужа, до конца еще не веря в случившееся, я настаивала на своем. Мне казалось, что стоит прийти туда, объяснить все — и выяснится, что произошло недоразумение. Тогда решили, что вместе со мной пойдет одна из сестер — Татьяна.

Стоило переступить порог этого страшного заведения, как стало ясно, что я тешила себя иллюзиями. В «предбаннике» так называли приемную — толпились люди. У всех были сумрачные лица, некоторые женщины плакали. Это были такие же, как и мы, пришедшие сюда хоть что-то узнать о судьбе арестованных близких. Мы простояли в очереди к окошку справочного бюро целый день, позабыв о голоде. Боялись, что выйдем из душного помещения приемной на улицу, и больше нас туда не пустят — так много было здесь народу. Очень волновались, зная, как беспокоятся дома.

И вот, наконец, я просунула в узкую щель окошка записку с данными мужа. Через полчаса получила краткий ответ — находится во внутренней тюрьме НКВД. И все.

Через два дня, так и не узнав ничего толком, вернулась в совхоз. Сердце разрывалось на части от глухой неизвестности, сильных переживаний: что там, дома, что с дочкой, увижу ли ее?

Поезд прибыл на станцию поздно вечером. Я попыталась найти хоть кого-нибудь, кто отвез бы меня в Михайловку. Но тщетно. Пошла пешком. Чтобы пройти тридцать километров, потребовалась целая ночь. Я шла пешком в кромешной тьме по разбитому тракту и только на рассвете добралась до дома. Долго стучала в дверь. Это были страшные минуты, в голове проносились мысли одна ужасней другой: неужели дочку увели?

Где ее искать? Что с ней?

Наконец по ту сторону двери послышался осторожный шорох.

— Кто здесь? — это был голос домработницы.

— Это я! — крикнула я. — Откройте!

Дверь открылась. На пороге стояла перепуганная насмерть домработница. Оттолкнув ее, ко мне кинулась Декабрина, дочка.

В доме царил ужасающий беспорядок. Во всех комнатах, на кухне, на веранде все было перевернуто как после погрома. По полу разбросаны одежда, осколки посуды. В кабинете мужа вперемешку с книгами валялись какие-то бумаги. В тот момент это казалось мне неважным по сравнению с тем, что рядом, прижавшись ко мне, горько рыдала дочка. Ей было одиннадцать лет.

Михаила Михайловича в совхозе любили и уважали. Он был всегда со всеми ровен и доброжелателен, живо откликался на любую беду, помогая, чем возможно. Люди очень скоро поняли и близко к сердцу приняли его доброту, честность и справедливость. Случившееся взбудоражило всех. О внезапном аресте начальника политотдела знал весь совхоз, но вслух об этом не говорили — боялись. Шла тихая молва о том, что он оказался врагом народа и японским шпионом.

Я находилась как бы в вакууме — всякое общение со мной могло расцениваться как пособничество врагу народа. В доме, всегда шумном от многолюдья, стояла зловещая тишина. Огромных усилий стоило мне взять себя в руки, чтобы подготовиться к отъезду в Хабаровск к родственникам. Помогала домработница — тихая, преданная нам женщина. Когда вещи были упакованы, переборов в себе самолюбие, страх, гордость, пошла к директору совхоза просить о помощи. Нужно было как-то выбираться из села и добираться до станции. К моему счастью, директор, всег-

да относившийся к Михаилу Михайловичу с большим уважением, встретил меня приветливо и ровно. Не успела выложить ему просьбу, как он, опередив меня, спросил: «Когда собираетесь уезжать? Машина будет в вашем распоряжении. — И, помолчав, добавил: — думаю, все утрясется...» Этот короткий разговор и тон, каким он велся, придали мне силы. В душе затеплился слабый огонек надежды. Сразу же подала в Хабаровск телеграмму о выезде.

Началась жизнь, полная тревог, сомнений, беспокойства, беготни по вызовам следователя и в тюрьму с передачами. Все в ней было, кроме надежды. Она была отсечена после первого же свидания с мужем. Я поняла, что против обвинений, которые ему предъявлялись, аргументов нет.

Однажды вызывает меня следователь и говорит:

— Не волнуйтесь, но вам придется узнать правду. Михаил Михайлович объявил голодовку.

Это известие ошеломило. Так вот почему в последние дни мне возвращали передачи! Причем без всякого объяснения.

— Сейчас приведут вашего мужа, — продолжал следователь. — Вы должны убедить его в том, что находитесь на свободе, что все у вас благополучно. Он не верит в это, думает, что мы его обманываем.

Когда вошел Михаил Михайлович, я была потрясена его видом: голодовка, длившаяся десять дней, сделала свое дело, он сильно похудел, едва держался на ногах, глаза горели лихорадочным блеском.

— Что с тобой, почему голодаешь?! — вскрикнула я, невольно бросившись к нему.

— Ты жива, тебя не арестовали? Как дети?

— Все в порядке, — говорю, — но что с тобой случилось?

— Побудьте одни, — сказал следователь и ушел.

Михаил Михайлович рассказал о причине голодовки.

— Как-то поздно вечером меня вызвали на допрос. В комнате следователя есть еще одна дверь в маленькую комнатку.

Обычно эта дверь закрыта, но я знал, что за ней над заключенными совершаются настоящие экзекуции — время от времени оттуда доносятся крики, стоны, плач. Делается это специально, чтобы подавить психику заключенного, лишить его всякой воли и выудить нужные показания. В тот вечер меня посадили так, чтобы я краем глаза мог видеть, что происходит в той комнате,

и в то же время не имел возможности увидеть человека, которого пытаются. Следователь привычным жестом направил на меня ослепительно яркий свет. Я зажмурился, а когда открыл глаза, вдруг увидел в той комнате женщину. Она сидела боком ко мне. На ней был твой белый платок и серый пыльник. «Вы арестовали мою жену, — обратился я к следователю, — за что? Она-то в чем виновата? Делайте со мной что хотите, а ее немедленно отпустите!» Я перешел на крик. Следователь молчал. По его гладко выбритому лицу расплзлась злая ухмылка. В этот миг дверь закрыли, и до меня донеслись сначала всхлипывания, потом плач и душераздирающие крики. Это был твой голос! Не помня себя, я бросился к этой проклятой двери. Путь мне преградил конвоир. Следователь усадил меня на место, а в следующее мгновение я потерял сознание. Очнулся в камере-одиночке. Под утро меня снова привели на допрос. «Михаил Михайлович, — обратился ко мне следователь, голос его был тихим, манеры предельно вежливы. — Вот, выпейте горячего чайку. Вам полезно. — Он придвинул ко мне стакан с крепким горячим чаем, я отказался. — Поверьте мне, — продолжал следователь, — это была не ваша жена». — «Не верю, — сказал я твердо, — я не мог ошибиться. Это был ее голос, я хорошо знаю ее одежду». «Да нет же, вы ошиблись», — уверял меня следователь. В тот раз я наотрез отказался отвечать на его вопросы, а наутро объявил голодовку.

Сколько я ни убеждала мужа, что нахожусь на свободе, что никто меня не пытал, он не поверил. «Они способны на все. Тебя припугнули, шантажируют». Мне стоило больших усилий убедить его в том, что со мной все в порядке. В конце он успокоился.

По постановлению особого совещания при НКВД от 14 декабря 1936 года «за социально опасную деятельность» отца сослали в ссылку на три года в Оренбург. По всей вероятности, такое снисходительное послабление было сделано с учетом немалых заслуг подсудимого перед партией.

РАССКАЗЫВАЕТ ВЕРА ГАВРИЛОВНА

Наша большая семья — бабушка Мария Васильевна, шестеро ее дочерей, сын, внуки жили в Хабаровске. На знаменитой в те времена Плюснинке, названной так по имени богатого купца Плюснина, где впритык друг к дружке теснились дома, обрам-

ленные дворами с пристройками. Там высился двухэтажный особняк с мезонином, принадлежавший до революции нашему деду Гавриилу Павловичу Ли (Попову), богатому купцу, нажившему свое огромное состояние на торговле с сопредельными Кореей и Китаем. Это был человек широкой натуры и благородного сердца. Дом на Плюснинке он строил с размахом: многочисленные комнаты, непомерно большая кухня, крыльцо под кружевным навесом — все было рассчитано на долгую, благополучную жизнь большой семьи.

Дедушкины корни остались в корейской деревне под Сеулом. Это был большой фамильный клан, где все поддерживали друг друга. В конце прошлого века в местности, где проживала эта семья, случилось наводнение. Погибли все. Чудом остались в живых лишь два брата — старший, наш дед, и младший, Василий Павлович (имя, полученное при крещении в Хабаровске).

Стихийное бедствие заставило их пуститься в дорогу. Добрались до границы с Россией, вместе с другими переселенцами пересекли ее и оказались в корейском поселении неподалеку от Никольск-Уссурийска. Здесь братья обзавелись семьями и, возможно, так и жили бы в селе, не случись беда.

Однажды молодая жена Василия Павловича, решив прокатиться по Уссури, что было для сельчан делом привычным, вывела лодку на середину реки. Внезапно, как это часто бывает на этой коварной порожиистой реке, поднялась буря.

Лодка перевернулась, женщина утонула. Искали ее несколько дней, но тщетно. Тогда дед нанял рыбаков, отдав им все свое состояние, к тому времени уже немалое. Рыбаки прочесали каждый метр речного дна и, наконец, нашли труп в зарослях камыша.

После этой трагедии братья покинули насиженное место и переехали в Никольск-Уссурийск, а затем в Хабаровск.

Среди хабаровских богачей Гавриил Павлович выделялся не только размахом предпринимательства, но и не знавшей границ и меры щедрой благотворительностью. О его готовности помочь бедным, вытащить из беды даже малоизвестного знали многие. Под влиянием русского купечества Гавриил Павлович принял христианство. Его, бабушку, всех детей, родившихся до революции, крестили в православной вере. С тех пор пошел корейский род Поповых — такую фамилию дали деду при крещении.

Дом на Плюснинке знаменит был своим многолюдьем: в семье было семеро детей, чужих — до десяти. Сердобольный Гавриил Павлович не мог пройти мимо нищего ребенка — не вда-

ваясь в подробности, ничего не зная о несчастном попрошайке, он брал его за руку и приводил домой. Бабушка, в противовес деду, властная и строгая, не терпевшая никаких возражений, поначалу пыталась сопротивляться нашествию чужих детей. Но обычно уступчивый дед тут остался непреклонен. И ей ничего не оставалось делать, как только выкупать, переодеть, посадить за общий стол очередного пришельца. Так и оставались дети с улицы в семье, их одевали, кормили, приучали к будничному распорядку. Проходило время — отправляли учиться или при-страивали к делу. Всю эту веселую беззаботную ораву в округе называли синедомниками — по цвету, в какой выкрашен был дом на Плюснинке.

Другой особенностью прославленного среди хабаровчан дома было его непомерное хлебосольство. С утра и до позднего вечера на кухне кипела, варилась, парилась, жарилась еда.

Заезжали деловые люди — купцы, приходили родственники, знакомые и незнакомые — всех кормили, поили. Иные, конечно, самые близкие, оставались ночевать.

...Помнится, в годы невольных и страшных скитаний по казахстанской земле, когда, бывало, приходилось бабушке дрожащими руками делить буханку черного, с трудом добытого хлеба на равные кусочки для нас, внуков, она, обычно делавшая это нерадостное дело молча, надменно сжав губы, вдруг разразилась потоком слов.

Бабушку мы боялись, хоть она никогда никого не ругала, не наказывала за шалости — одного ее взгляда было достаточно, чтобы воцарилась тишина... Мы сидели удивленные и несколько напуганные, забыв о хлебе. А бабушка, продолжая нарезать крошечные, в четверть своей ладони кусочки, говорила и говорила. Видно, прорвалось то, что все долгие годы носилось в себе. Будучи не в силах удерживать душевную боль и сердечную жалость к нам, она таким образом выплескивала свои чувства.

Нам, выросшим в советское время, неведома была жизнь, оставшаяся за той гранью, которая грубо перечеркнула биографии наших предков. Дореволюционное прошлое маминой родни оказалось за семью замками — его тщательно скрывали, чтобы, не дай Бог, не навредить нам. А тут в полумраке саманной хибары вдруг бабушкины откровения.

— Разве я думала когда-нибудь, что доживу до таких дней! начав с этих слов, бабушка уже не могла остановиться. — В Хаба-

ровске мы за гроши покупали у гольдов свежую кетовую икру и рыбу. Солили бочками. Дед ящиками привозил китайские мандарины и орехи. Хватало на всю зиму. Ящики с мандаринами складывались в сарае, они замерзали. Внесешь их в дом, высыпаешь в таз с холодной водой — они сразу оживают, начинают благоухать, будто на радость всей Плюснинки. Мы все ночи напролет пекли блины — гречневые, рисовые, пшеничные, парили пампушки. Дед привозил водку ведрами, много вина.

Каждый прохожий с улицы мог остановиться — выпить, закусить...

Мы слушали, затаив дыхание. Нам, голодным, казалось, что бабушка рассказывает красивую сказку. Но это была правда.

Дед, разбогатевший благодаря своей бурной деятельности, предприимчивости, неумной энергии, не умел ни копить, ни скрывать своего большого достатка. Его идущая от сердца доброта выражалась в широком, не знавшем границ альтруизме.

Мечтатель и фантазер, он считал своим долгом делиться богатством с бедными. И как мог, так это и делал.

В канун Октябрьской революции доверчивый и открытый дед разорился: дал почти незнакомому купцу в долг большую сумму денег, а тот расплатился подложными векселями. Но и после разорения семья жила безбедно, хоть и не так широко.

Гавриил Павлович ушел из жизни в 1926-м. Умирал от рака желудка тяжело и долго. Последние годы его жизни были омрачены потрясениями различного рода. И, пожалуй, наиболее страшным для него стало разочарование. Всю свою сознательную жизнь дед мечтал о равных возможностях для всех.

Сам разбогатец благодаря незаурядному уму и деятельному характеру, он хотел, чтобы каждый бедняк стал если не богатым, то хотя бы мог обеспечить себя, свою семью достойными условиями жизни, и, зараженный революционными идеями, горячо приветствовал большевистские лозунги свободы и равенства.

Наступил 1937 год. Нас депортировали в Казахстан. Еще по дороге многие умерли от инфекционных заболеваний. Свое черное дело сделали вопиющая антисанитария, отсутствие какой-либо медицинской помощи, лекарств, медикаментов. Главным же бичом было отсутствие питьевой воды.

Наш эшелон прибыл в Актюбинск, и еще несколько дней люди продолжали жить в теплушках в ожидании, когда и как решится их судьба. Для большинства она оказалась гораздо страш-

ней, чем предполагалось. Немногих счастливичков оставили в городе, для остальных путь лежал дальше. Дробились на части целые семьи, рвались узы, которыми были связаны родители и дети, братья и сестры. И самой, наверное, ужасной во всем этом была непредсказуемость.

Не избежала всего этого и наша семья: мамину сестру Татьяну с мужем и дочкой оставили в Актюбинске, нас же в открытых грузовиках повезли дальше. Так мы оказались в 250 километрах от областного центра, в самом отдаленном районе Бугутсайском.

Стоял ноябрь. Безбрежный степной простор, одетый в сумрачное покрывало осени, сливался на горизонте с полосой хмурого неба и казался пустыней. Нас привезли в аул, где одиноко стояли три юрты, да чуть возвышались над землей несколько полуразвалившихся саманушек. В самом центре этого единственного живого пятачка была затянута тиной лужа источник питьевой воды.

В конце 30-х годов, когда депортировали корейцев и многие, как наша семья, попали в отдаленные аулы, здесь люди еще жили по законам древности, и слабым намеком на цивилизацию были разве что редкие наезды бригадиров ферм да столь же нечастый завоз скудного набора продуктов и товаров.

Наша всегда трезво и реально мыслившая бабушка и тут проявила свой независимый характер. Без лишних разговоров, из пустовавших саманушек она выбрала наиболее, на ее взгляд, подходящую для жилья. Взрослые быстро привели ее в относительный порядок, и начался новый, дотоле и не снившийся в самых страшных снах этап жизни.

Мы были наглухо оторваны от внешнего мира — связь с ним поддерживалась лишь через работников НКВД, изредка навещавшихся с определенной целью: проверить, все ли на месте, никто ли не убежал. Это была напрасная мера — в паспортах у взрослых имелась специальная отметка оправе проживания только в определенной местности, да и могли ли мы куда-либо уехать по степному бездорожью...

Отчаяние пришло очень скоро. Семья с великим трудом привыкала к однообразной, очень скудной пище, мучилась от грязи, холода, голода, а взрослые к тому же — от невозможности предпринять что-либо. Всегда очень деятельные люди, они не знали, к чему приложить руки, немалое беспокойство вызывало и то, что дети школьного возраста остались без учебы.

Но больше всего угнетало безводье — полусоленая вода из тинистой лужи сразу же дала о себе знать: начались кишечные заболевания, тела покрылись коростой.

Жившие неподалеку чабаны старались держаться подальше от ссыльных (так нас называли с легкой руки работников НКВД). Первые дни чабаны и их семьи наблюдали за нами с настороженностью и любопытством. Им, конечно же, объяснили, кто мы и почему оказались здесь, и наверняка строго-настрого предупредили — не сближаться с «врагами народа». Разумеется, и наши взрослые держались от хозяев степи в стороне, чтобы не навлечь на них неприятностей.

Однако прошло немного времени, и первым перешагнул порог враждебности и отчуждения старый чабан. Наблюдая однажды, как бабушка собирает в степи сухие ветки и траву для печки, чтобы хоть немного обогреть жилище, он подошел к ней и, молча взяв ее за рукав, подвел к куче кизяка. Жестом объяснил, как с ним обходиться, потом помог разжечь очаг и, когда в доме разгорелось веселое пламя, прислал свою молодую сноху с большим куском мяса.

Так завязалось знакомство, вскоре перешедшее в большую дружбу, перед которой бессильны были самые строгие запреты и языковой барьер. Чабаны снабжали нас кизяком, о котором никто из наших взрослых ранее не имел никакого понятия, делились мясом и молоком, угощали куртом. В благодарность за все бабушка отдавала добрым соседям последнее, что еще оставалось из одежды, а мама взялась обучать малолетних ребятшек русской грамоте.

Изредка наезжавшие в аул начальники, видимо, выражали недовольство по поводу всего этого. Но старый Жуман (это имя аксакала мы помним и никогда не забудем) был мудрее всех начальников, вместе взятых. Он упорно продолжал нам помогать.

Сейчас, после пяти с лишним десятилетий, минувших с той трагической поры, как в смутном, едва очерченном сне всплывает из глубин памяти тот затерявшийся в степной безбрежности аул. Я была тогда слишком мала, чтобы что-то понимать.

Помню лишь желтовато-белые катышки терпко-соленого курта, казавшегося нам, детям, слаще конфет и с тех пор полюбившегося на всю жизнь. Помню едкий кизячный дым, застилавший глаза, всегда озабоченную бабушку, страдальческие мамыны глаза... И еще — бородатого аксакала с вечным, отполированным до блеска посохом в руках...

Так уж сложилась моя журналистская судьба, что мои дороги часто пролегли через степные и горные чабанские стойбища Семипалатинского Прииртышья, близко познакомив с мужественными и стойкими людьми особой профессии — чабанами. Знаю, какие экстремальные условия преподносит им капризная погода. В летний зной, когда бескрайний простор замирает под палящими лучами солнца и все вокруг кажется вымершим, степь оживляют темные островки отар. Не прячутся чабаны от зимней стужи, безошибочно определяя в покрытом снежным покрывалом пространстве места, столь необходимые для подножного корма. Не падают духом, когда вдруг среди зимы приходит оттепель, а сразу вслед за нею — трескучие морозы! И покрываются пастбища ледяным панцирем. И приходится один на один противостоять многодневным буранам и заносам, которые обрывают всякую связь с внешним миром. Не пасуют эти люди и перед степными хищниками — волками и шакалами, хорошо знают их коварный нрав. Жизнь чабанская — открытая книга, по которой читается сложная и трудная биография степи.

...Спасение к нам пришло неожиданно. Мамина сестра Татьяна Гавриловна, едва обосновавшись в Актюбинске, сразу же стала искать нас через НКВД и с великим трудом добилась разрешения на воссоединение семьи. Так мы перебрались в Актюбинск.

Наша кочевая жизнь по городам Казахстана отмечена Актюбинском, Кызыл-Ордой и, наконец, Семипалатинском, куда сначала переехала тетюшка Татьяна Гавриловна, а вслед за ней перебрались и остальные. Это было в 1943 году.

Шла война, всем было трудно. Но переселенцы с Дальнего Востока пережили и унижения, которые забудутся разве что только с последним вздохом последнего очевидца. Куда бы ни гоняла нас злая судьба, всюду первым долгом мама, ее сестры отмечались в НКВД. Негласный, но бдительный надзор преследовал всех без исключения членов семьи.

Как тяжело нам ни жилось, мама готова была взвалить на свои хрупкие плечи непосильную ношу, лишь бы мы, ее дети, учились. Она всегда была убеждена в том, что таково желание папы, постоянно стремившегося множить и множить свои знания, человека высокообразованного, обладавшего богатой внутренней культурой.

Под влиянием отца мама, имея за плечами дореволюционную гимназию, еще в 1924 году закончила курсы по переподготовке

преподавательского состава и получила квалификацию учителя по социальному воспитанию. Позже поступила в хабаровский медицинский — быть врачом была ее мечта, которая, однако, так и не осуществилась. Оказавшись в Москве, где папа стал слушателем института Красной Профессуры, мама продолжила учебу во Втором медицинском институте, но в связи с новым назначением отца так и не завершила учебу.

Зная маму, ее чуткость, доброту и внимание к людям, думаю, она была бы отличным врачом.

В неимоверно трудные годы депортации в Казахстан маме как нельзя кстати оказалось свидетельство об окончании учительских курсов. Но сначала она работала счетоводом актюбинской нефтебазы, потом была кассиром, бухгалтером. Поначалу таким, как она женам «врагов народа», просто-напросто не доверяли обучение детей в школе.

Лишь в Кызыл-Орде, где корейцев оказалось больше, чем в других городах Казахстана, маме удалось использовать свои знания по назначению — она стала учительницей начальных классов средней школы, и то потому лишь, что директором этой школы был один из тех, кто когда-то учился на рабфаке Владивостокского университета и хорошо помнил декана Михаила Михайловича Кима. Директор считал себя его учеником и с уважением относился к маме.

У мамы оказался настоящий дар педагога. Она умело применяла на практике знания, полученные так давно на учительских курсах: методику исследования личности ребенка, теорию и практику трудовой школы, обучала детей изобразительному искусству. И все это после уроков, на так называемых классных часах. Узнав о мамином решении уехать в Семипалатинск, директор школы долго и упорно уговаривал ее остаться. Но в Семипалатинске уже успели более или менее сносно обосноваться мамыны сестры и бабушка. Они ждали нас в надежде на то, что вместе будет легче развязывать тугие узлы жизненных проблем.

В школе мама получала более чем скромную зарплату, хотя работала в две смены, допоздна засиживалась с коптилкой (не было ни электричества, ни даже керосиновой лампы или свечей) над ученическими тетрадками. Она во всем отказывала себе ради нас, детей.

Старшая моя сестра Декабрина училась в Самаркандском медицинском институте, я — в Алма-Атинском университете, брат Владимир — в Томском университете, а затем перевелся в

Алма-Атинский сельскохозяйственный институт. Мы жили на стипендию, впроголодь, не имея даже смены одежды. И когда время от времени получали мамины скудные переводы, старались купить что-нибудь для нее. Но на бедность не сетовали, и каждый из нас старался хоть немного подработать. Послевоенные годы были тяжелыми для многих.

Первый свой заработок я принесла маме, когда училась в восьмом классе. Не помню, кто поручил мне написать тушью плакат. Он получился, видимо, удачным — мне за него заплатили. В старших классах, как и все, работала после уроков на швейной фабрике «Большевичка». Пришивала пуговицы к гимнастеркам. А после первого курса университета пришла на учебную практику в республиканскую молодежную газету «Ленинская смена», и буквально через неделю мне стали давать задания. За публикации получала гонорар.

Каждый из нас, где бы он ни был, куда бы ни заносили его крутые жизненные дороги, никогда до конца не испил чашу настоящего счастья. Где-то в самой глубине души всегда тлеет чувство неполноценности, будто ты не хозяин жизни, а лишь ее незванный гость. Да и могло ли быть иначе в стране управляемого абсурда — самого надежного инструмента бесчеловечного властвования.

С того дня, как корейцев погрузили в теплушки и вывезли за пределы Дальнего Востока, мамина хрупкая связь с папой оборвалась. После переезда из Бугутсайского района в Актюбинск мама сразу же подала телеграмму в Оренбург. Ответа не получила, безответными оставались ее письма отцу и в НКВД. И лишь в конце 38-го года получила из органов госбезопасности короткое сообщение: «Ваш муж, Ким Михаил Михайлович, осужден на 15 лет лишения свободы без права переписки».

Теперь известно, что этот приговор означал расстрел. Но мы, наивно веря в официальную ложь, по прошествии пятнадцати лет ждали вестей от отца. Его не было в живых, а мать продолжала его разыскивать — всеми возможными и невозможными путями. НКВД умел хранить тайны своих преступлений железно! Даже в 1957 году нам сообщили, что отец якобы умер в лагере в 1943 году.

Как оказалось, параллельно с нами папу искал Анатолий, мой брат, которого мы давно потеряли из виду, как и еще одно-

го брата — Алексея. Оба они учились в Москве и остались там, когда отца отправили работать на Дальний Восток в колхоз. Как описать нашу встречу с ними? Нет таких слов, которые могли бы выразить смешавшиеся воедино чувства радости и горечи. Я не помнила Анатолия, это было, по существу, знакомство с ним. Мама же и Декабрина, глядя на него, лишь молча плакали. Перед нами сидел старый, уставший от жизненных передрыг, больной человек. И только молодой блеск его больших выразительных глаз выдавал извечную жажду жизни. Но Анатолий был тяжело болен. Однако ради встречи с нами, преодолевая себя, поднялся с постели и в ожидании, когда его сын Леша доставит нас домой из аэропорта, опираясь на палочку, нетерпеливо поглядывал на улицу из окна. Позже Вера Михайловна говорила: «Ваш приезд словно придал ему силы. Он волновался, заново переживая ушедшие годы...» Мы прожили в маленькой квартире брата на улице Первомайской близ Измайловского парка десять дней. И казалось, разговорам не будет конца.

Вот что рассказывал Анатолий Михайлович: «После ареста отца меня сразу же отчислили из академии, выселили из квартиры. Первые дни я не верил случившемуся с папой, мне казалось, что это какая-то ошибка, недоразумение. Скитался по Москве без дела, без жилья, в большом отчаянии, не представляя себе, как жить дальше, что предпринять. Ночевал у друзей, работал грузчиком, чернорабочим. Снимал углы на окраинах Москвы, чтобы скрыться подальше от вездесущего НКВД. И так до самой войны. Война как бы сравняла меня с остальными — общая беда, всеобщий патриотизм. Пошел в военкомат и попросился на фронт. Время было тревожное, фашисты подошли вплотную к Москве. Никто не стал копаться в моем прошлом, в моей биографии, сразу же отправили в действующую армию. Воевал как все. Получил ранения, после каждого, отлежавшись в госпитале, возвращался на фронт и, наконец, был списан вчистую. Уходил на войну из Москвы, сюда и вернулся. Все, что есть у меня самое дорогое в жизни, — это моя семья. С Верой мы познакомились в конце войны, как говорят, нашли друг друга, две родственные души».

Вера Михайловна, простая русская женщина, человек исключительно доброго сердца, смогла сделать все, чтобы Анатолий обрел, наконец, теплоту домашнего очага. Ото гревшихся душой и сердцем после невольных довоенных скитаний и тяжелых фронтовых дорог, Анатолий с присущими ему энергией и настойчивостью взялся за учебу. Смог окончить институт. Не-

смотря на последствия тяжелых ранений, он, инженер высокого класса, не искал для себя легких дорог, многие годы колесил по стране в бесконечных экспедициях. Непроходимая тайга, Крайний Север, сыпучие пески Средней Азии, степные просторы Казахстана — там пролегли его маршруты. Многочисленные правительственные награды — свидетельство его самоотверженного труда. Редкие наезды домой в Москву были для семьи Веры Михайловны, сыновей Владимира и Алексея, для самого Анатолия праздниками. На пенсию он вышел с окончательно подорванным здоровьем и ко времени нашей встречи уже редко спускался с девятого этажа на улицу.

«Многие годы Я разыскивал вас и Алексея, пытался узнать о судьбе папы, — рассказывал Анатолий Михайлович. — До 1956 года мои обращения в Министерство госбезопасности СССР оставались без ответа. Конечно, не мог я действовать настойчивей — тогда было небезопасно. И только после официальной реабилитации политических заключенных стал требовать смелее. Добившись правды об отце, несколько успокоился, но в глубине души продолжала жить надежда на то, что хоть кого-то из вас все-таки найду».

Пока мы жили в Москве, Анатолий бодрился, как мог. Вера Михайловна, недавно перенесшая ишемический инсульт, изо всех сил старалась хоть что-то делать по хозяйству, а наши племянники Владимир и Алексей после работы, пересекая всю Москву, ехали из одного конца в другой, чтобы привезти продукты и побыть в семье, которая, наконец, воссоединилась. Родители сделали все, чтобы сыновья стали хорошими, честными людьми. Дали им высшее образование. Владимир — инженер-химик, Алеша — инженер-электрик. Оба женаты, у Владимира — две дочки. В один из теплых майских дней по просьбе Анатолия Леша повез нас на своем «жигуленке» по Москве. Старший брат решил показать нам места, где мы жили когда-то с папой, и где молодая еще мама была счастлива и беззаботна.

Крымский мост. Самый центр Москвы. Знаменитая Остоженка. Дом под номером 53. Мы молча стояли под его окнами. Не знаю, какие мысли пронеслись за эти несколько минут в маминой голове. Она была очень грустна и молчалива, будто встретилась со старым другом и теперь вот прощается с ним навсегда... Побродили по Красной площади и поехали к Новодевичьему монастырю. Рядом с ним в старом пятиэтажном доме кипела, охваченная житейской суетой, чужая будничная жизнь.

— Мама, ты помнишь, ведь мы и здесь жили, — сказал Анатолий.

Мама встрепенулась, встряхнула с себя задумчивость.

— Помню ли? Скольких трудов стоило мне добираться отсюда до мединститута. А папа каждый вечер, как бы не устал на занятиях и после работы в издательстве, водил вас, малышей, гулять в парк, катал на санках...

Вроде бы ничего особенно не значащие слова. Но мы поняли, какой огромный смысл вложила в них мама: она отдавала дань минувшему и думала, возможно, тогда о непредсказуемости и обо всех неожиданных превратностях своей столь драматически сложившейся жизни, хозяйкой которой она не могла быть: чужие, жестокие люди, полновластно владевшие судьбами миллионов, крушили, ломали их, соглашаясь лишь со своей всевластной волей.

В душе Анатолия осталась незажившая рана — с ней он ушел из жизни — младшего брата Алексея он так и не нашел. Алексей исчез бесследно. Может быть, попал молоденький курсант мореходки в беспощадную мясорубку репрессий еще в 30-е годы. А возможно, погиб в войну. Человека нет, и будто никогда его не было на свете...

Анатолий скончался зимой 1991 года. К великому нашему огорчению, никто из нас не смог вылететь в Москву, чтобы проводить брата в последний путь. Я была прикована к постели тяжелой болезнью, мама и Декабрина неотлучно находились рядом со мной. Мама рвалась поехать одна, но мы не рискнули пустить ее в зимнюю пору в такой далекий путь — ей тогда было 88 лет.

В Хабаровске, на городском кладбище, усилиями местного общества «Мемориал» была найдена огромная братская могила. Ночами, под покровом темноты, из подвалов внутренней тюрьмы НКВД сюда свозили расстрелянных дальневосточников. Совершая безжалостный и страшный ритуал захоронения, чекисты заматали следы своих преступлений.

Навряд ли кто-то из них думал тогда о том, что придет время и это тайное захоронение заговорит языком правды, ибо нет на земле ничего такого, что можно было бы скрыть от суда людского.

20 октября 1990 года на братской могиле состоялся митинг, посвященный открытию памятника-часовни жертвам сталин-

ских репрессий. Возвышающие души линии белокаменного сооружения волнуют и трогают сердце, словно приглашая к тихой и светлой скорби об усопших. Над входом в часовню надпись: «Вечная память невинно убиенным».

На мемориальных досках высечены имена сотен и сотен тех, против кого велась страшная по своей жестокости и вероломству, опустошительная по масштабам необъявленная война. Русские, украинцы, немцы, татары, евреи, корейцы... Так через десятилетия вместе с полной реабилитацией вернулось к ним народное внимание, скорбь и признание. А к нам, их детям, в родной стране оказавшимся чужими, до дна испившим горькую чашу сиротства и унижительного изгойства, — какое-то успокоение на душу.

Что бы там ни говорили, а жить и дышать легче, когда знаешь, что есть на земле место, где покоится прах отца, что можешь низко поклониться ему за то, что живешь на свете, за его святую веру в добро и чистоту помыслов, за ничем не запятнанную совесть, за то, наконец, что подарил нашей дорогой маме пусть короткое, но озаренное светлой любовью счастье.

ТУДА, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ СОЛНЦЕ

THE HISTORY OF THE

ПОЕЗД ПАМЯТИ

Ранней осенью 1997 года Ассоциация корейцев России организовала акцию под названием Поезд Памяти, приуроченную к шестидесятилетию депортации всего корейского населения с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Во Владивостоке был сформирован небольшой состав из восьми пассажирских вагонов, который должен был пройти до Ташкента, повторив маршрут печального корейского исхода. Живые потомки выселенных с родных обжитых мест хотели проделать тот же путь, чтобы напомнить всем и самим себе, что произошло тогда, в далеком тридцать седьмом году.

Среди участников Поезда Памяти оказался и я, пятидесяти восьми лет кореец, родившийся в Казахстане, на сто процентов обрусевший, давно признанный за русского писателя и в России, и за рубежом. Какая же сила потянула меня во Владивосток, на этот поезд, на что затаенное, сокровенное уповала моя душа, когда я отправлялся в столь долгое и далекое путешествие: Москва—Владивосток—Ташкент—Москва? Я еще не знал точно, зачем еду, но зов сердца был властным. Мои родители родом с Дальнего Востока. Отец увидел свет где-то под Благовещенском, на Амуре, мать — в Приморье, в Посьетском районе.

Их везли в эшелоне, часть вагонов которого предназначалась для студентов и преподавателей ГДУ, Государственного дальневосточного университета, корейцев по национальности. Родители к тому времени были женаты, имели двухлетнего ребенка, мою старшую сестру, отец учился на факультете русского языка и литературы. Он рассказывал, что конвой в их эшелоне был не особенно строгим. Исполняя роль своеобразного агитпоезда, состав этот подкатывал к какой-нибудь большой станции под звуки духового оркестра, вагоны останавливались, из них высыпали на платформу жизнерадостные студенты и студентки, которые тут же разбивались на парочки и принимались отплясы-

вать модные тогда фокстрот или тустеп, кружиться в вальсе. Все это происходило под бдительным оком конвойно-эшелонного начальства, отвечавшего за организацию массового энтузиазма корейской молодежи, комсомольцев, которые «добровольно» и с великой радостью отправлялись на новые места обитания... И случайный зритель, привокзальный народ на станциях, с удивлением взирал на черноволосых молодых людей и девушек, весело плясавших самые модные танцы.

А через шестьдесят лет Владивосток встречал гостей из разных краев бывшего СССР, потомков тех «энтузиастов», что откалывали тустеп на продуваемых студеным предзимним ветром привокзальных платформах сибирских городов. «Русский Сан-Франциско» — приморская столица порадовала нас хорошей погодой и концертными программами корейских ансамблей. Это были профессиональные и любительские национальные ансамбли, исполнявшие красочные корейские танцы на открытых эстрадах и сценах местных театров и дворцов культуры. Внуки людей, которых когда-то гнали насильно в неизвестные дальние края, теперь вновь проявляли энтузиазм и демонстрировали свое радостное настроение. И все эти торжества происходили в дни, посвященные шестидесятилетию депортации советских корейцев.

Да, похоже было на праздник, хотя повод, собравший нас, был вовсе не радостным. Чему радоваться, если шестьдесят лет назад всех корейцев чохом согнали с насиженных мест и перевезли в скотских вагонах с Приморья, Приамурья и Сахалина на солончаки и пески Средней Азии? И там бросили среди зимы беспомощными — хоть подыхай.

Но праздник, возможно, именно потому... что мы не подошли, а выжили. И в конце сороковых прошлого столетия, когда с советских корейцев «сняли судимость», дали паспорта и разрешили свободу передвижения и свободного выбора места жительства, многие корейцы вернулись на Дальний Восток. Они и их дети встречали нас сегодня, организовали все эти красочные шоу, накрыли столы и угощали гостей лучшими корейскими яствами.

Корейцы любят поесть, и за праздничным столом поднимает их настроение не столько вино, сколько хорошая, вкусная обильная еда. И того, и другого хозяева выставили предостаточно — и самого высокого качества. Угощали в превосходных, с новым дизайном, ресторанах, некоторые из них принадлежали

«нашим», российским корейцам, иные — южнокорейцам, которые уже несколько лет делают свой бизнес на российском Дальнем Востоке...

Меня встретил в аэропорту двоюродный брат Валентин. Сразу после перестройки он стал одним из крупных деловых людей в Приморье. Ему принадлежали рыболовецкие суда, рыбные заводы. У него был свой банк, он владел двумя фешенебельными гостиницами, контрольными пакетами нескольких городских рынков и так далее. Словом, Валентин — вполне из «новых корейцев», он вез меня из аэропорта до города на каком-то умопомрачительном японском джипе с кондиционером, затемненными стеклами, высоким, как танк, и плавном на ходу, как скоростной лифт в небоскребе. Мой брат был руководителем Ассоциации российских корейцев в регионе и, стало быть, одним из главных организаторов общественных мероприятий и финансовых акций по организации Поезда Памяти. Словом, в его лице я мог родственно поприветствовать корейца, потому что депортированных, который в новых постсоветских условиях России смог добиться большого жизненного успеха.

Выглядел он соответствующим образом. При небольшом росте братишка имел внушительный торс и округлую, массивную голову степного идола. На макушке у него красовалась короткая молодежная прическа «шапочкой», с подбитым затылком, лицо было тоже мальчишеское, белое с румянцем, с круглыми щеками. Одет он был в соответствующий «бизнесменский», как мне представлялось, темно-синий пиджак с серебряными пуговицами, превосходно сшитый и очень дорогой с виду. Словом, выглядел весьма внушительно. И мое сердце, как говорится, преисполнилось чувства гордости за него. В нашем роду, кажись, завелся самый настоящий миллионер. Так оно было или не так, но я рад был за братишку Вальку, фотографии которого, в мальчишеском возрасте, я часто рассматривал, когда был таким же мальчишкой и жил в доме своих родителей.

Но помимо этих горделивых родственнических чувств во мне проснулась и другая честолюбивая мысль. Я подумал: вот, кореец-богач в России, это что-то новое... Мои с ним родители, во времена оны, студентами были переселены в Казахстан, голодранцами, вполне неимущими, также как и остальные корейцы, в основном крестьяне, у которых глубокой осенью, когда урожай был уже собран, разом все отняли — усадьбы, домашнюю

утварь, живность, зерно — и взамен выдали справки, по которым обещали на новом месте все это возместить по полной стоимости. С собой разрешено было взять самое необходимое в дороге, все, что можно унести в руках.

Моя покойная мать как-то рассказывала, что кто-то из ее трех братьев приехал к ней — уже в Казахстане, — в порванных на задку штанах, и она быстренько отремонтировала их на швейной машинке «Зингер», пристрочив две круглые заплаты.

Может быть, это был дядя Пендю — Петр Владимирович Пак, отец моего брата-миллионера? Вполне может быть... И вот теперь его сын вез меня в своем роскошном новеньком джипе и небрежным тоном сообщил мне, что у него этих джипов шесть штук. Я промолчал, ибо у меня не было ни одного, я катался у себя в Москве на отечественной «Ниве».

Устроив меня в гостинице, Валентин вечером заехал за мной и забрал к себе домой, в пригород Владивостока, и я провел у него два дня до отхода поезда, так и не попав к себе в номер. Разумеется, он оплатил гостиницу, в которой мне не пришлось пожить... В доме Валентина мне удалось встретиться с многочисленной родней, некоторых я увидел впервые, хотя знал их с самого раннего детства по фотографиям из родительского семейного альбома. Отца уже не было в живых, мать была еще бодра, но пока не хотела переезжать в дом сына-миллионера и жила отдельно в старом темном доме, в котором выросли дети, и где умер ее муж. Я провел у нее целый день, мы разговаривали, смотрели домашние альбомы с фотографиями, среди которых я обнаружил много «старых знакомых» из своего детства.

Корейцы вообще, а материнский род Паков в особенности, очень ревнивы к родству, привержены к фамильной клановости. Несмотря на то, что историческая судьба, так сказать, разбросала братьев и сестер моей матушки, урожденной Пак, по всему свету — от Сахалина и до Петербурга, от Москвы и до Казахстана, — материнские Паки всегда держали связь, обменивались письмами, фотографиями, встречались между собою, как только выпадал случай... Помнится, что на похороны моей бабушки, маминой родительницы, съехались на Сахалин, в городок Порожайск, ее потомки со всего Советского Союза.

Не то было у меня — по отцу представителя рода Кимов из Каньнг. Я почти никогда не искал своих родственников, и жизнь прожил вне тепла родственных связей. Так, даже с Валентином я впервые встретился в Южной Корее, где в то время жил

и преподавал в университете — это он каким-то образом разузнал обо мне и однажды ночью нагрянул в деревушку Деримдонсанг, что под городком Ансонг, где находится университет, в котором я работал... Мы с ним проговорили до утра, а на рассвете я отвез его на своей машине в Сеул, в «Кореан отель», откуда он через пару часов должен был уехать в аэропорт. Он был в Корее по приглашению партнеров по бизнесу, очень заинтересованных в нем, и они ревниво «пасли» его, не допуская к нему конкурентов, — поэтому Валентин смог вырваться ко мне только ночью, накануне своего вылета в Россию.

Итак, первый день по приезде во Владивосток я провел в его доме, не ходил на пресс-конференцию, на митинг и на какие-то еще другие общественные акции — мое путешествие в Поезде Памяти началось гораздо раньше всего этого. Беседуя со старенькой тетушкой своей, рассматривая пожелтевшие черно-белые фотографии, я мысленно переносился к тем временам, когда меня и на свете не было, но жил на земле дальневосточной мой единокровный народ черноволосых корейцев... И ожидало его великое испытание, грядущий исход в далекие неизведанные края, в ту сторону, куда садится солнце.

Отправлялись в путь поздним вечером 11 сентября. На платформе у поезда собрался отъезжающий и провожающий народ, состоялся последний митинг, на котором с невысокой наспех сооруженной эстрады произносились прощальные и напутственные речи... Предоставили слово и мне, и я говорил о том, что шестьдесят лет назад корейцы Дальнего Востока первыми в советской империи испили горькую чашу всенародного переселенчества — насильственной депортации людей по одному только национальному признаку. И после нашего тридцать седьмого года прочно вошло в политическую практику советского государства выселение целых народов с родных мест и отправка их по-скотски, воистину бесчеловечно, в товарных вагонах на новые, непривычные и суровые для них места обитания.

Так, после корейцев, были депортированы в Казахстан и Сибирь приволжские немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, литовцы, финны, эстонцы, крымские татары и прочие... Но печальный этот список возглавили мы. И если исход малых советских народов, согнанных со своих административных территорий, через многие годы все же завершился их возвращением на родные места, то два народа не могли этого сделать — ко-

рейцы и приволжские немцы. Ибо навсегда были стерты с карт государства российского корейский Посыетский район и Приволжский национальный район немцев.

Правда, многие корейцы частным образом вернулись потом на Дальний Восток, но это вовсе не было возвращением к родным пенатам. Родины не стало — ее как будто и не было, и через шестьдесят лет корейцы слетелись на землю, не помнившую их, словно воплощенные призраки тех, которых когда-то столь беспощадно изгнали из этой земли. Да, я ощущал себя призраком-изгоем на родине своих родителей, потому что той родины уже давно не было, ее отправили в небытие. И вокруг себя видел таких же, как и я, черноволосых и смуглых призраков, свободно разговаривающих на русском языке и понимающих корейский ничуть не лучше китайского, скажем, или французского.

Были в поезде и другие, вполне знающие корейский язык, но зато совсем не понимающие по-русски — и таких было, пожалуй, большинство. Этот необыкновенный поезд был задуман российскими корейцами, но в достопамятном 1997 году, когда постсоветская Россия ходила по миру с протянутой рукой и просила дать ей денег — их заполучить от государства на такую акцию, как Поезд Памяти об одном репрессированном «малом народе», было невозможно. Но деньги на это странное мероприятие дала Южная Корея — спонсировали две ее крупные компании, успешно действующие на российском рынке. Но и в самой Республике Корея, где прошла широкая информация о ПП — Поезде Памяти, нашлось много сочувствующих и готовых дать денег на организацию этого необыкновенного действия. Нашлись разные конфессиональные фонды, буддийский и христианский, подключился международный фонд поддержки зарубежных корейцев, нашлись богатые частные лица и просто туристы, желающие не спеша, в удобном поезде проехать за недорогую цену через всю необъятную Россию.

О, уж этот-то народ в моих глазах отнюдь не выглядел призрачным, как я сам и все мои российские соплеменники. Гладковыбритые глянцевого черепа монахов и монахинь в мышиного цвета рясах; туго завитые черные головки нарядных дам, многие из которых были в очках; благополучного вида господа в парусиновых шляпах-панамах, в малиновых многокарманных жилетах, специально изготовленных для участников акции, — народ этот заграничный, с виду беспечный, веселый и любознатель-

ный, активно тусовался на всех массовых мероприятиях. И порой даже оттеснял в сторону «наших корейцев», я принимаясь танцевать на середине площади под оглушительное буханье своих барабанов, а на митингах пробивался к микрофонам, чтобы произнести пламенную проповедь на корейском языке, которого наши, увы, совсем не понимали.

Вначале мне подумалось, что южнокорейцы присоединились к нам, чтобы поддержать нас, собравшихся совершить это беспрецедентное путешествие под названием Поезд Памяти.

Или — Путешествие Потомков, или — Путь Призраков... Словом, ПП сокращенно. Ибо как корейцы мы, российские корейцы, потомки тех, которых когда-то везли на запад в эшелонных конвоях, в настоящее время были дважды, трижды воистину пп... Потомки Призраков, Потерянное Поколение, Приехавшие Поплакать, Позабутые Позаброшенные, Призванные Памятью... Сплошные пп.

Южнокорейские же братья по крови никакого минора и прискорбия по поводу этих моих «ПЭ-ПЭ», видимо, не испытывали и старались проявить как можно больше американизированного мажора и международного веселья. Как будто все они прошли хороший инструктаж в каком-то там своем отделе пропаганды и обязались вести себя в России, в недалеком прошлом СССР («Сорею», стране мрачной и опасной), — весело, непринужденно, непременно выказывая свой высокий интернациональный энтузиазм... Мне вспоминаются северокорейские грандиозные празднества и парады в честь папаши Ким Ир Сена или его сыночка. Вспоминается рассказ моего отца про «энтузиазм» с тустепом и фокстротом. Все мы корейцы, однако! И они, и наши...

В поезде их было более сотни человек — из Южной Кореи, корейцев из США, Китая, Канады. А наших, российских, было не больше полусотни. Хотя акция была и наша, но совершалась она почти целиком на деньги иностранцев. Чтобы оказаться во Владивостоке к определенному времени, мы должны были существенно напрячься в финансовом отношении. Не всякий мог напрягаться в то время подобным образом, и было уже сказано, что Россию, после победы контрреволюции, прежде всего, поразила чудовищная финансовая грыжа, и великая держава, а также ее граждане ходили по земле осторожно, в раскоряк, бережно лелея свою новую тоталитарную грыжу... А наши корейцы все были россияне, и я был россиянин. Однако я был знат-

ный кореец-россиянин, поэтому устроители ПП дали мне денег на авиаперелет из Москвы во Владивосток...

Но по пути следования в поезд подсаживались корейцы, выбиравшиеся к железной дороге из глубинки Хабаровского края, Приамурья и Сибири, узнавшие об этом маршруте через объявление в федеральной газете «Известия» за 2 сентября. На крупных станциях наш состав, изукрашенный плакатами и лозунгами на двух языках — корейском и русском, увешанный изображениями логотипов мощных корейских фирм, встречали большие толпы наших корейцев. Таким образом, мы в поезде не чувствовали себя в меньшинстве — мы, говорящие на русском и не понимающие того, что написано на корейских плакатах и транспарантах, коими сплошь были увешаны вагоны этого странного эшелона...

На Поезд Памяти с удивлением взирали сопки и таежные просторы Восточной Сибири, Забайкалья, Западной Сибири, с отстраненным любопытством глазел случайный встречный люд с железнодорожных станций, разъездов, полустанков сибирский аборигенный контингент, для которого настали, видимо, тяжелые времена. Это было заметно даже издали, мимоходом, впрямую за те несколько секунд, которые отпущены были нам для того, чтобы мы на этом свете встретились однажды взглядами и посмотрели друг на друга.

То, что сделали когда-то с моими предками-корейцами, отправив их в историческое небытие, — то бесчеловечное, бесовское зло проросло через шестьдесят лет полным гражданским бессилием российских потомков, возвращенных и вскормленных на густом говне мешанского большевизма. Мешанский коммунизм, который утвердился в России, целенаправленно уничтожал национальную нравственность, главную вражескую силу по отношению к дьяволу, который и есть мешанин. И великие дьяволы русского коммунизма — все как один мешане отлично понимали, что национальную нравственность и духовность надо уничтожать, что древнее национальное самосознание, которое господу мешане называли национализмом, и есть главная опасность для создаваемого нового миропорядка, в основе которого лежали несколько пунктов неписаного идеологического устава. Среди них такие. Убивай и действуй угрозой насильственной смерти. Убивай и заставляй других делать то, что ты прикажешь. Убивай и приказывай другим только то, что тебе прикажут сверху, не то тебя самого убьют.

Отбивай от национального стада свою жертву и гони, гони ее, а потом убивай... И так далее и тому подобное.

Я ехал в этом призрачном поезде — призрак убитого корейца, среди других таких же призраков, отлично говоривших на русском, и с удовольствием наблюдал за поведением заграничных корейцев, которые не имели права называться господами ПП, Призраками Поезда. Не удостоились такой чести. Хотя им тоже немало пришлось, наверное, пережить на своей исторической родине, прежде чем стать такими респектабельными и интересными на вид, как теперь. А вторая половина маленькой Кореи до сих пор по самые уши в дерьме, как и мы когда-то...

Но и те, несчастные, которые голодают, говорят, в Северной Корее, и эти, едущие с нами вместе в поезде — нарядные, ухоженные и немного смешные, на вид мелкобуржуазные, южные корейцы, — они, несмотря на все свои недостатки и достоинства, все же не превратились в призраков, как мы. Вот в чем дело. Вот в чем различие между нами.

На первое же утро, поднявшись чуть свет (первую ночь уже проехали, считай), я пошел по коридору своего вагона и увидел немало пассажиров, стоявших у окон и молча взирающих на проплывающие ландшафты Уссурийского края. Коллективное созерцание этих людей, обращенных ко мне своими затылками, производило странное впечатление. Это были корейцы, милые моему сердцу корейцы, с исторической родины или с неисторической, все равно — черноволосые и узкоглазые люди, похожие на меня. Но почему они все едут в этом поезде и чего это с таким напряженным видом смотрят на эти проплывающие мимо могучие сопки, поросшие кедрами, соснами, маньчжурским орехом...

Я подошел к одной мадам средних лет, стоящей у крайнего окна. В этот ранний час она была уже в полной форме, причесана и умело накрашена, благоухала французскими духами. Но меня поразило выражение лица этой холеной европеизированной кореянки — знакомо простонародное, крестьянское, как когда-то у моей матушки, как у пожилых кореянок, какое мне приходилось видеть в минуту каких-то их тревожных, глубоких раздумий.

Мне пришлось самые окаянные для новой России годы, с 1991-го по 1995-й, прожить в Южной Корее, так что я мог уже немного говорить по-корейски. Но это было так плохо, что один мой коллега-русист, корейский профессор, возмущенно потре-

бовал, чтобы я не говорил со студентами по-корейски, не позорил бы свои седины. Но иногда мне очень хотелось говорить по-корейски, и я говорил, и у меня получалось примерно так, как и сейчас:

— Вы почему так серьезно думать о чем-то?

Оглянувшись на меня и приветливо улыбнувшись, дама ответила самым искренним тоном:

— О, вы так хорошо говорите по-корейски, сенсей-ним!

— Как хорошо говорить... я еле-еле говорить, мне даже очень стыдно...

— Все равно хорошо. Вы где научились?

Кое-как ответив на заданные мне, сопутствующие первой минуте знакомства вопросы, я повторил свой собственный и получил следующий ответ:

— Я смотрю — какие беспредельные просторы. И одни горы кругом. И сколько уже едем, а почти совсем не видно людей.

Это было сказано робким, почти испуганным голосом.

— Так будет и дальше. Долго еще так будет дальше, — пообещал я оробевшей даме. И самодовольно усмехнулся: — Есть разница с Кореей, правда? Там сколько надо ехать в поезде от Сеула и до самого последнего Пусана?

— Часа три-четыре, наверное, — был ответ. — Я не ездила на поезде, приходилось только машиной...

— Наверное, нет в Корее поездов, где спят? — изгалялся я дальше. — Вот таких вагонов нет, наверное? — Потыкал я отогнутым большим пальцем у себя за плечом.

— Думаю, что нет...

Моя собеседница смущенно потупилась, словно почувствовала себя виноватой за то, что в Республике Корея нет поездов со спальными вагонами.

И тут мне стало стыдно за свои глупые вопросы, я извинился и отошел от дамы. А когда мне становится стыдно за свою глупость, я начинаю усиленно размышлять, почему это вышло у меня так. И порой от подобных размышлений бывает толк.

Неожиданно я делаю для себя какое-нибудь открытие или подступаю к началу действительно интересных, серьезных, неожиданных мыслей.

На этот раз я подумал, что раздумчивое «крестьянское» выражение на лице элегантной кореянки мне показалось знакомым и привлекло мое внимание не только потому, что такое лицо я видел когда-то у своей матери в минуту ее озабоченности. У-

ром, поднявшись рано, я сам стоял у окна и смотрел на дичайшие склоны промелькивающих мимо сопок, покрытых жутковатым густолесьем уссурийской тайги, и мне пришло в голову, что корейцы, которых в тридцать седьмом году везли в товарняках, точно так же на первое утро смотрели из вагона.

На мелькающую мимо первозданную тайгу, на открывающуюся где-нибудь в распадке, меж двух склонов, панораму дальних сопок с синеватыми скалами, темной зеленью... Какие чувства рождались у них тогда в душе, у испуганных законопослушных корейцев, которым внезапно приказали бросить все, что стало их жизнью, бросить дома и родные села, бросить достаток, безопасность и уют налаженного быта, бросить отеческие могилы — и прийти пешком на сборные пункты в течение двадцати четырех часов? И ведь пришли, притащили на спинах своих престарелых, немощных отцов, матерей, принесли на руках малых детишек. Никто не сделал попытки скрыться куда-нибудь, хотя бы в эту же самую тайгу, — им приказали, они послушно явились на места сбора.

И то чувство покорности судьбе, страха перед неведомым и невольного ужаса перед косной силой суровых, полных угрозы просторов чужой страны отразилось на лице сеульской кореянки. И я угадал то чувство на этом лице, потому что сам тоже был корейцем. Поэтому и подошел к ней, хотел поговорить именно о том, что предчувствовали те далекие корейцы в первое утро своего невольничьего исхода — в неизвестность, в беспредельность российской империи. Предчувствовали, что назад нет пути, что судьба меняется бесповоротно.

Таким образом, в XX веке именно советские корейцы первыми испытали на себе тяготы невольничьих караванов, совершенных в товарных поездах, под эшелонным конвоем. Это после корейцев уже повезли литовцев до моря Лаптевых, финнов до Енисея и Лены. И может быть, переняв эту практику железнодорожной перевозки невольников, немцы в сороковые годы везли украинцев в рабство, евреев в концлагеря Освенцим, Дахау, Бухенвальд. Набивая в скотские вагоны людей в несравненно большем количестве, чем это положено было, соразмеряя габариты животных и людей (12 лошадей — 40 человек), тоталитарная власть с ходу принималась за свою дьявольскую работу по быстрой переделке человек в скотов. Стоило только как можно теснее набить вагоны товарняка живыми человеческими

телами, да не обеспечить едой, питьем, да морозить на холоде или душить в жару, не давать помыться и, главное, не обеспечить такого простого дела, как отправление естественной нужды, — люди и на самом деле стремительно деградировали, теряли тысячелетиями выработанные навыки культурной жизни, вынуждены были отбросить стыд — и превращались в послушную скотину...

В молодые годы я много раз спрашивал у самого себя: а что бы ты сам делал, окажись на их месте? И первое, что приходило в мою горячую голову, было неизменно одно: убежал бы!

Неприменно постарался бы сбежать! Ушел бы из-под конвоя. А потом приходило еще и другое соображение — зачем же надо было добровольно приходиться к этим поездкам и сдаваться конвою? Ведь можно было и не стремиться самим лезть под стражу! Да чего же проще — попросту не приходиться на сборные пункты! Вон сколько народу перевозилось в XX веке невольничьими караванами товарняков! А людей-то надо было собрать в кучу, чтобы перебросить с места на место. Сидели бы просто по домам, крепко заперев изнутри двери. Ну, пришли бы гэпэушники, энкаведэшники, гестаповцы или кто там. Ну, стали бы ломать дверь, забрали бы семью... А ведь этих семей сотни тысяч! Всех забрать не хватило бы у дьявольских властей ни силы, ни стражи, ни исторического времени! Тоталитарное надругательство над людьми, власть над ними могли осуществиться потому лишь, что они сами, словно загипнотизированные, шли на призывные пункты, в армейские казармы, в концлагерные бараки, в товарные вагоны эшелонных конвоев.

Сами покорно, с вещичками, связанными в узелок, с малыми детишками за руку являлись туда, куда им было приказано властью явиться.

Меня это и приводило в ярость! Но прошу прощения, я тогда был очень молод. Теперь я сед, как старый волк, и умудрен опытом долгой жизни. И все равно ума особенного, кажется, не нажил. Ведь по-прежнему, как и в те далекие годы, меня душит ярость при мысли о нашей всеобщей покорности злу которая запросто превращает нас в хороших скотов. Ну почему, почему тогда, в 37 году, все эти замечательные корейцы бросили свои дома, оставили в них нажитое добро, покинули места любимых работ, подарили соседям-русским своих домашних животных — и как миленькие явились в означенное время к ожидающим их скотским вагонам, двери которых были широко раздвинуты,

а по краям их стояли, в нетерпеливом ожидании, конвойнички с винтовками?

Да еще на платформах больших станций, таких, как Чита, Улан-Удэ, отплясывали тустеп, фокстрот и падеспань, лицемерно изображая свой великий энтузиазм по поводу того, что их, несколько сот тысяч дальневосточных корейцев, насильственно гонят, словно крепостных рабов, в скотских вагонах куда-то на другой край света...

Что это за покорность народная — или всеобщее наваждение, массовый гипноз, тоталитарный страх и соборная трусость, — которую познали на себе многие и многие, великие и малые, желтые, белые и черные народы мира в XX веке?

Поезд Памяти, который вез меня, постукивая на стыках рельсов колесами, не мог ответить на мои вопросы, потому что на самом-то деле никакой памяти у этого поезда не было. И тридцать седьмой год был уже далеко позади, и всего несколько человек оказалось среди наших участников ПП, которые дожили до этого дня и помнили, как все это было. И они могли бы объяснить мне, почему столь послушно и покорно дали себя загнать в другие — запредельные теперь эшелоны и словно бессловесный скот погнать куда-то, не спросив объяснений.

Не раз я спрашивал у своего отца, когда он был жив: почему вы не пытались выяснить, за что вас всех без суда и следствия отправляют в бессрочную ссылку? На что отец отвечал: почему же, кое-кто пытался выяснить; но если днем он говорил об этом, на другое утро его уже не было среди нас. И никогда мы его больше не видели.

Мой отец тогда был жив... И это ему больше подошло бы ехать в этом ПП, чем мне. Он перешел уже за восьмой десяток.

Однако и мне, его сыну, было уже под шестьдесят. Что ж, и я, выходит, вполне заслуживаю чести быть участником этого славного ПП — Поезда Призраков. Потому что как корейцы мы оба давно уже стали призраками.

Ехал в поезде до Хабаровска один старый, но еще бодрый и крепкий высокий старик, которому во время переселения было лет десять-двенадцать, и он многое помнил... Отъехав еще совсем недалеко от Владивостока, их эшелон был остановлен из-за крушения поезда, который шел впереди, а потом они проезжали место крушения, и внизу под откосом видны были покореженные сброшенные вагоны. Это был поезд с корейцами, самыми

первыми жертвами всенародного трагического исхода. Человек 600 погибло в том поезде, рассказывал старик. И еще он вспоминал, как во время остановок детвора разбегалась и собирала щепки, палки, чтобы из них развести костры и на путях, прямо у вагонов, готовить пищу. На станциях приходилось бегать с ведрами и чайниками за кипятком.

И я вспомнил, как в 1948 году, когда части депортированных корейцев разрешили свободный выезд с места ссылки, многие из них тут же захотели вернуться на Дальний Восток, среди них были мои родители. И вот летом мы погрузились в товарные вагоны — точно такие же, наверное, в каких вывозили их в тридцать седьмом году, — и поехали в обратном направлении на восток. Туда, где восходит солнце. Мы — это семей двадцать-тридцать, которые не испугались снова отправиться в «теплушках», товарных вагонах с железными печками, через всю страну. Как и в первый раз, ехать пришлось долго, больше месяца, с неожиданными остановками на каких-то станциях, полустанках, где наши вагоны катили взад-вперед, пристраивая к какому-нибудь товарному составу. И на станциях также приходилось бегать за кипятком к каким-то сооружениям у путей, потом быстро, но с большими предосторожностями нести чайник к своему поезду, который мог в любое время неожиданно тронуться.

Спали мы вповалку на полу, время было летнее, из-за духоты ехать с задвинутыми дверями в товарных вагонах было невозможно, а в проемы раздвинутых дверей врывался встречный ветер, смешанный с паровозным дымом. До сих пор представляю себе тот удушливый угольный дымок, запах которого казался даже вкусным. Вспоминаю пристанционные рынки, на которых мы покупали горячие пирожки с картошкой, темно-синюю чернику в газетных кулках, насквозь пропитанных бордовым соком. Помню и то, как один уже большой парень, лет шестнадцати, загулялся на станции и отстал от поезда, и был в нашем вагоне большой переполох. Через несколько часов, уже далеко от места происшествия, на какой-то большой станции парень прибежал к поезду с радостной улыбкой на лице. Оказалось, что начальник предыдущей станции посадил парня на проходящий пассажирский поезд, и тот быстренько догнал наш товарный состав. Время уже было другое, мы ехали назад, на Дальний Восток, по доброй воле, нас не стерег конвой, и мы не были невольниками, и окружающий мир относился к нам совсем по-другому, чем в том проклятом для многих и многих людей 1937 году.

Мой собственный ПП, Поезд Призраков, катался, таким образом, взад-вперед между Средней Азией и Владивостоком — вот мне было уже пятьдесят восемь лет, и я снова катил по рельсам Транссибирской магистрали — в сторону знойной Средней Азии. Только на этот раз вагон был пассажирский, купейный, и у меня было место на нижней полке, с мягкой постелью, и никуда за кипятком не надо было бегать, и даже заранее было известно, на какой конечный пункт и какого числа должен прибыть наш ПП.

А по вагону разгуливали, знакомясь и навешая друг друга в тесных купе, любознательные туристы из Кореи. Прошла подавленность первых дней, когда их напугали величайшие просторы Восточной России, без конца и края, покрытые могучими горами и столь же могучими равнинами, поросшими могучими деревьями тайги. Пришибленный вид южнокорейцев, безмолвно созерцавших через окно поезда дикую геополитескую мощь натуральной Руси, сменился весельем. Легкомысленный и беспечный от природы, наш брат кореец быстро забывает все тяжелое и неукоснительно устремляется к веселью. Мой родной отец обладал именно таким классическим корейским характером, поэтому и прожил, слава Богу, до 87 лет на земле — на российской земле.

Когда-то мне пришлось несколько лет пожить на корейской земле, и однажды на прогулке возле города Ансонг, проходя мимо зеленого поля, я увидел сидевшего посреди него на корточках крестьянина, который серпом жал траву. Видимо, его доносили комары, жара, похоже, он утомился и пал духом — делая свое дело и продвигаясь на карачках вперед, мужик испускал тяжкие стоны. Но, закончив свой урок, он живо собрал траву в один большой сноп, перевязал его и нахлобучил на себя. Затем направился по тропинке домой, в сторону видневшейся вдаль деревушки — и вдруг громко, весело запел, еле видимый под травяной ношей. Вот он, классический корейский характер.

Среди «наших» ехал еще один кореец с классическим корейским характером, но несколько другим, нежели вышеописанный. Это был Герой России, летчик-испытатель Олег Григорьевич Цой, из улыбчивых богатырей, круглолицый, узкоглазый — в глазах этих светится спокойный ум самого надежного свойства, ум доброты. Есть такие корейцы, их мало, правда, которые абсолютно бесхитростны, прямодушны и бесстрашны. Им незачем хитрить, потому что они сильны, а в жизненных делах, какого

бы то ни было свойства, они всегда достигают самого высокого мастерства.

...Был один крестьянин где-то в Приморье, очень удачливый, работающий, мастеровитый. Рисовое поле его давало самые большие урожаи во всей округе. Очищенным белым зерном он засыпал полные закрома, и все равно риса этого семье не хватало до нового урожая. Потому что крестьянин щедро раздавал его всем, кто приходил к нему с просьбой. Широко улыбаясь, насыпал он меру за мерой в подставленный мешок, и даже не обращал особого внимания на просителя и не записывал долгов. В доброте подобного высочайшего качества уже содержалась какая-то глубокая философия, миропонимание особого, мистического, порядка. Высшая доброта и уверенность у таких людей была обеспечена высшим нравственным знанием.

Таковым и был Олег Григорьевич — тогда еще первый и единственный Герой России из корейцев. К нему в купе заглянул еще один любопытный корейский характер, на сей раз сугубо «южнокорейский» — молодой буддийский монах, длинный и стройный, одетый в добротную суровую одежду паломника, обритый наголо, до блеска. Несмотря на монашеский сан, этот молодой служитель культа был развеселый малый, я еще во Владивостоке заметил его на площади, где он принимал участие во всеобщем танце, стучал в бубен и кружился среди веселой толпы. В поезде он оказался самым контактным из всех этих буддийских, пресвитерианских, методистских и прочих конфессиональных представителей, коих было немало по всем вагонам. Он легко и быстро сходиллся с людьми и, несмотря на то, что ни единого слова не знал по-русски, довольно быстро обрел среди наших большую популярность. Тому послужило его умение делать шейный и плечевой массажи, особенно нравилось это дамам, которых он сажал перед собой, спиной к себе и сильными своими пальцами мня и терзал женскую плоть, массируя надплечные жилы и проминая застои в нежных дамских загривках. Дамы только охали, ахали, закрывали глаза от боли, жалобно постанывали, но почему-то терпели и добровольно отдавались в руки дюжего экзекутора. А закончив свое безжалостное дело, монах обхватывал ее живую пациентку под грудь, поднимался на свои длинные ноги и, держа навесу свою жертву, резко встряхивал ею, объясняя это тем, что он разом, в одно мгновение, выправляет ей все позвонки, неверно установившиеся от постоянно неправильной осанки тела.

Словом, монах потихоньку перешуupal хваткими пальцами массажиста всех наших дам, немолодых и молодых, и к нему потянулись желающие из многочисленного женского контингент южнокорейских дам. Слава его разрасталась. На моих глазах рождалось что-то похожее на очередную тоталитарную секту — Аум Сенрикё, братство Муна... Дамы шепотом рассказывали друг другу о чудодейственных последствиях, кои имели место в системе самочувствия до и после сеанса. Но поскольку женщин в поезде было очень много, а желающих подвергнуться монашескому массажу все прибывало, установилась длинная очередь, и нашему монаху приходилось чуть ли не целый день пользоваться страждущих. И ему это надоело, должно быть. Он тогда придумал вместо массажа устраивать коллективную гимнастику, сажал перед собою рядами дам на пол, в позе лотоса, и показывал им, как надо самим себе выламывать руки, заводить их за спину, сцепляться пальцами выворачивать их вверх, как на дыбе. Надо сказать, у него-то лично это здорово получалось, а у дам, как они ни старались, ничего не выходило.

И вот теперь сей прославленный молодой монах пришел в купе к нашему Герою и предложил ему побороться на руках.

Армреслинг, так сказать. Наверняка знал этот буддийский инок, что Олег Цой — Герой не только по званию, но что он истинный Герой по духу, по бранной мужской силе. Да, Олег Григорьевич у нас был такой... не очень высокий ростом, но плотный и обтекаемый, как небольшой танк. Эманация телесной, физической силы исходила от него, от его крепко сбитой фигуры, широких покатых плеч, от его круглого улыбчивого лица и черных светящихся глаз. Вот и захотелось пылкому честолубивому монаху, жаждущему духовного подвига, любящему в этой жизни всяческое соревнование, то есть ревнующему к другим, у кого есть какая-нибудь слава, — померяться с ним силой. Но не мог знать этот монашек, что Героя наш Олег получил за то, что спас от катастрофы на испытаниях самый дорогой, самый новый боевой самолет из конструкторского бюро Сухого. При выходе из пике не поддался рычаг ручного управления, заблокированный соскочившим болтом.

Надо было катапультироваться. Но Олег не стал этого делать — он рванул рычаг с такой силой, что вырвал его вместе с застрявшим болтом из стального гнезда, и самолет удалось вывести из пике.

Вот с ним-то и захотел бороться на руках честолюбивый молодой монах-атлет, еще один славный корейский характер, тот самый, который гонит тех, кто таким обладает, по всему свету — от Аляски и до Антарктиды, от Колумбии и до Занзибара, от Парижа и до Новой Гвинеи. Нет еще другого такого народа на земле, чьи представители забирались бы столь далеко от родных мест и проникали в такие рискованные земные заповедья. И то были корейцы, такие же, как наш буддийский инок, настырные и умелые, честолюбивые и самоуверенные, авантюрные и бесстрашные, дерзкие и непокорные корейские характеры. А монаха этого — каким случайным ветром занесло в буддийскую смиренную обитель? Так и вижу его — не в серой рясе и со смиренно сложенными перед грудью ладошками, а среди студенческих демонстрантов, с белой повязкой на голове, прыгающего ногой вперед на выставленный против него полицейский щит.

И все же Олег спокойно, мощно и неотвратно положил жилистую руку монаха на стол. Так повторилось несколько раз. Но молодой буддист, долговязый, с верблюжьей шеей, горбоносый, в монашеской одежде мышиного цвета, ничуть не расстроился и даже развеселился после своего убедительного поражения. С какой-то кроткой, истинно буддийской восторженностью в глазах взял и погладил победную руку Героя, потрогал крутые мышцы на ней. О, это очень тонкий, выразительный нюанс данного корейского характера! Я был совершенно растроган, был покорен и мгновенно простил монаху все его вольности по отношению к женщинам, принимавшим массаж из его сильных, с длинными пальцами, молодых и веселых рук. Тем более что дамы сами приставали к нему.

Еда — принятие пищи, как очень важная общественная сторона национальной жизни, была организована в поезде по принципу складчины, готовили из общих запасов в вагоне-ресторане, по очереди то наши женщины, то представительницы исторической родины. Как было уже сказано, корейцы собираются на праздничные мероприятия не столько, чтобы выпить, сколько как следует поесть. И обратно — хорошая совместная еда всегда создает праздничную атмосферу. Я вспоминаю, как в годы моей молодости в Москве собирались где-нибудь наши студенты-корейцы и устраивали земляческие трапезы, варили рисовую кашу или делали «куксу», спагетти по-корейски. А будучи в Корее, я узнал, что бывшие однокорытники по универси-

тету, давно закончившие его и благополучно подвизающиеся на разных уровнях государственной и частной деятельности, раз в году обязательно встречаются где-нибудь в хорошем ресторане и, невзирая на разницу карьерных достижений, все вместе демократично обедают вкусной пищей. Пьют при этом преимущественно пиво — по бутылочке на брата.

Итак, наши совместные обеды и ужины, стало быть, невольно превращались в общие застолья, появлялось пиво за дополнительную плату, — начинались застольные речи, спичи, тосты, звучали песни, без которых не обходится корейское празднество. Наши предпочитали выставлять на стол русскую водку, от которой не отказывались и посланцы исторической родины. Как постепенно выяснилось, в процессе знакомства, были среди них ученые люди, профессора, миссионеры-протестанты, деловые люди крупного разряда, буддийские монахи, художники, журналисты и поэты.

Возникали за столами дискуссии, но происходили в вагоне-ресторане и запланированные симпозиумы на определенные темы. Южные корейцы, подражая американцам, не могут обходиться без заранее подготовленных акций, конференций, приемов, встреч, митингов, и проведение таковых доставляет организаторам глубочайшее удовлетворение. Однако стихийно возникающих, несанкционированных общественных акций или явных отклонений от заданной темы симпозиума опасаются. Бывая на собраниях в Сеуле, я никак не мог привыкнуть к тому, что аудитории заранее раздавался текст доклада, и докладчик читал свой доклад с трибуны, а участники собрания сидели за столами и слушали, положив перед собой отпечатанный доклад и внимательно сверяя слышимое с написанным.

И вот мне, как русскому писателю, поручено было выступить на запланированной поездной конференции с темой о проблемах восстановления для российских корейцев утраченной культуры и забытого языка. И когда после выступлений нескольких ораторов из Кореи, очень сокрушавшихся по тому поводу, что с нами приключилась такая беда, жалевших нас, что мы утратили национальную культуру и забыли язык отцов, мне дали слово, — и я сразу же попер не в ту степь... Разумеется, никакого текста выступления я не подготовил и не раздавал публике — но она явно не ожидала услышать от меня именно то, что я сказал.

А сказал я о том, что Корея небольшая горная страна, но она всегда была аграрной страной, и пригодных для сельского хо-

зайства земель было немного, и все они с древних времен были освоены. Но по своей жизнерадостности корейцы всегда плодили много детей и семьи любили заводить многочисленные. И делить между детьми наследственную землю было невозможно. Земля, как правило, доставалась от отца старшему сыну. А его младший брат, все меньшие его братья — им надо было уходить из отчего дома и где-то на стороне обустроить свою жизнь. И вот младшие братья составили ту многомиллионную армию корейцев-эмигрантов, которые рассеялись по всему миру и забрались во все уголки и закоулки планеты Земля.

И в этом поезде сейчас едем мы, потомки невезучих «младших братьев», и едете вы, более счастливые потомки «старших братьев», сказал я. Но ничего такого мы не утратили и ничего нам возрождать не нужно! Нашим предкам не нашлось места в родной Корее, и они ушли в другую страну — и там обрели себе жизненное пространство и человеческое трудовое поприще.

Что же мы потеряли, скажите на милость? Нет, не потеряли мы, выходит, а обрели! Это родина, милая Корея, нас потеряла. А как же насчет культуры и языка? Разве мы не усвоили великую русскую культуру и не выучили русский язык? И усвоили, и выучили. Другое дело, что не на должном уровне, может быть, не в надлежащем совершенстве. И только это вызывает сожаление. В остальном нас незачем жалеть.

Россия прекрасная страна, вы видите из окна поезда, какая она прекрасная, и великая, и могучая. Жить в России и разделить с нею историческую судьбу — это славно. Язык русский это язык Пушкина, Льва Толстого, Чехова. Язык одной из лучших литератур мира. Так что же мы такого потеряли, о чем вы печальтесь, почему жалеете нас, господа? Мои книги переведены на 23 языка мира, я пишу на русском языке — о чем же мне жалеть? Есть среди корейцев России многие славные имена — в науке, в спорте, в искусстве, есть свои, корейские, генералы и адмиралы...

Я говорил еще долго о чем-то подобном, но вскоре замолк.

Все слушатели мои, и южнокорейские, и наши, также сидели молча, смущенно потупившись. И я вдруг осознал всю глупость и одновременно всю печаль того, о чем я только что выпендренно распространялся. Я сказал, в сущности, о том, что мы здесь, в России, давно перестали быть корейцами, что наша связь с национальным прошлым оборвалась, и, кажется, уже навсегда. Утратив корейскую культуру и забыв язык, мы перестали быть

частью особого народа на земле, называемого корейцами. Мы, скорее, живые призраки, а не живые корейцы.

А то, что позволяет нам еще считать себя таковыми, то это наша кровь, наши короткие фамилии, это внешность и приверженность к острой кухне, совершенно особенной во всем мире. И еще — то неуловимое, мало кому, кроме самих корейцев, понятное — называемое на их древнем языке словом кхан.

Объяснить смысл этого понятия очень сложно. Приведу некоторые сочетания слов. Неизбывное мечтание. Молчаливое упование на что-то прекрасное и несбыточное. То, что носит человек в душе всю жизнь, никому не раскрывая. Неимоверно дорогое и любимое, но недостижимое. Что-то печальное — и самое светлое, самое красивое, чистое. То, чего достигнуть на этом свете невозможно, но можно пронести через всю жизнь как бесценный дар небес.

И в жизни можно было превратиться — в смысле национальной ментальности — в некую корейскую маску, в нестрашный призрак давно умершего в тебе корейца, но избыть в душе свой корейский кхан оказалось невозможным. И здесь, в поезде, под стук колес, перебегаящих по стальным рельсам через дикие степи Забайкалья, в одно мгновение и на долгую минуту кхан пробудился во всех нас, овладел нашими душами.

И мы застыли в молчании глубокого понимания — южнокорейские, российские, американские, китайские, филиппинские корейцы. И сидели вокруг меня наши, мои российские соплеменники, потомки тех младших братьев из отчества Корея, которые когда-то давно оказались не нужны этому отчеству. Наш Герой России, Олег Григорьевич Цой, крутоплечий и мощный военный летчик; наш президент Ассоциации российских корейцев журналист Олег Ли, с широким белым лицом, с узкими, в растяжку, глазами, в которых мерцал и тлел глубинный огонек неистового кхана; фармацевт Лариса Моисеевна Ким из Ростова-на-Дону, в тонком макияже, прекрасно смотревшаяся, несмотря на возраст, уже перешагнувший через юность; Сергей Дюфирович Цой, тоже из Ростова, заслуженный врач республики, маленький, коренастый, быстрый и точный в движениях — и с такой добрейшей улыбкой на узкоглазом скуластом лице, что не ответить на нее улыбкой было невозможно.

По пути следования подсаживались в поезд и другие корейцы, в основном пожилые, и у каждого было русское имя-отче-

ство, и все они говорили по-русски, корейского языка не понимали.

Если на Дальнем Востоке, Сахалине, в Средней Азии корейцы жили компактно и поэтому от старших успели кое-что перенять в языке, в культуре внутрисемейных отношений, то эти из наших, что выбирались к поезду из глубин Сибири, прожили жизнь среди русских, контактов с подобными себе корейскими едино кровниками не имели. Но однажды в газете «Известия» они прочитали информацию про Поезд Памяти — и в душе у каждого седовласого корейца встрепенулся его древний кхан.

Да, они все были как лунь седые, я тоже был таким, и когда с несколько растерянным видом, словно чем-то подавленные, заходили они в вагон и усаживались на свободное место, молча озираясь вокруг — о, как хорошо я понимал их, потому что тоже был таким... С волосами, ставшими белыми из черных не только по возрасту — наверное, черноволосые корейцы становятся как лунь седые оттого, что чувствуют себя на этом свете призраками. С того времени, как это происходит, кореец и начинает седеть.

И катил на запад этот странный поезд, увешанный по боковым вагонов яркими транспарантами, написанными русскими буквами и корейскими, и в этих празднично разукрашенных вагонах ехали корейцы, вроде бы все одинаковые с виду, вполне корейского обличья, — но это было только с виду.

На самом деле половина из них, нет, все же меньшая часть пассажиров поезда были не корейцы. И не русские тоже. Так кто же они были, господа?

И какой такой праздник себе устроили они из того, что шестьдесят лет назад их родителей согнали всех вместе, затолкали в товарные вагоны и, словно черных американских рабов, перегнали на другой край света? А потомки их старших братьев, исконные корейцы из Кореи, оплатили этот многодневный «праздник на колесах» и сами с удовольствием проехали в поезде — восемь суток от Владивостока до Ташкента, с остановкой в Алма-Ате... Они воспринимали эту поездку как некий праздник. А мы? Я задавал себе этот вопрос — и не мог однозначно ответить на него. Может быть, все-таки не праздник, а поминки? — говорил я самому себе.

И все-таки, когда в пути на больших станциях — в Чите, Улан-Удэ, в Красноярске, в Иркутске поезд делал большие остановки и к нему выходили толпы корейцев, радостных, со слезами на глазах, я видел, что встречи эти на рельсах Транссибирской ма-

гистрали были все-таки праздником. Особенно поразила меня незапланированная встреча в Улан-Удэ, куда поезд прибыл глухой ночью, часа в два, наверное. Толпа нарядных людей с радостными криками бросилась к поезду через железнодорожные пути, молодые люди с нашими, родными лицами притащили сумки с праздничной корейской едой, с шампанским и закусками... Мы проснулись, быстро оделись, кто во что и выпрыгнули из вагонов. И в глухой осенней темноте, едва освещенной светом далекого вокзала, прямо на пахнущих мазутом путях мы начали наш праздничный ночной пир.

Да, это был все-таки праздник. Потому что мы, ставшие как корейцы, этнически, фантомами на Руси, — однако как люди «корейской национальности» все же сумели выжить, внедриться в русскую действительность и стать в ней не последними людьми. Что ж, повод для какого-то праздника и торжества был.

Позже я убедился, что повод действительно был, и он заключался в том, что не стали корейцы, вывезенные в Среднюю Азию с Дальнего Востока, ни призраками, ни пылью истории.

Дело в том, что все люди суть призраки, а все призраки, стало быть, есть люди — разницы между нами нет. Разве это не повод для всемирных праздников?

И в Ташкенте, конечном пункте маршрута Поезда Памяти, корейцы Узбекистана встретили всех его участников грандиозным двухдневным праздником. Был дан корейскими и узбекскими национальными ансамблями гала-концерт в самом крупном Дворце культуры столицы. Было организовано народное гуляние и пиршество на открытом воздухе, за сотнями столов у озера в парке, в тени чинар. На митинге приветствовали корейцев члены узбекского правительства, зачитали и приветствие президента.

А через несколько дней — уже после завершения акции, была поставлена последняя точка в Москве, на совместном заключительном заседании участников Поезда Памяти и представителей корейской диаспоры России. Акция эта проводилась во дворце культуры АЗЛК, там же был и заключительный праздничный банкет.

Но странный этот наш радостно-печальный, торжественно-поминальный национальный праздник в ознаменование 60-летия депортации советских корейцев еще на этом не закончился. В старой столице Казахстана Алма-Ате состоялся еще один, и я там был, и мед я пил...

Также как и в Ташкенте, это происходило в течение нескольких дней, также был гала-концерт в главном Дворце культуры, и состоялся банкет на тысячу гостей, и президент республики приветствовал от своего имени всех корейцев. Он сам присхал на концерт и зачитал приветствие из собственных уст. Выступил с приветственной речью и посол Республики Корея в Казахстане.

Что ж, все произошло замечательно. ПП состоялся. Проехал за восемь суток от Владивостока и до Ташкента, минуя Хабаровск, все крупные сибирские города до Новосибирска, Петропавловска, затем свернул в Казахстан, миновал Алма-Ату. Пассажиры этого необычного поезда давно разъехались по домам и погрузились в свою повседневную жизнь.

Организатор исторического уже Поезда Памяти в ознаменование шестидесятилетия насильственной депортации советских корейцев Олег Алексеевич Ли, наверное, заполучил в свою голову раннюю седину и теперь живет воспоминаниями об этом славном деле. Шестьдесят лет для человека корейского мира — это особенный возраст. Суть главный юбилей его жизни. Когда поверяется, удалась ли человеку жизнь или не удалась. Если удалась — празднуется хангаб, этот самый главный юбилей. Причем устраивают его дети человека, которому удалась жизнь.

И вроде бы мы, потомки тех корейцев, которых шестьдесят лет назад насильственно «породили» для новой жизни, устроили этот самый «хангаб» для поколения наших отцов, достойно отметили шестидесятилетие их нового исторического бытия. И тем самым доказали и свою собственную, поколенческую, историческую состоятельность. Мы корейцы, мы не призраки, мы существуем.

Все так. Я понимаю. Но мне почему-то представляется, что тот ПП, который выкатился из Владивостока 11 сентября 1997 года, в 22.00 местного времени — катится и катится до сих пор.

И в нем едем все мы, российские корейцы, призраки поезда едем на запад с востока, едем все дальше и дальше, и назад нам нет пути.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК КОРЕЙЦЫ КОЛХОЗА «ДЕВЯТЫЙ ВАЛ» ПУГАЛИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НАЗВАНИЕМ СВОЕГО КОЛХОЗА

Когда я изучал архивные документы по переселению корейцев в Казахстан, то обратил внимание на то, что во многих делах содержатся десятки писем корейцев. Они касались в основном проблем потери родственников во время депортации, вопросов тяжелого положения на новых местах поселения и т. д. Письма шли в местные и высшие органы власти Казахстана и Союза ССР. По корреспонденции корейцев можно изучать персональный состав партийно-государственной элиты советского Казахстана и всего Советского Союза того времени. Это были письма, заявления, телеграммы, письменные доклады товарищу Сталину, Генеральному комиссару НКВД СССР Ежову, Прокурору СССР Вышинскому, Председателю СНК СССР т. Молотову; Москва—Кремль — т. Калинин; Председателю комиссии по корейцам, заместителю председателя СНК СССР Чубарю; секретарю ЦК КП (б) Казахстана Мирзояну; Председателю Казсовнаркома Исаеву; Наркому НКВД КазССР т. Реденс; Уполномоченному по переселению корейцев, помощнику Наркома НКВД КазССР Гильману и т. д.

Эти эпистолярные свидетели истории разнообразны по своему характеру, стилю — коллективные и индивидуальные, наивные, просящие, требующие и даже угрожающие. Но во всех них присутствует достоинство, сдержанность, законопослушность, можно сказать, определенная интеллигентность.

По мере возможности постараюсь сохранить стиль этих писем и даже содержащиеся в них ошибки, и не для того, чтобы показать неграмотность корейцев в области русского языка или, не дай Бог, чтобы посмеяться над ними, а для того, чтобы картина прошлого была живая и предельно достоверная. Ведь ошибки грамматические, стилистические и т. п., содержащиеся в письмах, отражают характерные особенности носителей корейского языка в практическом русском языке, особенности менталитета

дальневосточных корейцев. И еще, при желании можно подробно и основательно прокомментировать каждое слово, каждую строчку и каждую мысль этих писем. Но не стану этого делать, а предоставлю такую возможность читателю.

Итак, приведу образец коллективного письма от колхозников колхоза имени Ленина села Подушка Шкотовского района Дальне-Восточного края, переселенного на станцию Уш-Тобе Каратальского района Алма-Атинской области, адресованное Наркому НКВД СССР, самому товарищу Ежову. Оно датировано апрелем 1938 года, т. е. это была первая весна депортированных корейцев в Казахстане. Подписали его от имени колхозников секретарь парткома Пак Хын Ней и председатель колхоза Ли Мен Гук. В первых строках письма сказано, что в 1937 году в октябре месяце колхоз имени Ленина переселили в Казахстан «по плановому переселению». Далее в письме говорилось следующее:

«1. Мы приехали в 1937 году. Уже прошло полгода никак не можем получить средства из ДВК за зданное имущество по обязательству 92341 руб.

2. Живо.тягловой силы вместо 57 шт. получили 18 шт., где возможных к работе 4, а остальные жеребые. Помимо этого отсутствует фураж сено и овес о чем мы обращались в РайЗО, РайЗО направляет ЗаготЗерно, ЗаготЗерно переселенческий участок, переселенческий участок Райисполком так, что из одного порога в другую сбиваемся, а толку мало все же не можем получить. Кроме этого мы сдали сено в ДВК по 2,5 коп. за кг, а покупаем по 13 коп., а овса не увидели до сего времени.

3. При выезде из ДВК второпях мы оставили имущество дет. ясли упакованное в 6 тюках.

Переселенческий участок ответил, что имущество будет возвращено, но до сего времени нет ни слуху

Как вновь основанному колхозу очень трудно, поэтому еще раз прошу ходатайства получить скорее из ДВК средства за сданное по обмену и имущество детских яслей. О результатах прошу ответа».

А вот несколько иное письмо. 24 октября 1939 года колхозники колхоза «Екпенды» Кум-Аральского сельсовета Яны-Курганского района Кызыл-Ординской области направили коллективное письмо Председателю Совнаркома КазССР. Они писали о том, что их поселили на участке, где нет поливной воды, в 1939 году они засеяли 50 га пшеницей, а собрали урожай всего 13 ц.

зерна. Далее в нем говорилось: «В течение двух лет с весны до осени на выкопке арыков вручную колхозники обессилели, но все равно остались без хлеба. Колхозники и их дети голодают. Многие ученики перестали даже ходить в школу, нет ни продуктов писания, ни обуви, ни одежды. Сидят голые и голодные. Надежды на будущее нет». И в конце письма приписка — крик души: «Не оставляйте нас на этом участке, желаем и просим переселить нас. После просмотра нашего заявления дайте нам решающий радостный ответ».

Вообще надо отметить, что на долю депортированных корейцев действительно в полной мере выпали неописуемо суровые испытания, и они понесли невосполнимые материальные и моральные потери. Их арестовывали и репрессировали на местах выселения, по пути следования в эшелонах, на новых местах вселения. По пути из ДВК были аварии, крушения, например, эшелон №505 около станции Верино под Хабаровском сошел с рельс, семь передних вагонов были полностью разбиты. Погибли люди, их число составило 21 человек, самому младшему из них был 1 год, самому старшему 60 лет. Всего же среди погибших было 11 детей в возрасте до 16 лет. Около 50 человек получили ранения различной тяжести. По описи испорченного имущества можно судить о том, что везли с собой депортированные корейцы. Это в основном были крупы: кукуруза, фасоль, пайза, пшеница. Почти у каждого была кукуруза. Кроме того, они везли картофель, бобы, лук, жидкую сою, рис. Из вещей были постель, одежда, обувь, посуда. Были и другие несчастные случаи, калечившие переселенцев. Уже в поездах начались эпидемические заболевания, уносившие в основном детей и стариков.

Корейцев-переселенцев размещали в складах, амбарах, конюшнях, свинарниках, брошенных мечетях, клубях, железнодорожных помещениях, школах, сараях, прочих хозяйственных постройках, даже в здании бывшей тюрьмы. А те, которым не достались и такие помещения, рыли себе землянки.

Со временем у корейской диаспоры в Казахстане, как и положено в жизни любого сообщества, определились свои святые места, с которыми связаны наиболее значимые события в ее истории. И которым принято поклоняться.

Одним из таких мест стал склон горы Бастобе в Уштобе. Уштобе в переводе с казахского языка означает три холма, давших название урочищу, в котором была построена небольшая железнодорожная станция, ставшая затем городом и районным

центром Каратальского района Алматинской области. Во время депортации 1937-го года именно на склонах Бастобе одними из первых на казахстанской земле были выгружены переселенцы-корейцы. Это какое-то странное место. Когда на нем находишься, то все время на тебя дует пронизывающий ветер, и возникает такое ощущение, что он здесь дует триста шестьдесят пять дней и двадцать четыре часа в сутки. Как известно, корейцев привезли сюда поздней осенью, в октябре-ноябре месяце, когда уже начались заморозки, и впереди была суровая зима. Бедные наши соотечественники рыли себе землянки на голых склонах продуваемой на склонах этой горы. Так и остались ямы от землянок, и рядом холмы могил. Уже в наши дни в суверенном Казахстане здесь был сооружен памятник жертвам депортации.

Напомню, что это было глубокой осенью 1937 года. Среди корейцев свирепствовали практически все инфекционные и простудные заболевания: грипп, бронхит, отит, пневмония, тиф брюшной и сыпной, холера, дизентерия, скарлатина, особенно была распространена корь среди детей, также буйствовала цинга, из-за нехватки витамина С и вообще плохого питания. Частыми были вспышки гепатита, наблюдались больные сифилисом. К тому же корейцев поселили в Аральском, Казалинском, Денгизском районах, пораженных проказой. Из-за отсутствия бань среди корейцев началась завшивленность.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в районе Аральского моря, здесь даже сами работники НКВД доносили в Алма-Ату: «Лошади не выдерживают, пришлите волов», как известно, вол — это самое выносливое животное. Именно на берегах Аральского моря были поселены корейские рыбаки. Следует заметить, что корейцы были не только рисоводами, овощеводами, но и прирожденными рыбаками, и из ДВК в Казахстан были переселены десятки рыболовецких колхозов. Причем корейцы были мастерами глубинного океанского лова и, когда они применили эту технику в Казахстане, она способствовала тому, что их колхозы стали передовыми в этой отрасли хозяйства. Но не повезло тем, кого поселили на берегах усыхающего Арала. Например, корейский рыболовецкий колхоз им. Ворошилова был размещен в поселке Куван-Дарья Аральского района, в нем жило 192 корейских семьи. Он находился в 250 км от районцентра г. Аральска, на расстоянии 8,5 км от моря, к тому же из-за мелководья суда не могли подойти в берегу ближе 15 км. Все это расстояние рыбаки проходили пешком по суше и по воде. Лов

рыбы производился на расстоянии от 60 до 200 км от берега, и рыбаки находились в море до трех и более месяцев без возвращения в колхоз. В колхозе не было питьевой воды, корейцы прорыли канал протяженностью 7 км, чтобы вода поступала в поселок, но, во-первых, она почти 150 км протекала по камышам и заболоченной местности и была непригодной для питья, а во-вторых, из-за снижения уровня воды в Сыр-Дарье она вообще перестала поступать в канал. Из-за плохой питьевой воды от кишечных инфекций в колхозе умерло 85 человек. Поэтому в одном из документов было сказано, что земледельцы-корейцы заявляют: «Если поливной земли будет достаточно, то заживут богато. Рыбаки-колхозники заявляют, что они плохо устроены, что им жить в ДВК было лучше, что здесь море не то, много комаров».

Вообще на примере судьбы корейцев в Казахстане можно проследить весь механизм функционирования командно-административной системы, которая была в СССР. В период первой советской пятилетки 1928—1932 годы, когда закладывался фундамент социализма, обнаружилось, что экономика Советского Союза зависела от импорта хлопка. Большевистское руководство страны со свойственным ему революционным энтузиазмом и радикализмом одним махом раз и навсегда решило покончить с этой проблемой. Была дана установка: Все земли, пригодные для хлопководства, засеять хлопком, и тем самым обеспечить им страну и ликвидировать, как говорилось в документах того времени, хлопковую зависимость СССР от иностранных государств. Напомню, что в то время СССР был единственной в мире страной социализма и находился он во враждебном империалистическом окружении. В итоге так и было сделано, все территории советской Средней Азии и Казахстана, где мог расти хлопок, засеяли хлопком и действительно СССР сам себя им обеспечил.

Всплыла другая проблема. Оказалось, что хлопок конкурирует с таким же тепло- и влаголюбивым растением, как рис, и посевы хлопка вытеснили посевы риса. Так СССР, решив вопрос хлопковой независимости, стал импортировать рис, т. е. стал попадать в рисовую зависимость от других стран. Что бы избежать и этой проблемы, было решено сеять рис по северной границе хлопководства. Так советское правительство распорядилось создать в Казахстане, в долине реки Каратал, в Алма-Атинской области гигантские рисовые комбинаты площадью от 60 000 до

100 000 га. Надо ли говорить о том, что, не имея под этим ни материальной, ни научной базы, ни соответствующих кадров и т. п., кроме болот, заросших камышом и покрытых полчищами комаров, здесь в итоге ничего не получилось. Правда, во время массовых политических репрессий, в духе тех событий все это было списано на происки «врагов народа», сторонников троцкизма и зиновьево-бухаринской оппозиции, японо-германских шпионов. Эти нежизнеспособные гиганты были ликвидированы. Но парадокс заключался в том, что на их землях поселили депортированных корейцев, переселенных с Дальнего Востока, как известно, «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в край». Рисоводство вообще само по себе очень сложная отрасль сельского хозяйства. Рис достаточно прихотливая культура с продолжительным периодом вегетации и созревания. Для успешного его возделывания требуется много знаний, умений, большой опыт и определенное количество солнечных дней, рисовые чеки должны быть затоплены на уровень проточной водой, должной температуры и т.п. При этом не следует забывать, что Каратаальский район — это самая северная зона рисосеяния в Советском Союзе, и здесь к уже вышеперечисленным многим сложностям возделывания риса добавлялись еще и другие. Но корейцы успешно справились и с этими перипетиями вплоть до выведения новых сортов риса, поскольку все завезенные сюда его сорта не приживались, либо они не успевали дозревать из-за нехватки тепла, либо давали низкие урожаи.

Как строили дома корейцы-переселенцы? Существовал официальный документ, в котором прямо говорилось, что разрешается строить дома для переселенцев-корейцев из самана без фундамента. Наверное, очень экзотично выглядели так называемые «пластово-дерновые дома» для переселенцев. Поясню, дерн — это вырезанные пласты верхнего слоя почвы, скрепленного корнями травы. И, что уж совсем оригинально, так это дома из сырого замороженного кирпича, не говоря уже о домах из стенового материала из засоленного грунта. Здесь следует заметить, что специально для устройства корейцев в Казахстане была создана контора «Спецстрой», ее еще называли «Конторой для строительства корейских поселков». А на местах было организовано одиннадцать участковых стройконтор. Но руководители «Спецстроя» и стройучастков разворачивали кредиты, фондируемые стройматериалами и другие средства, выделяемые на устройство корейцев.

А это письмо приведу полностью. Начинается оно так:

«Генеральному Комиссару Государственной безопасности НКВД СССР товарищу Н.И. Ежову.

От переселенца Цхай Василия Максимовича.

Заявление.

В настоящем прошу Вас разобрать мое заявление В нижеследующем: Вам уже хорошо известно, что партия и правительство Советского Союза решили переселить всех корейцев из Дальне-Восточного края. В данное время мы живем в Казахстане и часть в Узбекистане и других союзных республиках таким образом, когда мы выехали из ДВКа в Казахстан, то у нас семья попали на разные эшелоны и приехали часть семьи в Кустанайскую область, а мы попали в Северо-Казахстанскую область в Келлеровский р-н в п. Красно-Каменск. В состав семьи следующие:

1) Отец — 62 лет, 2) мать — 62 лет, 3) брат — 15 лет, 4) брат — 26 лет, 5) я — 23 лет.

Из пяти человек только один работает месячный оклад 215 руб, таким образом на этих зарплатах очень тяжело существовать, а брат один работает в Кустанае, работает фельдшером он пишет чтобы мы приехали в г. Кустанай, для того чтобы присоединить к брату, то есть собрать в одно место. По этому вопросу мною было подано заявление райкомендатуре, чтобы дали нам разрешение ехать к брату, но почему-то даже не ответили уже прошло больше месяца, когда подал заявление чтобы разрешили. Поэтому я пишу к вам, чтобы поскорее решили этот вопрос или вы сообщите, чтобы они разрешили нам ехать в г. Кустанай. Удивительное дело ведь г. Кустанай тоже Казахстан, а почему не разрешают нам переехать в семье в Кустанай не могу понять.

Хотя я не знаю может быть есть особый закон для корейских переселенцев, но в Сталинской конституции (Основном законе) не написано, чтобы не разрешили, чтобы нельзя собрать вместе всю семью.

На основании вышеизложенного прошу вас скорее дать ответ и разрешение чтобы ехать в г. Кустанай, где живут родные и братья. Как видно, здесь ничего не добьешься ответ. Даже почему-то на наш заявление не отвечают. Сообщите сразу ответ если нельзя ехать в г. Кустанай, то прошу напишите подробно объяснение почему нельзя ехать.

Жду ответ с большим нетерпением.

Мой адрес: п. Красно-Каменский,

Келлеровского района Северо-Казахстанской области.

Цхай Василию Максимовичу.

11.IV.1938».

В этом плане также интересно письмо Ивана Пака от 9 марта 1941 года в Переселенческий отдел СНК КССР. Он писал, что в 1937 году его семью 7 душ переселили из Владивостока в г. Кызыл-Орду, в Кызыл-Орде он похоронил мать и двух детей. Дети, согласно заключению врачей, умерли от климатических условий. Чтобы спасти жизнь оставшихся двоих детей 6 и 5 лет, он в октябре 1940 года переехал на станцию Уш-Тобе. Здесь дети перестали болеть и чувствовали себя нормально, климат для них подходил. Но его вызвали в Каратальский райотдел НКВД и заставили выехать с семьей обратно в Кызыл-Орду. Иван Пак обратился в Переселенческий отдел СНК КССР и просил дать ему разрешение прописаться на станции Уш-Тобе. И далее следует приписка, которая просто обескураживает своей откровенностью и наивностью: «Чтобы правильно воспитывать своих двоих детей — будущих борцов за Социализм».

Можно привести примеры, которые вызывают смех сквозь слезы. Когда в письме чиновники НКВД корейку Хам Надежду Васильевну называли «корейка». Или же, на запросы корейца Ким Кир У помочь найти его родственников, разбросанных депортацией, отвечали, что это не представляется возможным, «поскольку среди корейцев много однофамильцев и одноименцев»...

Или вот строки из телеграммы из Яны-Кургана, колхоза «Красный Авангард» от Пан в Москву т. Калинину: «Председатель райисполкома и секретарь райкома партии не занимаются вопросами переселенцев мотивируя мы маленькие люди». Бедные корейцы сотни раз обращались в самые разные органы с просьбой вернуть ими сданное в ДВК имущество или заплатить за него, они писали во все инстанции, даже просили их командировать в Дальне-Восточный край, чтобы самим лично привезти оставленное там имущество. И есть вообще отчаянное письмо, когда один кореец просил заменить сданную в ДВК лошадь хотя бы свиньей (!).

Очень интересное и вместе с тем показательное по своему содержанию и духу заявление Пак Иннокентия, который 11 июня 1946 года специально приехал в Алма-Ату со станции Уш-Тобе на прием к представителю ЦК ВКП(б), занимавшемуся вопросами отправки казахстанских корейцев на работу в Северную Корею. Он добровольно просился туда, и в заявлении написал:

«Имею пламенное желание служить на благо корейского народа».

Во время депортации 1937 года корейцы-переселенцы, побросав все имущество, по распоряжению работников НКВД брали с собой только одежду и продукты питания в расчете на один месяц. И вместе с этими самыми жизненно необходимыми вещами они везли еще и книги. Но суть трагедии заключалась в том, что по приезду в Казахстан вся эта литература была безжалостно и беспощадно уничтожена под корень. Согласно постановлению партийных органов «Об изъятии литературы на корейском языке из книготорговой сети и библиотек» от 27 декабря 1937 года, по моим грубым подсчетам, на основе документальных данных, было списано и уничтожено только одних учебников на корейском языке 120 052 экземпляра.

В те тревожные годы, когда советская власть буквально вытравливала историческую память корейцев испытанным, изверским способом уничтожения книг — бумажных носителей истории и языка, многие корейцы, узнав об этих репрессивных мерах, наученные горьким опытом депортации, спасая себя, своих родных и близких от явных преследований, сами своими руками уничтожали исторические книги из своих библиотек. Ибо даже их простое хранение в лучшем случае грозило тюремным заключением. Устная история корейцев Казахстана свидетельствует, что во многих семьях были уничтожены книги, привезенные с Дальнего Востока. Это были в основном исторические книги о национально-освободительной борьбе корейского народа. Как сообщали свидетели, были и очень толстые, большие, старинные книги из корейской рисовой бумаги тонкой и прозрачной, похожей на марлю. Книги открывались с лева на право, письмо было иероглифическое на одной стороне листа, столбиком сверху вниз. К сожалению, многие из них безвозвратно утрачены.

Большое количество корейских книг было уничтожено в библиотеке Кызыл-Ординского педагогического института, в который был преобразован после переселения Владивостокский корейский пединститут. Среди них были так же ценные исторические книги дореволюционных изданий. Только в результате невероятных усилий патриотов часть этих книг была спасена и ныне они хранятся в редком фонде Национальной библиотеки Республики Казахстан, и составляют бесценную, уникальную, абсолютно неповторимую коллекцию, вызывающую огромный

интерес у исследователей, в том числе и на исторической родине в Корее.

И, наконец, приведу «Письменный доклад товарищу Сталину от парторга Ким Бен Мук». Начинается он так: «Я член партии с 1920 года, партийный билет №0461853, работал секретарем партколлектива и парткома продолжительностью 7 лет и за последнее время был членом райкома партии Надеждинского района Дальне-Восточного края Приморской области, проживал в колхозе «Девятый вал».

Затем парторг продолжал: «Во время перетрубаций корейского населения в Казахстан 2 сентября 1937 года по распоряжению НКВД начал сдавать колхозное имущество, а за что поднят вопрос переселения наши колхозники не знали и я слабо понял, потому что никакой разъяснительной работы среди масс не было со стороны районной организации. К выезду партийные дела я сдал в райком. Мы переехали в Казахстан, ст. Уш-Тобе Каратальского района Алма-Атинской области. 9 октября 1937 года со дня прибытия я своевременно сдал информацию районному комитету партии о состоянии нашей организации и колхоза. Был конкретно поставлен вопрос о переводе учетных карточек, но до сих пор не слышно ответа, поэтому пока работы нет.

А что касается положения наших колхозников, оно нижеследующее: во-первых, наши колхозники к выезду в Казахстан не имели большого богатства в деньгах. Со дня прибытия около пяти месяцев находимся без работы, а со стороны переселенческого пункта и районной руководящей организации помощи колхозники в материальном и бытовом отношении не получили. Таким образом, продукты питания мы покупали по рыночной цене за исключением муки. Только за последнее время есть постановление о снабжении мукой рабочих и служащих по 4,5 кг на каждого едока, конечно, на это снабжение существовать очень тяжело, таким образом, настроение у колхозников весьма нехорошее. Есть такие колхозники, что последние вещи распродали на продукты и сидят без копыя. Если в течение нескольких дней не будут никаких мероприятий о помощи колхозникам и служащим, то опасно иметь название колхоза «Девятый вал»!..

Эта часть письма вообще поражает и сильно впечатляет своей прямоотой, смелостью и решительностью. Не следует забывать, что это был самый разгар массовых политических репрессий тоталитарного режима. И письмо было адресовано ни кому иному, а самому И. В. Сталину. Здесь следует добавить, что «Девятый

вал» — это символ грозной опасности и наивысшего подъема непреодолимой, всесокрушающей силы. В основе этого образа лежит старинное народное поверье о том, что девятый вал во время морской бури — самая сильная, опасная, сметающая все на своем пути волна. Письменный доклад парторга корейского колхоза т. Сталину заканчивается следующими словами: «Когда мы приехали сюда, заранее подняли вопрос о выделении нам отдельного земельного участка. Этот вопрос районные организации обещали решить по нашей потребности, но обещание затянулось около пяти месяцев, и до сих пор нет хорошего результата.

Учитывая важность, подготовку посевной кампании надо начинать не позднее 1 января, но уже скоро февраль месяц. Для нас до сих пор не выделен сельскохозяйственный инвентарь и не выдали земельный участок. Таким образом, из-за тормоза в решении вышеуказанных вопросов существовать колхозникам в новом году чрезвычайно тяжело. Прошу Вас срочно принять меры и жду хорошего результата.

Подпись: 22 января 1938 года. Казахстан, с. Уш-Тобе, Каратальского района, Алма-Атинской области, от Ким Бен Мук».

Так корейцы колхоза «Девятый вал» излагали т. Сталину свои проблемы и как бы, между прочим, намекали ему о грозном названии своего колхоза...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТИ

(эссе)

Честность и справедливость — категории моральные, но они материализуются, если речь идет о настоящей личности, каким являлся Борис Яковлевич Югай. Человек с обычной биографией советского корейца сумел оставить в сердцах людей неизгладимый след. С кем бы я ни беседовал, все отмечали его мягкий и ровный характер, доброту и порядочность, честность и отзывчивость, скромность и умение ладить с людьми. Борис Яковлевич всю жизнь проработал первым руководителем, причем возглавляемые им хозяйства или организации всегда добивались хороших результатов, но никто не помнит, чтобы он повысил голос на подчиненных или отчитал нерадивого при всех. Однако все помнят его мудрые советы, которые, впрочем, он никому не навязывал. Даже своим детям, которыми он гордился бы теперь вдвойне...

К сожалению, семь лет назад Борис Яковлевич внезапно скончался, так и не увидев, как его дети создали крупный семейный бизнес в масштабах всего Казахстана. Как один из его сыновей — Юрий — пошел по стопам отца, возглавив теперь общественное дело — Шымкентский филиал Ассоциации корейцев Казахстана. Но сразу хочу оговориться, что о Борисе Яковлевиче Югае мы рассказываем не потому, что его сын является ныне крупным бизнесменом в Казахстане и одним из руководителей общественного корейского движения. Все дело в том, что на таких людях, как Борис Яковлевич, держался и будет держаться мир.

...Когда корейцев депортировали из Дальнего Востока в 1937 году в Казахстан, в грязных скотских вагонах, а потом в суровых условиях безлюдных степей, в первую очередь умирали старики и дети, особенно младенцы. Борис Яковлевич родился в Хабаровске 30 марта того рокового года, значит, на начало депортации ему едва исполнилось 6 месяцев. Вряд ли младенец запомнил все лишения тех лет, да и мать, рано ушедшая из жизни, вряд

ли успела рассказать все подробности «утомительной поездки» в неизвестный край. Куда они попали с матерью в Казахстане доподлинно неизвестно. Возможно, в Уштобе, где выгрузили первую партию корейцев, возможно, в Акмолинск (ныне Астана — столица Республики Казахстан), конечно, не в сам город, а в безлюдные степи, а может быть, в одну из точек Кызыл-Ординской области. Куда бы ни попали они, везде надо было выживать. Строить временки, чтобы хотя бы перезимовать, создавать элементарные условия жизни. Наконец, подумать, как дальше прокормиться. Ведь местное население — казахи — сами жили в нищете — за несколько лет до этого в Казахстане был страшный голод.

Рос Борис без отца и воспитывался в детдоме, испытал с лихвой голод и нужду. Да еще грянула Великая Отечественная война, и каждый трудоспособный человек просто обязан был работать на Победу. Можно себе представить, о чем мечтал юный Боря в те голодные и трудные годы: наверное, досыта наесться. Это было мечтой целого поколения советских корейцев, которым благодаря своему упорству и трудолюбию удалось выжить на казахстанской земле.

Неизвестный край со временем стал для депортированных корейцев настоящей Родиной.

Из воспоминаний супруги. Евгения Константиновна Ким:

— Отец Бори, рассказывают, был очень грамотным человеком — владел пятью языками, впоследствии был директором школы. Даже в Японии несколько лет проработал, потому что отлично знал японский язык. К сожалению, рано умер. Боря, можно сказать, вырос сиротой.

Мы вместе учились в школе. Это было под Пскентом в Ташкентской области. Потом мы переехали в колхоз «Политотдел» Ташкентской области. В то время это хозяйство славилось на весь Союз. Мне было тогда 16 лет. Конечно, после Пскента «Политотдел» казался городом — добротные дома, асфальтированные улицы, везде чисто.

Это случилось в колхозном магазине, куда мы с матерью пришли за покупками. Мама мне показывает в сторону одной женщины: «Женя, это не мать Бори, помнишь, с которым ты в Пскенте училась в одном классе?» Да, это была моя будущая свекровь. Мы подошли к ней, поздоровались, узнали друг друга. Потом однажды, смотрю, Боря ко мне приехал. Он тогда жил у

тети в Чимкенте. Вообще Борис Яковлевич жил в Чимкенте с 1947 года, считайте, значит, 53 года. Вот так мы встретились уже после школы. Потом Борис служил в армии, в Бресте. В армии он вступил в партию. Как-то к ним в часть приехал генерал, а Борис отличился накануне на стрельбище, так вот этот большой чин поощрил его отпуском домой... Мы поженились в январе 1959 года. Свекровь была плохая здоровьем, и мы срочно сыграли свадьбу. Накрыли два стола, пришли родственники. У него ничего не было, и у меня тоже. Трудно, в общем-то, жили, в то время все жили бедно...

Испытавший нужду и голод вряд ли захочет, чтобы его дети познали лишения. В 1950-е годы Советский Союз только-только оправился от разрушительной войны. Стране в первую очередь нужен был хлеб, чтобы прокормить себя. И вот началась целинная эпопея — освоить залежные земли бескрайних казахстанских степей приехали комсомолы-добровольцы со всех концов многонациональной страны. Наверняка Боря, учась в обычной школе, мечтал махнуть с друзьями на освоение целины. Но годами он еще не вышел. Приходилось слушать о трудовых подвигах комсомольцев по радио да прилежно учиться.

С конца 1940-х, а в особенности после отмены обязательной регистрации в спецкомендатурах в 1953 году, корейцы, жившие в Кызыл-Ординской области и других областях Казахстана, прослышав про лучшую жизнь в Узбекистане, ринулись туда. Видимо, таким образом, и семья Бориса Яковлевича оказалась в одном из сел под Пскентом (в сотнях километрах от Ташкента). Здесь Борис окончил семилетку, потом решил уехать к тете Люсе — маминой сестре в Чимкент, где поступил в сельскохозяйственный техникум. Видимо, романтика тех лет — освоение целины — сыграла не последнюю роль в выборе профессии.

Из воспоминаний товарища. Виктор Васильевич Тен, бывший экономист, работал в партийных и советских органах:

— Бориса Яковлевича я знал с 1 декабря 1956 года. Он жил тогда у тети Люси — его маминой сестры — на Полторацкого.

Боря был воспитанником детдома. Всю жизнь искал своего младшего братишку — Юру. Однажды говорит мне: «Я слышал, что в городской архитектуре у Ашербаева работает начальником отдела какой-то Югай, тоже Юрой звать. Познакомь меня с ним, может, он — мой братишка...». Ашербаева Бахыта я хоро-

шо знал, позвонил. Подъехали в управление архитектуры к часу, смотрим, а тот человек уже ждет нас. Боря с ходу спрашивает: ты откуда? у тебя ссть родители? — Тот отвечает, что детдомовский. — У Бори аж слезы заблестели. — А ты помнишь, спрашивает, родителей? — А тот: а, собственно, в чем дело, кто вы такой? — Я братишку потерял, меня Борисом зовут, тоже детдомовский, а братишку Юрой зовут... Выяснилось, что Боря ошибся. А я думал, братишку нашел, с досадой говорил он.

Боря поступил в сельскохозяйственный техникум на Верхних Озерах. Уже закончил первый курс, а к тете Люсе приехали племянники и племянницы из Беговата и тоже поступать. А домик у них маленький. И Боря как-то говорит: слушай, мне уже неудобно жить у тети Люси, пойду-ка я, наверное, работать. И действительно, через некоторое время он приехал к Ли Ден Хаку, директору совхоза имени XXI партсъезда под Чимкентом: так, мол, и так, я будущий агроном, возьмите меня на работу. — Ну хорошо, сказал директор, ты в механизации что-нибудь смыслишь? — Да, — отвечал Боря. — Вакансии агронома у меня нет, но механиком возьму.

И Боря начал работать в совхозе механиком. Потом смотрю, девушку встретил, Женю, и женился. Им дали в Янгишахаре однокомнатную квартиру барачного типа.

Вдруг Боря решил переехать. Куда, спрашиваю. Да, говорит, директора совхоза переводят в Ильичевку, с собой зовет, и Жене работу обещает. Переехали. И он перевелся на заочное отделение Пахтааральского сельхозтехникума. Звонит оттуда: — Приехал бы в гости, я теперь не так бедствую, совхоз у нас богатый, уже в феврале свои огурцы и помидоры кушаем из теплицы. — Ладно, говорю, как-нибудь. — Слушай, говорит Боря, у меня проблема. Я на заочное отделение перевелся. В техникуме работает Николай Михайлович Тен... — Да это же мой двоюродный брат, говорю. — Так я и знал, обрадовался Боря, помоги! Я контрольные не сдал — за работой некогда было, меня не допускают к сессии. Позвони брату, пусть допустит к экзаменам. — Звоню брату, объясняю: сирота он, бедный человек, но очень хороший, сейчас работает в совхозе, недавно женился и учится заочно. Брат говорит, пусть приезжает с зачеткой твоей хороший человек и сдает экзамены. И Борис успешно сдал сессию. И по всем предметам «четверки»!

Так мы жили, работали и дружили. А сам я закончил филиал Харьковского планово-экономического техникума, КазГУ и

всю жизнь проработал в строительных трестах, в аппарате крайкома, экономистом, плановиком...

В 50-е годы люди выросли рано, зарабатывая себе на жизнь с юношеских лет. Надеяться Борису было не на кого — только на себя. Тете Люсе и без него было несладко. И вот он с упорством неистового ученика изучает азы механизаторского искусства — как ремонтировать тракторы, комбайны, сеялки. Рано познает, что такое ответственность, ведь от него зависит исправность всей техники хозяйства, а значит, и урожай.

Видимо, именно в эти годы старшие товарищи распознают в нем талант руководителя и организатора. Потому что молодого человека назначают начальником Нормативно-исследовательской станции при областном сельхозуправлении, а потом в 1967 году приглашают в обком партии инструктором отдела сельского хозяйства.

Из воспоминаний супруги. Евгения Константиновна Ким:

— На Нормативной станции Борис проработал долгое время директором. Был самым молодым руководителем в области. Как-то приезжали двое специалистов из Москвы, жили у нас. А дети — Юра со Славой — как раз играли в шахматы. Гости спрашивают: а почему не отдадите детей в шахматную школу, они такие сообразительные. Ну и, слово за слово, говорят Боре: а тебе надо кандидатскую защищать — у тебя, мол, голова светлая. Они не знали, что у Бориса Яковлевича в то время не было и высшего образования. Узнав, всплеснули руками: да ты что?! Тебе обязательно надо закончить вуз — без высшего образования никуда, мол, хоть ты и умный, без корки сейчас нельзя. В том же году Борис поступил в Алма-Ате в нархоз. Учиться на дневном отделении возможности не было. Тогда я как раз родила дочку, Наташу. Жили мы трудно. Я обратилась к брату, он мне и посоветовал взять в колхозе «Политотдел» наделы под лук. По-корейски кобонди называется. Я последовала его совету, ох как тяжело было, но мы получили хороший урожай. Помню, 3 тысячи рублей заработали. Это были большие деньги по тем временам — они-то и помогли Борису закончить институт. Частые поездки в Алма-Ату требовали немало средств. Годы спустя специалисты из Москвы приехали еще раз, даже подсказали Борису тему диссертации. Целый год Борис работал над ней, в Москве даже утвердили дату защиты, но все опять упиралось в

деньги — не было их даже для того, чтобы выпустить брошюру, которую надо было отпечатать в типографии. В общем, он так и не защитился. Потом свою тему и все материалы по ней кому-то подарил!..

...Это со стороны кажется, что работа в обкоме партии была непыльной. А я помню, как обкомовские работники до полуночи задерживались на работе. Бывало, Боря звонит домой: сейчас мы придем чай пить, а их все нет и нет... В отделе сельского хозяйства обкома партии работали тогда около 20 человек. И мы общались семьями, помогали друг другу. Очень дружный был коллектив.

В 1960—1970-е годы в Чимкенте было немало корейцев — руководителей хозяйств. На всю страну тогда трубили об успехах корейского колхоза «Политотдел» Ташкентской области под руководством Хван Ман Гыма. В 1972 году Бориса Яковлевича направляют директором в отсталое хозяйство — совхоз «Плодovогодный», что под Чимкентом. Здесь разворачивается его талант умелого хозяйственника: из отсталых совхоз выбивается в передовые.

Через четыре года его переводят директором опять в отсталое хозяйство — совхоз «Октябрьский» Бугунского района. Старожилы до сих пор помнят, каким руководителем был Борис Яковлевич. С утра и до ночи он на полях, садах, на ферме, — в общем, с рядовыми тружениками. Во все вникал. И лично следил, чтобы оплата труда была справедливой.

Из воспоминаний супруги. Евгения Константиновна Ким:

— Борис Яковлевич действительно был очень человечным. Одна его сотрудница мне рассказывала: он никогда не ругает подчиненных за ошибки по работе, расспросит и посмеется, и они понимали, что где-то промахнулись. А я после ему говорю (мы женщины все такие): ты со своими сотрудницами такой добрый, а у меня назавтра нет даже денег на хлеб. А Борис Яковлевич в ответ: ну что теперь делать, займи у кого-нибудь, ты хочешь, чтобы я воровал и в тюрьму сел?

Помню, когда жили в совхозе, он с доярками вместе идет на ферму в шесть утра. В чем дело? Жирность молока при дойке на ферме, к примеру, 3,5% по отчетам, а на приемке в городе фигурирует уже 2,7 — 2,8%. В чем же дело? Он ночами не спал, все думал об этом. То ли доярки доливают воду, то ли шофера

мухлюют. Всю эту цепочку Борис Яковлевич проверил, проконтролировал и выявил виновных. Он не позволял огульно подозревать людей, лучше сам все посмотрит и сделает выводы.

...Везучим он был что ли? Когда его назначили директором отсталого хозяйства «Плодоваягодный», в первый же год был получен рекордный урожай винограда. Первой по его инициативе в совхозе праздновали широко — с демонстрацией, из города привезли мороженое, напитки для детей. Потом люди долго вспоминали этот праздник и говорили, что никогда раньше в совхозе массовых гуляний не было. Это теперь я точно знаю, что дело было не столько в везении, у него был особый талант общаться с людьми... Потом его перевели директором опять в отсталое хозяйство — совхоз «Октябрьский» Бугунского района, и вновь совхоз поднялся. После совхоза «Октябрьский» его назначили первым заместителем по экономическим вопросам председателя Агропромышленного комитета Чимкентского облисполкома. На этой должности Борис Яковлевич проработал года три.

...Он действительно все свои силы и здоровье отдавал работе. Кто знал, как нелегко быть первым руководителем, ценили его высоко — казахи, русские, узбеки, немцы. Особенно за справедливость. В совхозе он заставлял экономистов подводить итоги соцсоревнования еженедельно, следил за тем, чтобы премиальные выдавались по вкладу. То есть все должно быть честно.

К старикам Борис Яковлевич относился особенно уважительно и наказывал конторским работникам, чтобы в первую очередь выписывали, скажем, сено для скота — старикам, пусть полегчает им — они молодыми работали больше нас и подняли совхоз.

Борис Яковлевич хорошо говорил по-казахски. Бывало, казахи между собой поссорятся, обычно из разных родов, и приходят к нему жаловаться. Мне Борис говорил: сегодня, мол, к тому-то в гости ходим. Я спрашиваю, зачем, а он — пойдем-пойдем. Поссорившихся посадит рядом и так поговорит, объяснит, что те тут же помирились. И когда Борис Яковлевич уходил из совхоза «Октябрьский» в область, аксакалы собирались, зарезали барана, пригласили и говорят: как же теперь мы без тебя? Даже специально в Чимкент аксакалы приезжали в областное сельхозуправление, чтобы попросить оставить «директор-бола». В обкоме партии тогда ответили аксакалам: директор-бола не только вам нужен! Мне обо всем этом поведал его друг — коллега

по обкому партии Ошакпай Оспанович Кульбаев. Он говорил: Э-э, Женья, ты ничего не знаешь: меня — казаха — не хвалят, а его — корейца — всегда.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Советском Союзе начали организовываться агропромышленные комплексы — цепочка от сбора урожая до его обработки выстраивалась в одну систему. Как опытного руководителя Бориса Яковлевича назначили первым заместителем по экономическим вопросам председателя Агропромышленного комплекса Чимкентской области. Должность по тем временам действительно ответственная и тяжелая: курировать все хозяйства самой густонаселенной области Казахстана по плечу не каждому. Однако Борис Яковлевич с присущей ему скрупулезностью изучил все дела. От опытного глаза не укрылись узкие места, которыми надо было заняться немедленно. Было много просителей со всех уголков Чимкентской области — каждый со своей проблемой, каждого надо выслушать, принять решение...

В конце 1980-х годов, когда в Советском Союзе вовсю шла перестройка, Бориса Яковлевича назначили управляющим Чимкентским областным филиалом «Казагропромбанка», самого крупного банка в стране на тот момент. Время было нелегкое. Все мы свидетели недавнего прошлого, когда в одночасье рухнула огромная страна, экономический кризис опустошил полки магазинов. Развал Советского Союза Борис Яковлевич переживал болезненно. Ему казалось, что все устои жизни в один миг рухнули. По рассказам супруги Евгении Константиновны, именно в те годы Борис Яковлевич окончательно подорвал себе здоровье.

Однако он все так же добросовестно трудился, хотя поползновения у иных дельцов были недвусмысленные: взять побольше кредитов в банке — и не возвращать. Борис Яковлевич был честен до конца — он никогда не переступал закон.

Из воспоминаний товарища. Ли Фан Чен (Алексей Николаевич), бывший следователь, подполковник:

— Познакомились мы еще в молодые годы. Я всю жизнь работал следователем и очень хорошо знаю психологию людей. Так вот, в Борисе Яковлевиче не было ни капли подлости, он всегда, в любую минуту был честным человеком.

Из воспоминаний товарища. Виктор Васильевич Тен:

— Коллеги Бориса Яковлевича по «Казагропромбанку» мне говорили, когда провожали его на пенсию, что больше никогда такого честного управляющего у них уже не будет!..

Когда в конце 1980-х годов появлялись первые росточки корейского культурного движения в Чимкенте, Борис Яковлевич в числе первых активно участвовал в становлении и развитии центра. Елена Александровна Ким, работавшая тогда ответственным секретарем областного культцентра, вспоминает, что он был в числе первых спонсоров корейского культурного возрождения.

Из воспоминаний товарища. Виктор Васильевич Тен:

— Борис Яковлевич активно участвовал в становлении корейского культурного движения в Чимкенте. При всей своей занятости он никогда не пропускал корейские мероприятия — будь то концерт, юбилей или похороны. Он не просто участвовал, но и спонсировал многие мероприятия, как сейчас его сын Юра.

Все возвращается на круги своя. Славную жизнь прожил Борис Яковлевич, воспитав достойных продолжателей своего дела. И теперь двое его сыновей и дочь, объединив свои усилия, успешно занимаются своим семейным бизнесом. Корпорация SANA, которой они управляют, включает в себя мукомольные, масложитные комбинаты в Шымкенте, Жетысае, Туркестане, Тюлькубасе, Уштобе, Аксу-Жабаглинскую птицефабрику, завод полипропиленовых изделий, заводы по переработке риса, — в общей сложности 10 предприятий. Ежемесячный оборот корпорации составляет около 5 млн. долларов США.

Из воспоминаний супруги. Евгения Константиновна Ким:

— Если дети в чем-то провинятся, Борис Яковлевич уединится с ними, поговорит, не знаю даже, о чем они говорили, а потом выходят уже все вместе в хорошем настроении, смеются. Борис никогда не то чтобы бить, но даже ругать детей не позволял себе, а поговорить с ними по душам умел. Авторитет у детей Боря имел непререкаемый.

Рассказывают дети.

Вячеслав Борисович Югай, первый сын:

— Отец у нас — уникальный человек: начал свою деятельность трактористом, дошел до работника обкома партии, а в советское время, помните, что скажет партия, то и было.

...Бизнес, которым мы сейчас занимаемся, является косвенным продолжением дела отца. Хотя все мы обучились разным профессиям — я закончил технологический институт, Юра — авиационный, Наташа — институт культуры. Сам подход к образованию у отца был демократичным: каждый выбирал профессию по душе. Но, в конце концов, мы пришли к семейному бизнесу.

Юрий Борисович Югай, второй сын:

— Мы его все очень сильно любили. За советом я всегда приходил только к нему. И когда был молодым специалистом после окончания института, и когда женился, и когда создавал свой бизнес. Все главные жизненные уроки я получил от отца.

В нашей женитьбе тоже большую роль сыграл папа. Как только мы заканчивали институты, он говаривал как бы между прочим, вот там-то есть такая-то девчонка... Моя жена с теплотой вспоминает, как приехала впервые знакомиться с родителями. Папа поехал в магазин, купил Наташе подарков. Настолько это было трогательно!

...Работал я инженером в аэропорту. Зарплата по тем временам была неплохая, но все равно денег не хватало. Уже дети родились. Отец, чувствуя, что мне неудобно просить, всегда сам приходил к нам, интересовался, как мы живем, и, как бы невзначай, оставлял денег. И жена моя говорила: надо же, отец будто чувствует, что нам тяжело, и всегда что-то приносит с собой, вплоть до продуктов питания... Незримая связь между родителями и детьми у нас существовала всегда. Папа приходил в нужный момент и подбадривал нас.

Когда отец умер... Тяжело было, не с кем посоветоваться... Папа был мудрым человеком. С высоты своего возраста и опыта он всегда давал очень взвешенные советы. Когда создавалась корпорация SANA, конечно же, всех близких родственников я подтянул к себе. Помню, папа, уже лежа в больнице, сильно переживал за всех нас. И сегодня, когда удалось объединить всех близких людей, отец наверняка смотрит на нас оттуда с радостью. Его мы чувствуем всегда...

В том, что отец в свое время стоял у истоков корейского культурного движения в Чимкенте в конце 1980-х — начале 1990 годов, и что теперь меня на областной конференции избрали председателем филиала Ассоциации корейцев Казахстана, я вижу определенную взаимосвязь. Раньше на это не обращал особого внимания, но на конференцию пришли люди в возрасте, знавшие близко папу и выдвинувшие мою кандидатуру, при этом, тепло вспоминая отца, отмечали, что сын Бориса Яковлевича достоин возглавить общественное движение в области. Конечно, и возраст у меня подошел: стал задумываться о многих ценностях, о том, что я — кореец. Мне об этом говорил и президент Ассоциации корейцев Казахстана Юрий Андреевич Цхай, что я оторван от корейцев. Знаковые фигуры нашей диаспоры создали в Казахстане положительный имидж. И этот имидж — деловой, человеческий, культурный — действительно достоин уважения. Среди корейцев много крупных бизнесменов, общественных и государственных деятелей, работников культуры, чьи имена мы производим с гордостью. Юрий Андреевич абсолютно прав, говоря о том, что этот имидж нужно поддерживать делом — возрождать и развивать свою культуру, традиции и обычаи. По большому счету мы не знаем своего языка, богатых традиций и можем превратиться в пыль истории. Реально мы не южные и не северные корейцы, мы — не русские и не казахи. Мы — корейцы, советские корейцы, и находим общий язык и с исторической Родиной, и с корейцами из Узбекистана, России, других стран, мы не теряем корней...

Из воспоминаний супруги. Евгения Константиновна Ким:

— ...Рождения внука он ждал особенно. В честь деда Юра и назвал своего сына — Борисом. Помню, пришли в роддом забирать внука, а Боря схватил ребенка и никому не отдает. Я говорю: ну дай хоть Юре своего сына поддержать.

За какие-то десять дней я его потеряла. Прямо на глазах растаял. У него был сахарный диабет. Но все равно для меня его смерть была такой неожиданностью... Мои дети днем и ночью дежурили в больнице, хирург — брат старшей снохи — тоже сутками дежурил.

...Уже семь лет прошло, а боль не проходит.

Галымжан Жумжаевич Жумжаев, заместитель акима Южно-Казахстанской области:

— Когда я работал акимом Казыгуртского района, мне часто приходилось сталкиваться с Борисом Яковлевичем, который в то время был управляющим Чимкентским областным филиалом «Казатропромбанка». Через этот банк шло финансирование всех сельских районов, поселков, аулов. И бывало, нам казалось, что денег выделяют недостаточно. По своей вспыльчивости я звонил Борису Яковлевичу и высказывал наши претензии. Он спокойно выслушивал, а потом успокаивал: Галым, не горячись, в следующий раз мы все поправим, все будет нормально. И действительно, в следующий раз положение поправлялось. Он был человеком большой души, искренний, честный. Я никогда не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос или кому-то высказывал обиды. Вот таким он запомнился нам.

Сегодня то, что его дело продолжают уже дети — Вячеслав, Юра — это дань уважения памяти отца. Ведь Борис Яковлевич всю жизнь проработал в сельском хозяйстве, а корпорация SANA, созданная его детьми, занимается переработкой сельскохозяйственной продукции. Я не раз бывал на предприятиях корпорации и думаю, что хозяйство это крепко встало на ноги и будет долго и плодотворно работать на казахстанском рынке.

Я желаю семье Бориса Яковлевича — супруге, детям всего самого хорошего, чтобы внуки росли крепкими и здоровыми, заняли свое достойное место в суверенной Республике Казахстан, как их дед. А память о Борисе Яковлевиче Югае на долгие годы сохранится в памяти людей!

Хам Дин

СТРАХ

Рассказ

1

Где это случилось? У берегов холодного Байкала? Или студеного Тихого океана? Или ему чудится это: тонкий волосок горизонта как нервно дрожащая струна. Но звука нет. Гробовая тишина. Там небо сливается вдаль то ли с покинутой землей предков, то ли с водой океана, чудятся раскидистые сосны, которые качаются, слушая голос ветра...

Но нет, это иллюзия. Вокруг, — немая земля, безжизненная и пустая; в ней что-то должно произойти. Он чувствовал это и всматривался, всматривался туда...

Что-то крошечное движется по желтой выжженной земле. Издали похоже на мышь. Будто вылезает из норки... Нет, пожалуй, это не мышь.словно спичечный коробок ползет, ползет, медленно обретая жуткую реальность, и он все еще не хочет верить видению...

Вот выполз один коробок. Затем другой. Они выкатываются бесконечно, словно их кто-то выталкивает из подземелья. Ровные серые коробки — такая пугающая безликость и однообразие. Это вагоны, обыкновенные товарные теплушки, над которыми не курится дымок. Нет дымка и от паровоза. Его вообще не видно, и становится вовсе не реальным... Двери вагонов распахнуты, но издали не разглядеть, что внутри. Все ближе и ближе состав, и теперь видно, что внутри люди, по торцам и бокам теплушек пристроены нары. Один вагон словно замирает перед ним, и каким-то внутренним зрением он видит детей, стариков, женщин. Много женщин. Они сидят, отвернувшись от него, лицом на восток, словно статуи в буддийском храме. Их глаза сухие, а рты плотно сжаты.

Никто не плачет, даже не шевелится. Тишина. Не слышно и стука вагонных колес...

И тут он увидел, что посередине вагона, на грязном обшарпанном полу сидит белобородый старик с высоким лбом мудреца, а на руках у него — мертвый ребенок. Старик прямо и напряженно смотрит на дитя сухими воспаленными глазами. Он вопрошает... О чем? Что он ищет?

В один из осенних дней 1937 года все советские корейцы, от новорожденных несмышленишек до почтенных старцев, стали не по своей воле пассажирами теплушек, увозивших их от родной земли. Сколько нужно было вагонов для корейцев? Сто, тысячу, десять тысяч?... Велика была держава, и щедро могла она наделить крепко сколоченными вагонами целые народы, чтобы «обезопасить границы...». Ехали с одной стороны обреченные сыны Кавказа и потомки сионских пророков, а навстречу им двигались дети «утренней свежести», так и не ведая — за что и почему их изыали от родных очагов, от могил пращуров. Дети рождались и умирали прямо в вагонах, не зная и не ведая своей короткой жизни. Умирали и старики, молча и беззвучно... Даже могил этих кротких пассажиров не осталось вдоль транссибирской дороги, никто не оставил следа своего... Вагоны все катились и катились в безмолвии, и ему стало тошно от этой нескончаемой ленты, комок в горле не давал дышать. Ему хотелось крикнуть, но не смог. Страх сжимал голосовые связки...

Залаяла где-то собака, и он проснулся. Преподаватель Ли лежал в том же положении, как и заснул на левом боку, подогнув колени к подбородку. Собака захлебывалась от частого и беспрерывного лая. У него заколотилось сердце, тело одеревенело и съезжилось. Икры прилипли к ляжкам, и правая рука тоже стала деревянной от холода: огонь в печи-буржуйке давно погас. Да и сама печка была неказистая, с тонкой стенкой, такую топить — дров не напасешься.

«Наверное, уже близко к утру. Сколько времени? Четыре? Пять?» — гадал преподаватель Ли, в ознобе дрожа всем телом.

Это было самое тревожное время суток. Все знали, что именно в эти часы, когда люди спали крепким сном, обходили дома здоровенные сытые мужчины в ладной военной форме, с оружием и властными голосами.

«Месяц назад они забрали преподавателя Кима», — спецсреленцы шепотом передавали весть друг другу.

Собака продолжала лаять, истошно и отчаянно. Так не лают на зверей, даже на гиен или шакалов. Так лают на людей в пред-

чувствии гибели все собаки, когда их везут на живодерню. Когда умолкла собака разом, — он понял, что это были они. У них были приклады — тяжелые, какие сразу могут раскроить череп.

Преподаватель Ли повернулся на спину и осторожно распрямил затекшую руку, стараясь не разбудить жену, которая спала рядом. Послышались гулкие шаги, быстро-быстро мимо окна прошли люди. Тени скользнули по стеклам, удаляясь от его дома. Все смолкло, Только теперь он почувствовал, что на его дрожащем от холода плече лежит горячая рука жены.

— Зябко. Надо разжечь огонь, — пробормотал он, намереваясь встать.

Но жена не убирала ладонь. Она не хотела, чтобы он покинул ее в эту минуту. Ей было страшнее, чем ему.

Преподаватель Ли вздохнул и обнял жену. Стало немного легче. Страх постепенно покидал его. Медленно наступал рассвет.

2

В тот ненастный день преподаватель Ли освободился рано. У него было всего две лекции. И сейчас он стоял спиной к печке и грелся. В преподавательской тепло и уютно, а на улице морозно. Ветер гонит сухую поземку, от которой нет пощады. Если бы не обед; он бы оставался тут до вечера. Дома ждала жена, но ему не хотелось отрываться от печки, приятно согревавшей спину. В преподавательскую вошла сморщенная, как печеное яблоко, пожилая кореянка — секретарша — и шепотом сказала Ли, что его приглашает ректор. У Ли екнуло сердце: еще ни разу ректор не вызывал его персонально.

«Неужели я допустил какую-то оплошность?» — подумал он, перебирая свои поступки последних месяцев. Но сколько ни размышлял, вспомнить толком ничего не смог: говорил он только то, что написано в учебниках, не рассуждал о политике ни с кем и никогда.

Ректор был новым человеком в Корейском педагогическом институте, назначен совсем недавно. Никто не знал — откуда он и что за человек. Ясно одно: если его назначили в это тревожное время, значит, он пользуется доверием руководящих инстанций. Корейский пединститут был переведен сюда, в Кзыл-Орду, из Владивостока вместе со всем коллективом и уже обжился понемногу, наладил свое малое тихое дело. И вот назначен новый ректор, не кореец, лет за сорок, у него маленькие, аккуратно

подстриженные усики и черные жесткие волосы на голове и в ноздрях.

Институт располагался в «Красной крепости» казарме с низкими овальными сводами из тяжелого плитного известняка, построенной еще царской армией.

Кабинет ректора находился в конце коридора на втором этаже. Двери дубовые, массивные. Преподаватель Ли раньше никогда не видел таких крепких дверей с коваными петлями и широкими, намертво склепанными накладками. Верно, раньше здесь находился какой-нибудь высокий армейский чин, подумал боязливо он, робко постучав костяшками пальцев в глухое дерево.

Никто не ответил. Он помялся и неуверенно повторил стук чуть сильнее. В кабинете еле слышно ответили и тогда он с усилием отворил дверь, заскрипевшую несмазанными петлями.

Кабинет был громадным, с овальными окнами и полукруглой голландской печкой в углу. Ректор сидел в дальнем конце зала и писал. Было слышно, как скрипит перо да ветер швыряет в стекло горсти сухого песка. От штор было сумрачно, и в полутьме выделялась теплым ласковым светом только настольная лампа со стеклянным узорчатым абажуром и металлическим ободком, на котором отчетливо прочитывался поставленный краской инвентарный номер.

Преподаватель Ли мялся у порога, разглядывая кабинет, пока ректор молча не указал ему подбородком на стул — единственный возле стола. Он сел, подобрав под стул ноги. Его не покидала мысль о какой-то ошибке, допущенной им. Наконец ректор отложил бумагу и принялся толстыми пальцами с корявыми ногтями перебирать цветные карандаши в подставке. Найдя красный, грубо отточенный, с жирной надписью «Рот фронт», он размашисто подписал бумагу и положил ее в кожаную папку.

— Как поживаете? — обратился он к преподавателю Ли.

Приветствие это или вежливый вопрос — определить было трудно.

— Спасибо... Ничего, — Ли опустил голову.

— Ничего? Как ничего? — резко переспросил ректор. — У нас не может быть «ничего»...

Преподаватель Ли опешил. Если не может быть ничего, то наверняка что-то случилось.

— Вы хотите сказать, что я в чем-то виноват?

— Странно... — ректор пожал плечами. — Вы же прекрасно понимаете, что происходит. Каждый день что-то случается.

Люди исчезают... Разве это ничего, если увозят преподавателей или студентов? Увезят, сами знаете куда...

Ли успокоился: значит, — речь идет не о нем.

— Как вы думаете, что надо сделать, чтобы предотвратить эти несчастья?

Преподаватель Ли не знал, как ответить. В словах ректора он почувствовал подвох.

— Я вас уважаю и верю, — продолжал ректор. Мне необходим разговор откровенный и начистоту. Вот я познакомился с вашей биографией, — ректор постучал ногтем по папке. — У вас отличное социальное происхождение, истинно трудовая биография. Внук бедняка, сын бойца-дальневосточника...

Ли вздохнул. Неспроста ректор изучил его биографию. Явно неспроста.

— Буду откровенным. Ходят слухи, что наш институт собираются закрыть. Вы слышали что-нибудь об этом? Нет? Так вот — слухи лишены оснований. Вы догадываетесь, почему ректором назначен я, а не кто-нибудь из корейцев? Институт скоро перейдет в статус государственного. Чувствуете разницу? Будем учить по утвержденным программам. На русском языке. И никакой самодеятельности.

Снова Ли вздохнул. Ему стало грустно. Жаль было родного института, созданного еще там, на Дальнем Востоке. Жаль преподавателей, студентов, самого себя.

Ему захотелось плакать, но он справился с собой, промолчал.

— Лично вам это ничем не грозит, — продолжал ректор, постукивая ногтем по папке. — Вы кончили русский вуз, хорошо владеете русским языком и языком коренной национальности. Вам можно доверить лекции: в новом институте... Но я обязан освободить преподавателей, не освоивших русский. Ясно?

Преподаватель Ли не мог вымолвить ни слова.

— В связи с высказанным у меня просьба... Недовольные будут. Но я хочу, чтобы было меньше пострадавших. Нужно все предвидеть. И вот я хочу просить вас... — Ректор испытующе посмотрел на Ли.

— Я слушаю, — пробормотал тот.

— Чтобы предупредить беду, нужно пресечь слухи.

Нежелательно, чтобы люди сами себя подвергали опасности. Все эти пересуды-кривотолки необходимо остановить. Людей еще можно спасти, вы понимаете?

— Понял, — сказал Ли и осекся. В мгновение он со страхом понял, что совершил глупость — гадливую и жалкую глупость.

Но было поздно.

— Вот и отлично. Я не ошибся в вас. Ваша задача — честно и оперативно извещать меня о всех провокациях среди преподавателей, о всех подстрекателях. Истинно советский человек должен поступать как патриот... У пас много врагов, и никто не может быть в стороне. Вы меня до конца поняли?

Это была прямая угроза. Преподавателю Ли показалось, что он услышал снова стук кованых сапог, как это было ночью. Он вздрогнул. Было невыносимо то, что произошло, и хотелось скорей уйти отсюда.

— Приятно было познакомиться. Не забывайте, я на вас рассчитываю. Для вас я всегда на месте. Естественно, разговор должен оставаться между нами... Прощайте. — И ректор протянул ему свою корявую руку. Заусенцы больно кольнули ладонь преподавателя Ли, отчего он окончательно пал духом...

В коридор он вышел как в тумане. Хотелось туда, на воздух, из духоты институтских стен, давивших его почти до физической боли, до изнеможения. Незаметно проскользнул он в преподавательскую, судорожно надел мягкое старое пальто, нахлобучил меховую шапку из собачьей шерсти и выбежал на улицу.

К счастью, кругом было пусто, и никто не встретился ему.

3

Преподаватель Ли брел наугад, не разбирая дороги. Слова ректора звучали в ушах. Страх от сделанного ему предложения смешивался с омерзением собственного ничтожества, будто он уже донес на кого-то. Донес, чтобы самому оставаться не тронутым, ходить на обед к жене, спать возле ее теплого тела...

Мимо пронесся, фырча и чихая, грузовик с расхлябанными бортами и полуоткрытым капотом. Пыль от него походила на дымовую завесу. А навстречу, как в колдовской связке, закрутился песчаный смерч одинокий неприкаянный столб, вращающийся вместе с обрывками бумаги и кусками истлевшего кизяка. Смерч был такой же постоянной достопримечательностью города, как и этот единственный грузовик, несущийся зигзагами вдоль улиц. Ли вспомнил, что смерч по-корейски называется «чертов ветер» и, по народному поверию, стоит засунуть в вихревой столб руку с ножом, как на ней окажется кровь. Настоящая кровь, невесть откуда взявшаяся из пыли вековой пустыни... Ли

был одинок на пустой дороге, и он боялся и смерча, и грузовика, и любого прохожего, если бы тот оказался тут. У него сейчас нет даже друга. А друг нужен, чтобы исповедаться. Раньше у Ли был такой друг — преподаватель Ким. Месяц назад его арестовали, что стало с ним — никто не ведает. А ведь Ким был бедняком, родом из крохотной деревни. Ее так и звали «Десять дворов».

Когда Ким решил поехать в Москву учиться, отец собрал в долг все деньги, которые только были в нищей деревне. Денег хватило на билет в один конец. Ким сел в поезд «Владивосток — Москва» босиком, в одной крестьянской рубашке и соломенной шляпе, в которой работал с отцом в поле. С собой была только холщовая сумка с парой соломенных сандалий и горстью жареных соевых бобов. Что он ел всю длинную дорогу — знает только он сам. Не поступить в институт он не мог: нельзя было подвести всю деревню «Десять дворов», которая так надеялась на него. Он должен был поступить, и он поступил. И не куда-нибудь, а в Московский университет...

И вот такого человека арестовали. Бедняка, ставшего учителем истории, знавшего наизусть все эпохи династий и правителей, все поучения и наставления мудрецов — начиная от Конфуция до Маркса и Ленина... Как можно понять все? — думал Ли, не замечая уже, как смерч вновь возник на его пути и начал подкрадываться к нему, то раскачиваясь на месте, то перемещаясь толчками.

«За кого меня принимает этот коротышка ректор? Разве он предложил бы такую пакость преподавателю Киму? Нет, никогда бы не предложил... Значит, я ничтожество, подлый и вонючий трус...»

Нельзя было идти домой. Стыдно и противно. Смерч подобрался совсем близко и снова замер, но преподаватель Ли шел так решительно навстречу, что столб пыли попятился и сполз на лед Сырдарьи. Ли тоже спустился. За рекой живут корейцы. Они, колхозники, зимуют сейчас в степи, в землянках, покрытых камышами. На льду множество тропинок, протоптанных ишаками, на которых казахи ездят в заречье. Вот и сейчас в бесsilно опадающем смерче шевелилось что-то живое. Это ехал долгобородый степняк в стеганом халате, понукая своего ишака.

«Может, там, за рекой, и мои родители, — тоскливо подумал Ли, глядя, как расходятся, словно спицы на веере, черные тропинки на пыльном, неровном от торосов льду. Родители приеха-

ли позже его, с колхозниками, другим эшелоном, и он ничего не знал о них, кроме короткой весточки, что передали его жене на рынке. Они были живы, это главное, но сейчас даже они ни в чем не могли помочь бы ему... Кстати, за реку корейцам переходить было строго запрещено, и преподаватель Ли знал об этом...

Из степи донесся протяжный вой волка. Лед под ногами затрещал, и преподаватель Ли оглянулся. Город ссыльных Кзыл-Орда был покрыт дымом от печей, топившихся саксаулом и кизяком; город пытался согреться. Бледное зимнее солнце, похожее на молочное пятно, низко висело над горизонтом.

Куда же пойти? кто донес на преподавателя Кима? как помочь отцу с матерью? что делается в этом мире? — вопросы, которые он задавал сам себе, висели над ним пострашнее хищного смерча, и он не знал ответа. Он успокоился, лишь когда достиг разрешенного ему берега и сел прямо на снег, дальше идти запрещено. Он вспомнил, как преподаватель Ким рассказал им, что значит русское слово «provokator»...

— Это было в Москве, во время каникул, — рассказал Ким. — Я нанялся на мясокомбинат заработать. Там забивали скот с помощью такого «provokatora».

— Что же это за человек? — спросил тогда Ли.

— Это не человек, это обыкновенный козел, но очень хитрый и смывленный. Хозяин выучил его водить овец за собой в узкий коридор, ведущий к месту забоя скота. Там пахло кровью — и овцы сами не шли туда.

Но хозяин сделал для козла маленькую дверцу и, когда козел до нее доходил, открывал ему ее, и он туда прятался. Дверца сразу закрывалась, а овцы, напирая друг на друга, вталкивались туда, где их по очереди забивали на мясо. Для нас, корейцев, не знавших вкуса баранины, это все было дико, особенно противной казалась роль старого хитрого козла, которого изредка кормили свежей капустой и хлебом за его предательство. Но и этому козлу пришел конец. То ли он в чем-то провинился, то ли сам хозяин отлучился куда-то и забыл про своего наймита, но только заветная дверца не открылась вовремя, когда очередной раз на бойню привезли жирную блеющую отару...

— И козел сам оказался в ловушке?

— Да, он остановился у дверцы и принялся истошно мекать. Вы знаете, как в страхе кричат горные козлы у нас на родине?

— Я слышал в детстве по ночам больных ослабших козлов. Но ведь здоровый козел может прыгнуть очень высоко...

— На бойне были наглухо закрытые коридоры, а дверца оказалась закрытой изнутри. Он бил в нее рогами, копытами, а овцы напирали сзади. Его несло стадом прямо в жерло смерти, а он кричал, пытаясь по их спинам выбраться назад. Он прыгал много раз, и его все относило и относило назад...

— И чем кончилось?.. Разве забойщики могли убить своего верного служащего, пусть даже и провокатора? — спросил Ли.

Преподаватель Ким тогда не ответил, и все стоявшие вокруг поняли, что Ким не зря рассказал о козле — провокаторе. Может, на самом деле козел и спасся, только Ким не хотел об этом говорить. Он хотел, чтобы у всех в памяти осталась эта жуткая картина: овцы рвутся к месту собственной гибели, а среди них, осатанев от ужаса, мечется сбиваемый потоком потных, вонючих животных мудрый и хитрый козел, знающий, куда ведет эта последняя дорога, крытая железом и де ревом, обильно политая бараньей кровью...

«Наверное, — подумал преподаватель Ли, — Кима арестовали за этот рассказ. Верно говорил ректор, пустые разговоры до добра не доведут...». И он решил возвратиться домой, к жене...

4

Ли не поверил своим глазам, но это действительно было ласточкино гнездо. Он очень обрадовался, словно встретил на далекой чужбине старого друга.

Лишь удивляло, что гнездо висело внутри помещения, на кухонной стене, плотно прижавшись к потолку.

Дома на родине строились с покатыми крышами: жестяной, черепичной или просто из высушенных дощечек или из соломы. И под — карнизом, под застрехой обязательно лепили свои гнезда из лессовой глины ласточки. Спроси у любого корейского ребенка, где живут ласточки, он, не задумываясь, ответит под карнизом. Оттуда весной доносится пронзительный писк птенцов. Туда ежеминутно ныряют стремительные легкие птички. Если бы кто сказал, что ласточки живут внутри дома, его бы сочли за сумасшедшего.

Но это гнездо находилось именно на кухне. Можно было подумать сначала, что это какая-то божница местных жителей. Все-таки дом был чужим; когда сюда переселили корейцев, они жили в бараках. Казахи начали сдавать им комнаты совсем недавно.

Но как ни присматривался Ли, это было точно ласточкино гнездо, слепленное из комочков глины пепельного цвета, с крошечным отверстием, из которого чудо? среди зимы? — доносились попискивание птенцов. Нет, это ему померещилось.

Много удивительного видел Ли, пока обживался в Казахстане. Привык он и к плоским крышам, к бесснежным зимам и пыльным бурям, от которых не было спасения даже в доме. Но чтобы ласточки вили гнезда внутри дома — это было впервые.

— Жена, выйдите, пожалуйста, сюда! — возбужденно крикнул он, приоткрыв дверь в комнату.

— Что случилось? — испугалась жена и торопливо вышла на кухню.

— Вы посмотрите, какое чудо! — он показал ей на гнездо у притолки.

— Это гнездо?

— Да, оно самое.

— А я-то подумала, что-нибудь случилось. Вы в первый раз, что ли, видите ласточкино гнездо?

— Да вы смотрите: оно же не на улице, оно у нас внутри. Внутри, рядом с нами!

— Действительно... Я почему-то не подумала об этом...

— Какие умные птицы! Если бы они прилепили его снаружи, на голой стене — они бы задохнулись от жары.

А тут летом прохладно. Это же надо сообразить... — Не могу понять: как они сюда залетают? Где дверь?... А если она будет заперта? — озабоченно спросила жена.

Ли осмотрел стены, ища лаз, в который могли проникнуть ласточки. — Вот куда!

Над самой дверью у входа было крошечное световое оконце размером с голову ребенка. Стекло отколото, и в дырочку могло протиснуться тельце маленькой птички. Так, верно, и было на самом деле: весной птицы прилетали к родному гнезду и с невероятными трудностями выводили свое потомство. Сколько мучений они должны преодолеть, чтобы тысячи-тысячи раз на день проникать в дом, где слабым птенцам ежеминутно грозила смертельная опасность... Но гнездо существовало, несмотря ни на что. И пусть!

В нем только почудились птенцы — какие птенцы в стужу? — но им обоим стало легче от своего открытия.

Как будто они оба нашли свой собственный путь к спасению.

- Говорят, если ласточки совьют гнездо, в этот дом входит счастье, — произнес Ли.
- Но мы вселились позже ласточек...
- Не имеет значения. А вдруг?... — тихо сказал Ли.
- Вот вы какой! Я и не знала, что вы такой суеверный...
- И оба улыбнулись. Их давно не баловала радость.
- Ласточкино гнездо вернуло им надежду.
- Может, ласточки прилетают сюда с Дальнего Востока?
- Вы прямо как ребенок. Они же улетают далеко на юг, в теплые края... У нас они не зимуют.
- Значит, они улетают еще дальше. — С лица мужа сошла улыбка.
- Будет весна, будут и ласточки, — тихо сказала жена, как будто утешая мужа.

5

Настало воскресенье. Однако преподаватель Ли проснулся рано, как обычно в дни занятий. В комнате было еще темно, только у пола, через шелку двери проникал свет из кухни. Это жена готовила завтрак на примусе.

Ему было приятно все: теплое одеяло, керосиновый запах, только вот отчего зуд по всему телу? «Верно, давно я не был в бане».

Надо было идти далеко, на край города, долго стоять в очереди и задыхаться потом в пару и духоте среди десятков моющихся оголенно-бесстыдных тел...

Но делать нечего, надо вставать. Зевая, он вылез из-под одеяла.

— Сегодня ведь выходной, — сказала удивленно жена, когда он в белье вышел на кухню, — отоспались бы лучше...

— Схожу в баню, — ответил Ли.

— В баню?

— А вы не хотите?

— Хорошо бы...

— Так собирайтесь.

— Но...

— Что но...

— А голову?

Вода в Кызыл-Орде жесткая. Для женщин это сущая мука. В этой воде не пенится мыло, превращается в какую-то жидкую

мазь. Волосы прилипают друг к другу и, сколько ни полоскай, не промываются. Женщины рвали волосы, пытались расчесать их. Даже плакали от отчаяния и боли. Если мылись дома, то долго колдовали над водой: разбавляли воду уксусом, золой, даже разводили в ней дорогие куриные яйца. Другие по крохам собирали и топили снег, а весной копили в ведрах редкую дождевую воду.

Но в этом году снега совсем не было. Пыль и зола от топок были на улице, взвихренные ветром. Как помыть жене ее пышные роскошные черные волосы, заплетенные в косу?..

— А вы не мойте голову...

— Но я уже приготовила кашу. Пойдемте после завтрака.

Преподаватель Ли подумал и решительно сказал:

— Кто же ходит в баню после еды? Есть будем потом. Собирайтесь.

Жена послушно отставила с примуса кашу, завернув кастрюльку в чистое полотенце. Открыла фанерный чемодан, где хранилось запасное белье, стиранное золой и щелоком, и сложила в кошелку — старую дерматиновую сумку. Для мужа она взяла смену нижнего белья и полотенце, а свое положила в таз. Они пошли вместе, и преподаватель Ли не стеснялся нести таз...

В бане было мало народа, и еще не пропиталось все неприятным запахом грязи и пота. Поэтому он парился от души. Ему почему-то пришло в голову, что это, может быть, последняя его баня. Снова стало страшно и тоскливо, когда он тер свое крепкое, совсем без морщин и складок тело. Он представлял, что если что случится, то уж кому-кому, а телу его несдобровать.

Потом он оделся и высушил волосы в предбаннике у печки-буржуйки.

Жены дожидаться в общем коридоре ему пришлось недолго. Она вышла, зная, что ее ждут. Голова замотана полотенцем, а сверху — пуховый платок.

— Мыли голову? — спросил Ли.

— Да. Меня научили хорошему способу.

— Да? Как же это?

— Дома расскажу. Идемте скорее — холодно...

Они пошли домой. Возле продовольственного магазина увидели большую очередь: продавались свежемороженые сырдарьинские сазаны — громадные рыбыны с полпуда каждая.

— Отличная, однако, рыба, — сказала жена.

— Купим? — спросил муж.

— А у вас деньги есть?

— Нет, только были на баню.
— Надо сходить домой, — сказала жена.
— Хорошо, вы занимайте очередь, а я мигом сбегаю. — Ли взял у жены таз и кошелку и торопливо направился домой.

Когда он проходил мимо своего института, то заметил, что входная дверь приоткрыта. «Может, кто из преподавателей там, не занять ли у него денег?» — решил он и вошел в здание. Звуки раздавались на втором этаже, в преподавательской.

Поднялся и заглянул в преподавательскую. В ней находился истопник — грязный и по обыкновению пьяный человек. Он топил зачем-то печь, хотя надобности в этом в выходной день вроде бы не было.

Просить у пьянчуги деньги было неудобно, и Ли уже совсем было собрался уйти, как что-то его остановило. Странно было, что в комнате сложены груды какие-то книги. Много книг. Он приблизился и увидел, что это... книги из институтской библиотеки. Те самые, которые везли тысячи километров с Дальнего Востока, бережно храня их, как святыню... Еще бы — здесь были десятки томов «Мунхэн биго»¹, «Тонгук ёди сыннам»², написанные много веков назад... Возле печи, прямо у сапог истопника, он заметил учебник, грамоты «Тысяча иероглифов» — тот, по которому он и его сверстники когда-то учились в деревенской школе грамоте...

Истопник прихватил из груды «Тэжден тхонъпхень»³ и нагнулся, чтобы удобнее просунуть неуклюжий том в зев ярко пылающей печи. Ужас объял преподавателя Ли, и он, не помня себя, грубо оттолкнул истопника.

— Что вы делаете! Этого нельзя делать!

Истопник чуть не потерял равновесие, чертыхнулся и, пьяно ухмыляясь, сжал ладони в кулаки. Он был крупнее Ли и, видимо, не собирался ему уступить...

— Этого же нельзя делать, поймите, это государственное сокровище, бесценные книги... Вот я сейчас вызову милицию! Не-

1 «Мунхэн биго» — корейская энциклопедия, изданная в 1770 г. в 100 томах 40 книгах. Она переиздавалась с дополнением. Последнее издание вышло в 250 томах, 50 книгах. Здесь говорится об этом издании.

2 «Тонгук ёди сыннам» — книга о географии Кореи, изданная в конце XV века. В ней содержатся не только карты и географические описания, но и сведения об обычаях, преданиях, песнях и т. д.

3 «Тэжден тхонъпхень» — свод законов династии Ли (1392—1910).

медленно пойду и вызову милицию!.. — дрожа от страха, прокричал Ли, прижимая к животу учебник грамоты.

— Слушай, ты, японский шпион... В тюрьму, что ли, сам захотел? Мало вас, гадов, проучили — еще неймется! Думаешь, мне делать нечего, что я тут маюсь в выходной. Ректор мне приказал, понял, самурайская гнида? Сам ректор, понял, дерьмо вонючее?..

У Ли потемнело в глазах. Может быть, и правду говорит истопник, этот грубый невежа. И приказ пришел откуда-то выше? Ведь корейцев переселили потому, что они не отличались внешне от японцев. И наверняка теперь велено сжечь все подозрительные книги, в которых непонятно что написано...

Но, возможно, ректор сам проявил инициативу. У ненадежной нации ненадежные книги. Лучше избавиться от них, как бы чего не вышло... И преподаватель Ли не имел права помешать истопнику, не мог запретить ему исполнить приказ. Да, он не мог запретить, но и не мог оставаться безучастным. Жечь классиков он не мог допустить. Зачем тогда жить на земле, если на твоих глазах сожгут память народа...

Лихорадочно озираясь, он судорожно схватил кочергу, стоявшую в углу.

— Не смей, не смей этого делать!

— Пошел вон отсюда, ублюдок! — истопник схватил том повесистее, собираясь ударить преподавателя Ли по голове.

— Папа! Папа! Дядя Вася под грузовик попал, — раздался мальчишеский голос, и в комнату вбежал сын истопника, такой же чумазый и неряшливый. Противники замерли.

— Чего тебе, шенок? — процедил истопник, опуская книгу.

— Дядя Вася из магазина шел, а его сбило...

— Налакался, небось, сукин кот. Ему и косушки много, старому хрену...

— Не, он был хорошим еще. Это грузовик, как пьяный, болтался и зацепил его. Мамка домой зовет, айда скорей...

— Тьфу, пашенок, всегда под руку лезешь, — сплюнул истопник и нерешительно посмотрел на «японского шпиона», все еще стоявшего с кочергой в одной руке и: учебником в другой.

— Вы идите, идите. Я побуду здесь, я все сделаю, — вдруг решил схитрить Ли и для убедительности сунул в ту же печь кочергу и пошуровал ею. — Идите, идите...

— А, провалитесь вы все...

Взяв пацана за ухо, он ушел, пнув попавшуюся ему на пути раскрытую книгу.

Едва они вышли, Ли начал собирать книги, задыхаясь от испуга и собственной смелости. План созрел в его голове мгновенно: нужно быстро перенести книги куда-то, где они будут вне подозрений, а тут изобразить грандиозный костер.

Сам Ли преподавал химию, и у него была отдельная лаборатория во дворе. Он решил, не мешкая перенести туда хотя бы часть книг до того момента, когда истопник вернется. Ключ от лаборатории, к счастью, оказался у него в кармане пальто, и он, поспешно нагрузившись стопками, начал осуществлять свой замысел. Сначала он перенес наиболее древние книги, потом современные. Груда книг таяла медленно, и он задыхался от страха, что истопник вот-вот вернется. Но тот все не шел, и Ли успел перенести все книги до единой. Затем он собрал старые газеты, накопившиеся под лестницей. Он толкал их в печку, огонь пожирал... Ли все думал — как же все-таки быть с украденными книгами: ведь если догадаются, что они в лаборатории, он будет отправлен куда дальше, чем преподаватель Ким, рассказавший невинную байку о козле-provокаторе...

Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, показалась удачной: книги надо анонимно отправить в какую-нибудь крупную библиотеку; специалистам. Анонимно, потому что, возможно, станут интересоваться — кто отправил эту сокровищницу. Впрочем, образованным людям нет дела до всяких агентов и шпионов...

Решив так, он остановился. Газет и картонных оберток сгорело много. Куча пепла наполнила целых три ведра, и истопник ни о чем бы не догадался. Ли спокойно поставил в угол ставшую ненужной кочергу и ушел из здания, ликующий от радости и одновременно терзаясь — как перевезти книги из лаборатории на вокзал.

Об истопнике он уже не думал. Не думал он и о том, как повезло ему. Впрочем, так и должно было случиться.

Если ласточки пролетают в крохотную дырочку в окне, то и для него, маленького сына деревенского бедняка, Должна была найтись такая щелка в жизни, в которой он бы почувствовал себя человеком...

Только сейчас он вспомнил, что шел домой за деньгами, что его жена стоит в очереди за крупной рыбой, ИТО она — после бани и могла давно замерзнуть на холодном зимнем ветру.

Но он шел, гордясь втайне собою — бесценные книги все-таки спас не кто-нибудь, а именно он.

6

Жена долго ждала мужа в магазине, но его все не было. К счастью, в магазин зашла соседка по улице, и жена Ли взяла у нее денег взаймы, чтобы купить сазана. Рыба была тяжелой, и женщина с трудом дотащила ее до дома, ведь у нее не было ни кошелки, ни таза, который унес муж. Но мужа самого не было дома, и деньги были на месте. Что-то случилось, со страхом подумала она. А вдруг его арестовали — такие случаи были, людей забирали прямо на улице. Но для этого нужна машина. Непременно машина, это она знала точно. А ведь кроме сумасшедшего грузовика, беснующегося на улицах Кзыл-Орды, днем ни, одна машина по городу не проезжала. Она села возле рыбины и принялась молча ждать, как ждут у очага корейские женщины.

Муж пришел, когда у нее уже иссякли силы ждать.

Она прижалась к его груди и мелко-мелко дрожала...

— Простите, ради бога, простите. Задержался по неотложному делу, поверьте, — обнимая голову жены распушенными, еще не высохшими волосами, извинялся Ли.

— Как вы меня напутали. Неужели нельзя было хоть на минуточку заглянуть и сказать...

— Не мог, поверьте, не мог. Дайте мне деньги, которые у нас есть...

Этого жена совсем не могла ожидать.

— Деньги? — переспросила она мужа, подняв на него влажные от слез глаза.

— Да, все деньги. Я потом объясню. Пожалуйста, поскорее.

— Но что мы будем потом есть? Это деньги на целый месяц... — ей было страшно, и она не хотела отдавать деньги. Но муж ждал, и она не смела перечить ему.

— Скоро получу зарплату, — сказал Ли. Он говорил наобум, ибо сам не был уверен, будет ли он вообще отныне получать зарплату. Если хоть малейшее подозрение выскажет истопник или ректор узнает о его поступке — зарплатой не кончится...

— Хорошее дело я делаю, жена, — сказал он и начал шарить на кухне в поисках молотка и гвоздей потом он вышел, купил в магазине два ящика из-под макарон и дотащил их до лаборатории.

«Давай быстрее, быстрее», — говорил он себе, упаковывая книги, затягивая ящики железными полосками и забивая их на углах гвоздями. Книги заняли два больших ящика, и осталось еще три тома «Истории Кореи».

Они были в желто-оранжевой обложке, зашнурованной тонкой красной тесьмой. Преподаватель Ли перевернул обложку. На титульном листе стояла большая красная печать: «Управление образования...». Несомненно, книга находилась в одной из библиотек Сеула до аннексии Кореи Японией; Ему стало страшно: книги от японцев были переправлены во Владивосток, в Россию. Может, тогда их тоже спасал, но не какой-нибудь перепуганный тихий учитель, а некий другой Ли, тайком вывозя их мимо вооруженных патрулей по морю, в рыбацкой джонке или под слоем овощей в бедняцкой повозке... А теперь он спасает их. От другой власти. От безграмотных, трусливых чиновников другого управления образования... Что-то будет с ними?

Но раздумывать больше не было времени. Он втиснул последние три тома и, плотно придавив ногой крышку, яростно колотил по ней молотком. Закончив с упаковкой, подумал и написал на крышке: Алма-Ата, Государственная библиотека.

Обратный адрес он решил не указывать и пошел на базар искать повозку. Базар уже разошелся, но по дороге попался ему русский с лошадей и телегой. Бородачу-русскому было за пятьдесят, и он был явно из местных казаков.

— Не подвезете ли груз? — спросил Ли хозяина, когда тот поворачивался с ним.

— А велик груз-то твой, братан? — со спокойной добродушной усмешкой спросил бородач.

— Два фанерных ящика...

— И откуда и куда везти?

— Из «Красной крепости»... Знаете такую?

— Как не знать, браток. Сидели мы в ей, ох и крепко сидели. Теперь, стало быть, вас туда определили.

Получше-то места не нашлось?

— А везти на станцию. Только на станцию, и все...

— А сколь дашь на овес?

— Хорошо заплачу, хорошо. Овес, нынче дорог, я знаю, — пытаясь попасть в тон возчику преподаватель Ли.

Вдвоем они погрузили массивные ящики в телегу. Лукавый казачина подмигнул корейцу: — Небось, запретку везешь, азиат...

— Нет, нет, это книги. Просто книги, — поспешил успокоить того преподаватель.

— Знамо дело — книги не гробы. Им умирать не положено, — ответил ему возчик и понукнул охолодавшую от вечерней стужи лошадь. — Но, родимая, давай, пока комиссары не зыркают...

Ли шел немного в отдалении от повозки, опасаясь, чтобы его не встретил кто-нибудь из знакомых. Бородач понял его и делал вид, что не имеет ровно никакого отношения к этому озябшему корейцу (так он решил про себя наметанным глазом, прикинув, во что встанет по грузка и перегрузка). Когда они выехали на привокзальную площадь, Ли нагнал повозку и торопливо сказал:

— К багажному отделению, пожалуйста.

— Ясно дело — не в кабинет к начальнику, — хмыкнул крепкий казак и добавил: — Готовь деньги бедолага!

Преподаватель Ли мог бы жить на эти деньги две недели, но он безропотно отдал их в руки бородача, когда груз спустили возле дверей багажного отделения.

— Как вы думаете, у меня примут груз без паспорта? — тихо спросил он возчика.

— Кто его знает. Им виднее. У тебя, что ли, и документа нет, браток? Выковыренный, стало быть?

— Да, эвакуированный, с Дальнего Востока, — грустно ответил Ли. Все в городе знали, что корейцы жили без паспортов и без права на выезд.

— Ладно, твоему горю пособию. У меня тут один корешок обретается, — возчик постучал кнутовищем по железному замку. — Михаил, открывай, гостя тебе привез... — Дверь рядом отворилась, и из дежурки вышел другой — бородач, с черной окладистой бородой и озорными веселыми глазами. Преподаватель Ли стоял между рослых казаков, каждый из которых свободно мог передать его в руки любому милиционеру, но — странное дело — он все больше успокаивался. Высокие люди всегда добрые.

— Как дела, Михаил? На сайгака ходил? — поинтересовался возчик, спокойно взяв ключ из рук приятеля и размыкая замок.

— Собираюсь покаместь... А ты с чем его привез, ходю-то своего?

— Какая разница, с чем. Грузи знай да квитанцию пиши. Мало ли чего этим бедолагам отправлять надо... Маются они тут.

Адреса обратного нет. Не положено. И документ показывать требуется, — заворчал было Михаил, да остановил его возчик:

- Ты меня пиши в обратном адресе. Согласен, браток?
- Согласен. Это только книги, старинные книги, ничего опасного. В библиотеку посылаю, поймите...
- Весовщик подумал и выписал квитанцию.
- Смотри, Евсей Григорьевич, тебя привлекут, коли что...
- Не видишь, человек со страху дрожит, их вон как пугают. Каждый, почитай, день пугают, а я-то уже пуганый...
- Получив квитанцию, возчик, к удивлению Ли, вдруг расплатился сам за тариф из тех денег, что получил за провоз ящиков. Когда Ли сделал протестующее движение, бородач засмеялся враз:
- Иди, иди, браток. Все будет в порядке. Завтра твой груз уедет...

7

Занимался новый день. Преподавателю Ли почудилось, что солнце всходит с запада. Прошло почти полгода, как его привезли в этот город, но он все еще путал запад с востоком...

Торопливо одевшись, он пошел в институт. Ветер снова гнал пыль вдоль улиц. Но сегодня было особенно много ворон. Они сидели на голых ветках карагачей и каркали, предсказывая что-то пугающее и непонятное.

Видимо, они прилетели из степи, где нельзя укрыться от ветра. Но Ли казалось, что они специально расселись на деревьях по всему его пути, чтобы ни на минуту его не покидал страх. И правда, во дворе института собралось много народу. Это был недобрый знак. Может, кто-то узнал о пропаже книг? Или он оставил огонь в печи, и что-нибудь сгорело? У него засосало под ложечкой. Но, к счастью, люди стояли потому, что двери были закрыты. Истопник, он же и сторож жил неподалеку, и все ждали, когда вернется посланный за ключами студент. Скоро тот вернулся и принес ключи. Сам истопник пребывал в глубоком похмелье и даже не пришел.

Дверь открыли, и все вошли в институт. В преподавательской были тот же разор и неразбериха, как и при уходе Ли: и на полу, и в ведрах, и даже в эмалированном тазу (Ли со страхом узнал свой забытый второпях таз из бани) — везде пепел, клочки бумаги и картона. Все замерли в недоумении.

— Кто сжег столько бумаги? — сказал один из преподавателей, вглядываясь в переполненный пеплом таз.

— Не книги ли тут жгли? — подхватил другой.

Страшная тишина повисла в преподавательской. Поскрипывая кожаными бурками, в помещение вошел ректор. В ондатровой шапке и барсучьей шубе. Он оглядел спокойно остолбеневших преподавателей, бросил взгляд на пепелище и зычно произнес: — Прошу немедленно начинать занятия. А это... Товарищ Ли, распорядитесь, пусть ваши студенты наведут здесь порядок.

Он вышел так же величественно, как и вошел. Педагоги втянули головы в плечи и покорно разошлись, у Ли не оставалось сомнений: ректор действительно отдал приказ о сожжении книг и теперь, убедившись в его реализации; удалился с сознанием исполненного гражданского долга.

«Мерзавец», — подумал про себя Ли и оглянулся: не произнес ли он этого вслух. Он распорядился, и в комнате уже суетились студенты, подметая пол и растапливая заново печь, — в здании стоял холод и надо было хорошенько его протопить. Никто не заметил, как исчез таз преподавателя Ли. Таз, без которого невозможно теперь ходить в баню...

Вечером Ли поспешил к вокзалу. Он не решился зайти в помещение, чтобы не привлечь внимания милиционеров. Корейцу не положено уезжать, значит, нечего ему тут делать. Ли решил спрятаться у багажного склада, чтобы убедиться в отправке груза. Ему хотелось в увидеть своими глазами — иначе не успокоиться. Кругом пусто. Станция маленькая. Редко-редко проходили люди, спеша к алма-атинскому поезду. «Большое счастье — ездить куда хочешь», — подумал Ли. Его снова начал преследовать страх. А вдруг обнаружат, примут за злоумышленника? Чего доброго, решат, что он хочет поджечь склад или напасть на служащих госпредприятия. Железная дорога строго охранялась, он это знал.

«Куда деваться?» — думал он и решил перейти через пути в сторону «Шанхая» — землянок, вырытых новыми, только что приехавшими переселенцами. Отсюда тоже можно наблюдать за погрузкой.

Ударил колокол. Вдали показались мерцающие точки, и вот уже с грохотом состав, гремя стыками вагонов, остановился на путях. Сошли несколько человек, и ли было видно, как замескали их ноги между колес.

Но груз все еще не везли. А ведь поезд стоял всего несколько минут. Ли нервничал. В беспорядке забилося сердце. Ему хотелось даже крикнуть, и он с трудом сдерживал себя. Наконец раскрылись двери склада. Колеса тележки, сопровождаемые

чьими-то разлапистыми ножищами в сапогах, подкатились к багажному вагону, и он услышал, как ящики — его ящики грузно шлепались на пол вагона. Сапожищи потоптались возле вагона: это передавали бумаги, разглядывали при свете ручных фонарей накладные.

— Скорее, скорее бы уезжали, — шептал про себя Ли, чувствуя, как горячая волна радости поднимается во всем его теле. Поезд тронулся, набирая скорость.

— Дорогие мои! Счастливого пути! Счастливой судьбы вам! Мы еще увидимся, обязательно увидимся, бормотал теперь уже громче преподаватель Ли, и голос его перекрывал грохот тяжелого поезда... Вот уже мелькнул и исчез красный огонек последнего вагона. Стало тихо, и тут страх отпустил, совсем отпустил утомленного, измученного им корейца.

Эпилог

Дорогой читатель! Может быть, вам интересно знать, что стало с теми книгами? Не буду томить загадками.

Книги дошли до адресата. Правда, долго они хранились в Подвалах Алма-Атинской библиотеки. И нашли их уже после Великой Отечественной войны. Некоторые экземпляры попортились, но большинство сохранилось. Сейчас они стоят в специальных футлярах, в хорошо проветриваемом помещении нового здания Казахской государственной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Книги эти пока никто не читает. С тех пор как, закрыли единственный тогда в стране Корейский педагогический институт, прошло полвека. Теперь некому учить детей родному языку. Некому прочитать сложные мудрые тексты многовековой давности.

Но настанет пора — я верю, — и люди придут в библиотеку казахской столицы, извлекут из футляров, эти бесценные книги и, может быть, там найдут тайну моего нестигаемого народа. Как и мой герой — скромный бесстрашный преподаватель Ли, чья история изустно живет среди людей старшего поколения. Он тоже верил в то, что книги обязательно будут читаться. Непременно...

ВСПОМНИМ ЛЕТО И НЕ РАЗ...

Рассказ

На исходе второго дня машина, груженная тюками хлопка-сырца, остановилась у развилки дорог — одна тянулась к краю горизонта, другая сворачивала в сторону, где далеко за грядой тamarисковых кустов угадывалось нечто похожее на барачное строение. Машина остановилась, и душный шлейф пыли, тянувшийся за ней, накрыл сидевших на верхотуре связанных тюков девочку и мальчика. Она была постарше, лет четырнадцать, и звали ее Асей, а десятилетнего братика — Ильей.

Открылась дверца, из кабины выглянул водитель:

— Вон там живут ваши корейцы, больше нигде их нету. Шагайте туда.

Дети соскользнули на горячую пыль. Однообразная дорога разморила, и теперь их слегка покачивало. Ася протянула водителю две красные бумажки по десять рублей, тот улыбнулся, взял и уехал.

Предчувствие близкого конца изнурительного путешествия подняло настроение, и братик Илья, лихо закинув за плечо старенькую матерчатую сумку, набитую одеждой, буквально запрыгал по дороге, ничуть не сомневаясь в том, что именно в тех бараках обосновались на лето мама со своими родственниками, пропадая с раннего утра и до позднего вечера на чеках рисовых полей.

Четвертый месяц, с остановкой у родственников, чтобы завершить учебный год, Ася с братиком добираются до мамы. С конца февраля, пересаживаясь с пассажирского поезда на товарный, с него на бензовозы и хлопковозы, ехали они по Казахстану, Туркмении, Узбекистану, потом опять по Туркмении и Каракалпакии. Ася радовалась тому, что позади остался утомительный путь, и скоро увидит маму. И обязательно спросит у нее, как же она, по-русски понимая лишь «твоя-моя» и никакого другого языка кроме корейского не зная, все же добра-

лась до своих родных в Каракалпакии. Помнится, мама разослала с помощью колхозного грамотея и пьяницы запросы во все концы Казахстана и Узбекистана, не осели ли ее родственники — отец с матерью и братья с многочисленными чадами — в тех краях, куда их переселили, разлучив с ней. Сорок восемь часов на сборы — и в путь. Многие тогда оказались в разных эшелонах с тайной надеждой, что по прибытии в неведомый край встретятся и сядут в обед или к ужину за один дружный стол. Надежда теплилась долгие годы и наконец осуществилась — получен адрес и письмецо, в котором сообщалось, что живут ее братья и родители в далекой Каракалпакии, а именно — в городах Ходжейли и Муйнаке. Мама скоренько собралась и уехала, положив во внутренний карман телогрейки клочок бумаги с адресом. И доехала! Путь этот был нелегок, в чем она с братиком убедились, ринувшись на поиски мамы.

Много лет спустя мама как-то рассказала про один случай из своего путешествия.

...Преодолевая очередной этап пути, мама отчаянно мерзла, собравшись в маленький комок в кузове «студебеккера». В нем тряслись еще несколько стариков узбеков и казахов, одетых в добротные, огромного размера овчинные тулупы. И надо же так случиться, что у сидящего рядом старика рукав был разорван. Мама подумала, что в эту зияющую дыру проникает беспощадный осенний ветер и владелец может незаметно простыть и умереть. У мамы была иглолка с ниткой. Она зашила намертво щель в рукаве, борясь с болтанкой на ухабах. И как всегда, сделала это аккуратно и надежно. Старик поглядел на ее работу, провел по шву сухими пальцами и с удивлением уставился на маму, обратив внимание на красные от мороза пальцы мастерицы, заворачивающей иглолку и моток ниток в тряпочку и столь же деловито прячущей нехитрое хозяйство во внутренний карман, где лежала бумажка с адресом — «г. Ходжейли, базар, дом № 2». Старик про ту бумажку не знал, и вообще его мало интересовало, куда направлялась эта маленькая женщина, а только подумалось ему, что в такую холодину одеться бы ей потеплее, но опять-таки он понял, что, скорее, ей не во что одеться, а ехать надо. Также он догадался, что она кореянка, и даже в мгновение вспомнил, как много лет тому назад, в такую же морозящую осеннюю ночь в джамбулской степи вдруг он, местный чабан, услышал крики и плач людей. Их привозили на грузовиках, оставляли меж высохших кустиков верблюжьей колочки и тама-

риска. Потеряв всякое приличие и достоинство, люди в белых платях и серых телогрейках хватали за голенища милиционеров и водителей, умоляя увезти их в людные места, потому что в мороз и ветер, без очага и крыши помрут маленькие дети и старики, да и молодежь вряд ли дотянет до утра. Водители, отцепляя с голенищ хваткие пальцы переселенцев, разводили руками, мол, приказано разгрузить именно здесь, а за неисполнение приказа им попадет, вплоть до расстрела... Вспомнилась старику и картина следующего дня. Вместе с женой, терзаемые страхом, но движимые любопытством, они подошли к месту ночного происшествия и увидели грязно-белый курган из человеческих спин. Верх кургана был накрыт мешками, и рядом кучились холмики прошлогоднего урожая риса, высыпанного, очевидно, из этих мешков. Жена спросила о чем-то, но он не ответил, поскольку страшная догадка осенила его: молодые люди окружили стариков и женщин с детьми и так провели ночь, подставив крутые спины обжигающему морозному ветру. Услышав человеческий голос, спины зашевелились, курган нарушился, и в предрасветной мгле можно было различить лица незнакомцев. Двое молодых мужчин, коченея, приблизились к нему на четвереньках и спросили, где люди. Помнится, жена сняла с себя большой платок и протянула мужу. Он накинул его на спину одного из них и объяснил, что люди далеко отсюда, а ему с женой строго-настрого запрещено водиться с пришельцами. Курган распался окончательно, и в чреве его обнаружились женщины с детьми и старики. На рассвете чабан привел ослабевших в кошару, развел костер из кизяков, напоил кипятком...

К зиме корейцы устроились солидно. Лопатами и тяпками, прихваченными с собой, выкопали несколько землянок, над которыми заструился горький дым миновавшей беды и грядущих надежд. Выжили...

И старик вдруг распахнул тулуп, приглашая маму согреться в тепле овчины. Недолго думая, она юркнула в темень овчины и вскоре почувствовала, как отступает в ее теле холод под напором душного тепла этого большого старика...

В середине марта месяца Ася с братиком нашли двоюродных и троюродных дядь и тетя в городе Ходжейли, но мамы не оказалось у них — она выехала на сезонную работу в какие-то тугай под туркменским городом Чарджоу и там на целинных землях собиралась сеять рис. Дети остановились у родственников, что-

бы завершить учебный год. Маме оказией сообщили, что они прибыли благополучно и летом приедут помогать.

И вот они уже третий день едут, и осталось совсем немного до той минуты, когда Ася с Ильей испытают молчаливую радость от встречи с мамой. Рядом с матерью всегда было спокойно и уютно. Так думалось девочке всегда — и когда мама хлопотала у очага, готовя наскоро еду для детей, и когда поздно вечером возвращалась с работы домой. Старший брат и сестра, вернувшись с полей, спешно жевали вареную кукурузу и тут же исчезали из дому на таинственные молодые свидания. Только Ася с братиком выходили на вечернюю улицу и ждали, когда на горизонте появится темный силуэт — это мама возвращалась домой. И тогда они бежали навстречу, мама улыбалась, передавала дочери тряпичную котомку, в которой позвякивали порожняя алюминиевая миска и ложка. Сынишку она, разок погладив по голове, крепко брала за руку, и все трое входили в дом, а в доме витал вкусный запах соевого супа, приготовленного Асей. Не спеша ужинали. Братик вскоре засыпал, уронив голову на колени матери, его укладывали в постель, и наступали минуты тишины, когда Ася могла пожаловаться на капризного Илюшу. Набегавшись, он неожиданно появлялся в огороде, у помидорных грядок и, мешая ей окучивать кусты, требовал лепешку. Попробуй не дать. Ася выносила из дому пол-лепешки, что вызывало у братика гнев и слезы, и он набрасывался на сестру. Асе строжайше запрещалось давать ему сдачи, и ей ничего не оставалось, как спастись бегством. Злючка гонялся за ней по всему огороду и вокруг дома, все кричал, почему пол-лепешки, а не целую, так и хотелось Асе стукнуть изверга по голове, но она не решалась, и в конце концов выносила вторую половинку, которую тот решительно делил между друзьями. От обиды Ася садилась меж грядок и тихо плакала... Выслушав жалобу, мама улыбалась и ласково гладила дочку по голове, вытирали ей слезы. Бывало, что мама просыпала утренний час и уходила на работу без каши в миске и куска пареной рыбы. Каша оставалась в котле, а рыба еще томилась на деревянной решетке. Тогда Ася собирала и несла завтрак и обед ей на отгон, где паслись колхозные телята. Путь на отгон долгий. Сначала надо миновать проклятое место в конце улицы — там покоится лужа с зеленой тиной. Лужа эта стиснута двумя дворами, и Ася проходит ее по кромке, воспользовавшись островками грунтовой тверди. И тут ее ждал петух. Здоровенный, с грязными лапками и острыми когтями. Настороженно вертя го-

ловой, он чувал, что девочка побаивается его, и для окончательного торжества петушиной силы догонял ее, расправив крылья, запрыгивал на спину своей жертвы и разок-другой стучал огромным клювом по мягонькому тельцу. Ася привыкла к схватке, заканчивавшейся для нее всегда чувствительным поражением, но каждый раз сердечко начинало колотиться при виде глупого и жестокого петуха. Однажды она оступилась и упала. Миска выскользнула из узелка, каша рассыпалась. Асю охватил ужас, брызнули слезы. Забыв про петуха, стала собирать кашу в миску, очищая рыхлые комки от грязи. Полмиски как не бывало. С рыбы она сдула пыль. Вытерла слезы и продолжила путь. Петух громко посылал ей вслед угрозы...

Асе остановилась и приложила к глазам ладонь козырьком. Братик уже скрылся за тамарисковой чащобой, пятерня заходящего солнца красным светом опалила край горизонта. Тихо кругом, ровный звон растворился на огромном пустыре.

— Чу! — послышалось сзади.

От неожиданности Ася кинулась в сторону и присела.

На маленьком ослике скакал юноша, изо всех сил натягивая поводок. Он был приблизительно ее возраста, но, должно быть, высок, потому что босые его ступни едва ли не касались пыльной дороги. С большим трудом ему удалось остановить ослика. Успокоившись, Ася хотела спросить, где живут корейцы, и тем самым выказать мир, настроить лутника на добрый лад, но не успела — оглушительно заржал ослик, и юноша принялся пинать его бока пятками. Наконец животное замолкло, только ноздри его возбужденно затрепыхали. Лицо юноши было покрыто вороненым загаром, черные блестящие волосы жестко кудрявились на голове, большие мужские руки собрали в узел поводок. Ася опомнилась, опять решилась заговорить, даже руку протянула несмело, но осеклась, лицо у юноши было злым. Брови вытянулись в струнку, глаза смотрели резко и спокойно. Вот-вот он погонит ослика прямо на Асю. Но она не сдвинулась с места. Тогда он отвернулся и сделанным безразличием стал разглядывать небо и степь. Так постояли они некоторое время. Краешком глаза он заметил ее блестящие коричневые сандалии и тонкое выгоревшее платье. Он попытался спрятать свои босые ноги под живот ослика. Переминаясь с ноги на ногу, Ася почувствовала песок в сандалиях. Отстегнула ремешки на них и поочередно вытрясла, ступая при этом на горячий песок. Корейка,

подумал он. Белые прозрачные, словно стебли джугары, руки. И глаза маленькие, раскосые. Конечно, корейнка. С ранней весны в бараке живут корейцы и сеют рис на приточных поймах Амур-дарьи, осенью соберут урожай и уедут, а весной появятся вновь, только уже другие... Чего она испугалась?

— Как звать? — спросил он.

— Ася.

— А я Турсун. Чу!

И он погнал ослика, жестом показав Асе, куда ей следует двигаться.

Турсун против обыкновения погнал ослика вскачь, хотя никогда он не торопился домой, незачем являться раньше времени. Заставят сбивать масло или же обходить арыки, не прорвалась ли вода на бахчу. Если и случалось по воскресным дням возвращаться рано, то обычно задерживался у развалин старого дома, на стенах которого все меньше оставалось посеревшей известковой штукатурки. Устраивался под стеной в ожидании полного заката. Прибегала собачка, которая чудом угадывала появления хозяина. Только что вихрем носилась она меж кустов, распугивая крохотных синичек с желтыми клювами. Турсун знал, что в это время мать пекла лепешки. И когда треск сучьев в тандыре затихал, сюда доносились резкие шлепки теста о стенки глиняной печи, а вслед за этим — дурманивший запах испеченных лепешек. Турсун садился на ослика и, сопровождаемый сумасшедшим лаем собачки, появлялся во дворе. Деловито закидывал в айван пустые коржуны, умывался и садился ужинать. Молчаливому отцу он рассказывал, как шла торговля дынями, отдавал деньги, и уже до самого сна был свободен. Поиграв с братишками и сестренками да с племянками, приехавшими на лето из Чарджоу, он уходил за дом, где устроил себе навес и лежанку, и засыпал... Хорошо было прошлым летом. У корейцев, что приезжали сеять рис, был мальчик, ровесник Турсуна, звали его Толей, и они быстро сдружились. Толик обладал невероятной способностью находить в песках пустые консервные банки, которые тщательно мыл и протирал тряпкой. Срезав крышку, он отбивал молотком острые заусеницы на краях банки и с помощью заклепок приделывал сбоку изогнутую ручку из той же самой крышки. Получалась отличная мерка для риса или джугары и вообще для любой крупы. Количество этих мерок дошло однажды до десяти, и мальчишки успешно продали их на базаре в Чарджоу, а вырученные деньги тут же проиграли крикли-

вому инвалиду, сидевшему у ворот базара и забавлявшемуся бесхитростной головоломкой с сапожным шнурком. Концы шнура были прочно связаны. Ловким движением руки инвалид образовывал несколько кругов. Желая выиграть рубль, тыкал пальцем в один из них, и если шнурок застревал на кончике пальца, то выигрыш немедленно передавался счастливицу. Толик был очень наблюдателен, зорко следил за манипуляциями инвалида, и вскоре два рубля, вырученные за мерки, превратились в семь! Турсун подтолкнул своего друга, мол, хватит, а то проиграешь, но Толика охватил губительный азарт, и, в конце концов, ему пришлось расстаться с деньгами. Расстроенные, они тронулись в обратный путь. Турсун успокаивал его — в песках можно найти еще много банок и сделать из них столь доходные мерки. Банки эти были разбросаны воензированной охраной, которая гнала по этапам ссыльных или же сторожила в бараках за колючей проволокой заключенных. Так рассказывал отец. Осенью Толик уехал, потому что учился в школе. Турсуну тоже надо было ехать в Чарджоу к дяде, но того забрали на строительство канала, где не хватало охранников, и всех милиционеров мобилизовали в помощь. Дядя уехал с семьей, а более близких родственников у отца в городе не нашлось. Да и сам Турсун не стал бы жить у других, потому что вряд ли те смогли бы оградить его от наветов в адрес своего отца, поскольку отец с семьей жил в полном одиночестве в степи не по своей воле, а по решению важных чинов, осудивших его за покушение на жизнь станционного служаки. Служаку этого, тылового козла, отец чуть не убил, когда тот обвинил его в воровстве казенных лопат и четырех мешков цемента со склада. Хорошо, что удар ломом пришелся паразиту по известному месту, ниже пояса, а то бы переломил хребет. Служака все похвалялся своими медалями за трудовую доблесть, но ему не давал покоя единственный боевой орден, которым был награжден отец в войну, и при удобном случае возводил напраслину на него вплоть до оскорблений, подвергая сомнению солдатскую храбрость рядового Чарыева, отца Турсуна... Уехал Толик, и вечера стали длинными, одинокими.

Ася прошла по гребню низенького бархана, испещренного петитами сусличьих следов, и вышла на твердую дорогу, отмеченную по краям велосипедными шинами. Вот и барак с низенькими саманными печками во дворе. Возле одной из них

ждал Асю братик Илья. Напротив — дом с крышей из джугаровых стеблей и жидкой, покосившейся оградой для животных. Сновал по двору малый и взрослый люд, мелькал среди них и медлительный Турсун. Над тандыром переливался раскаленный дым. Семья туркменов готовилась к ужину.

Раздалась трель велосипедных звонков — это возвращались с поля корейцы. Они окружили Асю с Илюшей, восхищаясь их сообразительностью и мужеством — в такую даль прибыли без приключений, мать скоро объявится, она идет пешком, у нее нет велосипеда, потому и отстала. Все шумно умывались, поливая воду из тыквенных ковшиков.

Вскоре пришла и мама. Увидев сына и дочь, она как-то робко дотронулась обеими руками до детских плеч, прижала к себе и сказала:

— Приехали, значит...

Потом мама захлопотала, собирая на стол. Дядя и тетя, у которых она жила, и другие корейцы усаживались за свои столы, громко говорили маме хорошие слова о ее детях, расспрашивали про дорогу, умаялись, наверное, это же не ближний свет, а детишкам всего-то годов, девочке четырнадцать, а мальчику и вовсе десять лет... Дом, в котором жил этот небольшой табор сезонников, представлял собой низенький барак из семи просторных комнат, расположенных друг за другом под общей крышей. Двери выходили в одну сторону, в большой двор. Первым сезонникам-корейцам пришлось немало потрудиться, устраивая барак для жилья. Разобрали двухъярусные деревянные полаты, из тех же досок соорудили настил, подняв его над земляным полом брусчатыми лагами. Колкую проволоку, поваленную там и сям за ненадобностью, свернули в кольца и сложили в отдалении, так непроизвольно образовалась свалка. По вечерам в комнатах стояла духота, и люди спали во дворе, спасаясь от комаров марлевыми пологами.

После ужина Ася с братиком помогли матери подвязать на шестах растяжки полога и с удовольствием юркнули под него. Илья бесился, подкидывая валик-подушку, но вскоре заснул, уткнувшись в мягкое плечо мамы. Ася легла по другую сторону от нее. Мама обняла ее и с тревожной радостью почувствовала, что дочь подросла.

Трещали сверчки на бахче, комары звенели над пологом, в арыках покоилась темная вода.

Спала Ася долго, а когда проснулась, мамы уже не было, да и других корейцев тоже. Наскоро позавтракав, они выехали в поле, дружно позванивая велосипедными звонками. Все пологи разобраны. Только один остался, тот, в котором они с мамой спали.

Илюша, должно быть, метался в глубоком сне, легкое одеяльце собралось на груди, ноги и руки выпростаны, голова съехала с валика. Ася разбудила его, принесла круглую коробочку зубного порошка и отправила умываться к ближайшему арыку. Сама же разобрала полог и унесла в комнату. В тыквенном ковше возле печки она обнаружила рис, банку с соевой пастой, несколько картофелин. Это мама оставила, чтобы дочь приготовила обед. И Ася принялась за дело. Ополоснула котел, промыла рис и заложила кашу. Почистила картошку. В маленький котелок нарезала салца, поджарила лук и залила водой, опустила очищенные картофелины. А когда вскипела вода, растворила в ней ложку соевой пасты.

Илюши все еще не было. Он неподвижно сидел, уставившись в стеклянную гладь воды и, захваченный молниеносной беготней длинноногих комаров по этой глади, даже не обернулся, когда Ася подошла к нему.

— Скорей умывайся. Отнесем маме обед на поле, — сказала она.

Братик что-то буркнул в ответ и продолжал наблюдения за комарами. Ася вернулась к печке, присела на крошечный табурет. В зеве печи трещали в огне сухие хворостины, нагретый воздух переливался над раструбом дымохода. И тут она с запоздалой и неутихшей обидой вспомнила, как пришлось ей однажды бегать вокруг дома от своего братика, который гонялся за ней, обжегшись горячей кукурузной кашей. Претензия его была глупой, но объяснить она не могла, поскольку маленький деспот настигал ее, высоко подняв над головой обрубок стебля подсолнуха. И все кричал, зачем же она так много дров подкладывала в печь, если бы топила умереннее, то каша была не такой горячей, и он бы не обжегся...

Ася подумала, что надо вовремя вычерпать кашу из котла, чтобы на дне его не образовался слой обгоревших рисовых зерен, ведь это настоящий белый рис! Уже три месяца она ела бело-бархатную рисовую кашу, а до той поры — больше пшеничную, о рисе никто и не мечтал, всем жилось трудно. И когда Ася с братиком на десятый день приехали в город Ходжейли, чтобы

встретиться с мамой, но нашли только дальних родственников, вот тогда случилось такое, что всех напугало. Настя, так звали жену троюродного маминного племянника, сварила кашу, белую, рисовую, пожарила яичницу на свином сале, выложила на стол соленья и всякую другую снедь. И Ася с Илюшей рухнули вдруг на земляной пол в доме, потеряли сознание. То ли голод, то ли забытый аромат рисовой каши спер им дыхание и помутил ум, но они вмиг впали в забытие. Очнувшись уже на кане после двух часов глубокого сна. Настя сварила новую кашу, пожарила новую яичницу, так как посчитала, что прежняя каша и яичница остыли. Только картошку, нашинкованную соломкой и приготовленную с мясом, лишь подогрела...

Ася увидела девочку, семенившую к ней с соседнего, туркменского двора. Многочисленные косички ее завершались продырявленными монетками и позвонькивали. Прижимая к груди желтую, как солнце, дыню, она приблизилась к Асе, опустила гостинец у ее ног и, шурша подолом длинного платьяца, стремглав убежала в свой двор. Там встретил ее Турсун, вместе ушли за дом и долго не появлялись. Ася поняла, что ее угостили. Но все произошло так быстро, что она не успела поблагодарить, и ей стало неловко. Дыня пахла мятой и шоколадом, наверное, очень сладкая. И послал угощение, конечно, этот мальчик Турсун, который почему-то скрылся за домом и теперь, возможно, наблюдает за ней. Ну и пусть, раз угостили, надо отведать. Ася принесла большую тарелку и нож и нарезала дыню ломтями. Мякоть таяла во рту, сладкая прохлада освежила воздух. Пришел братик Илья и застыл в изумлении, откуда дыня?

Вставал Турсун рано и первым делом шел на бахчу. Высмотрев спелые дыни, помечал их, в воскресенье повезет на базар в Чарджоу. Вот и сегодня он насчитал не один десяток скороспелок-шамша, желтыми лбами выглядывающих из-под разлапистых листьев. Затем прошел зарослями джугары к небольшому рисовому чеку. По примеру корейцев и просто из любопытства отец засеял его рисом и производил все прополочные работы, которые они советовали ему. Участок земли был выбран не совсем удачно, и посредине образовалась запруда, в которой шныряли маленькие сомыта.

За завтраком отец перечислил все работы, которые должен был проделать Турсун за день, и он их выполнил. Накосил травы, дал курам зерно, напоил лошадь и ослика, сбил масло, взрыхлил кетменем участок за домом, где отец решил что-то посадить. С

утра работа шла споро, Турсун удивился, поняв, что торопится, а зачем торопиться, зачем ему свободное время, он не мог взять в толк. И вот все сделано, и надвигалось изнурительное безделье. Толика нет, не с кем переговорить, ребятишки барахтаются в проточных арыках, легкость тела несла его куда-то, беспокоила, хоть криком кричи, головой об стену...

Прибежала малышка-сестренка и сообщила, что все хотят поесть дыню. Турсун обрадовался, сорвал несколько скороспелок и нагрузил ими подол ее платица. Малышка убежала во двор, зовя остальных. Турсун двинулся за ней следом и по пути сорвал еще одну шамшу, необыкновенно крупную, запашистую и тяжелую, как ядро. Толик любил такую дыню, да еще с лепешкой, испеченной матерью в тандыре. А в этом году прибыли сюда другие корейцы, и с ними вот эта девчонка с коротким именем — Ася. Угостить ее что ли? Девчонка, конечно, учится в школе и к сентябрю уедет, как Толик... Турсун выглянул из-за угла и увидел, как Ася и ее братик едят сладкую дыню, посланную им через малышку-сестренку. Впереди долгий день...

Ася с Ильей легко нашли рисовое поле, Просека, ведшая к нему, разлинована велосипедными шинами. Мать с дядей и тетей не ждали их и очень обрадовались, узнав, что девочка принесла обед, да еще такой вкусный. Обедали, сидя на дамбе прямо под палящим солнцем. Затем мама показала, как пропалывать рис. Пучки сорняка надо выносить за край чека, осторожно ступая по илистому дну. Теплая вода показалась детям тяжелой и вязкой, как сироп, и к вечеру подустали. Илья совсем перестал полоть, хитрил, картинно показывая свое бессилие перед режущими стеблями сорняков, никак не желавших расстаться с топким илистым дном. В капризном отчаянии он захватывал вместе с сорняками и нежные стебельки риса, вырывал их с корнем и выбрасывал на дамбу. Ася видела все это, но не ругала, а напротив, уговаривала поработать еще немного, пока солнце не исчезнет за горизонтом, и тогда они вместе со всеми взрослыми отправятся домой. Чтобы как-то отвлечь братика от злой обиды и усталости, она решила научить его считать по-казахски.

— Бир, еки, уш, — говорила она, — один, два, три. Торт, бес, алты, жеты, сегыз, тогыз, он! — радостно заканчивала счет и просила его повторить.

Илья не поддавался ее ликованию, но все же ловко повторил с первого же раза, и Ася, отметив его способности, пообещала

научить считать до тысячи за каких-нибудь пять дней. И прочитала маленькую лекцию о пользе знаний различных языков. Вспомнила, как добирались до Ходжейли, У русских спрашивали по-русски, встретились казахи или узбеки — и с ними она могла переговорить, разузнать, как доехать до нужного населенного пункта. Если бы попался немец, немцев тоже привезли в наш колхоз в начале войны, и по-немецки она смогла бы объясниться, потому что неплохо учила его в школе... За разговором они не заметили, что уже давно сидит на дамбе мальчик Турсун и слушает «лекцию». Он спросил вдруг по-туркменски, она смутилась, но ответила, что братику десять лет, он закончил третий класс, а сама она перешла в восьмой...

Солнце закатилось, и люди собрались на краю поля, разбирали велосипеды, чтобы вернуться в барак и успеть приготовить себе нехитрый ужин.

И однажды разразился скандал.

В самой дальней комнате барака жила семья Динчера. У него двое детей, мальчик и девочка, но примечательной была жена по имени Катерина, родившая ему этих двойняшек. После родов она объявила мужу, что больше детей у них не будет, мороки и хлопот с ними много, а жизнь проходит. Такое заявление Динчер воспринял как шутку, но дальнейшее показало все неприличие решение жены. Игры в японскую карту хато в долгие зимние вечера заканчивались ночевкой в каком-нибудь доме, а то и просто у картежных партнеров, о чем ходили противные для Динчера слухи, никак не красящие облик его жены.

Катерина была ленива и хороша. Замечательный бюст и пухлые руки, которые она вроде бы случайно демонстрировала в запале карточной игры, и мужчины надолго задумывались, прежде чем сделать очередной ход в простейшей комбинации. На одной из вечеринок, закончившейся питием горячительного, Катерина познакомилась с молодым человеком по имени Михаил, и с того дня стала возвращаться домой раньше обычного, ничуть не сожалея, что не участвует в игре хато до утренних зорь. Но все чаще поговаривала, что весной на заработки нужно ехать, сколотив дружную и работающую бригаду, желательно из молодых мужчин, поскольку намечено заняться рисоводством в далекой туркменской степи, где неизвестно какие будут условия и дороги, и при погрузке собранного урожая потребуются крепкие молодые руки. Самой же ей далеко за тридцать, таскать мешки

она не станет, а за определенную мзду можно молодежь. Динчер опять воспринял эти слова как мудрое решение и, собирая бригаду, слушался ее рекомендаций. Среди рекомендованных был и Михаил, долговязый, с полуприкрытыми глазами молодой человек двадцати четырех лет от роду. Никто толком не знал ни его родителей, ни родственников и абсолютно верно полагали, что в будущем он устроит свою жизнь, женившись на девушке из состоятельной семьи. А пока что он вел беспечную жизнь скромного и молчаливого паиньки и каждую весну попадал в какую-нибудь бригаду, если в ней оказывались смешливые холостячки. Урожай он собирал меньше других, но это его не волновало. Бригадиры не очень-то охотно брали Михаила к себе, однако дела непременно оборачивались так, что он оказывался в одной из бригад и не подавал никаких поводов для возмущения и недовольства со стороны сильной половины человечества. И слабой тоже.

Но в это лето все получилось отвратительно, и Михаил мучился. Виной тому была Катерина, полные икры которой и зазывно-округлые бедра по-настоящему смущали, вследствие чего он потерял всякое приличие и осторожность. Когда и что случилось между Катериной и тихоней Михаилом, никто достоверно не мог сказать, но все были уверены, что муж ее, Динчер обманут.

Однажды Михаил заболел. Мудрено, конечно, в такую жару смертельно простудиться и слечь в изнеможении, но ему это удалось. Была пора первой прополки, сорняки воинственно вытягивались над водой и нежные всходы риса нуждались в помощи, которую немедленно оказывали все без исключения, и даже дети. Но Катерина убедила мужа, что ей необходимо остаться в бараке и присматривать за больным, иначе может случиться непоправимое — Михаил умрет. И Динчер согласился.

Михаил, как оказалось, был здоров. Все это он проделал по наущению Катерины, потому как она желала остаться с ним наедине, чтобы почувствовать свободу ласки и любоваться сильным молодым телом. И как только они остались в бараке одни, желания Катерины исполнились. Одно лишь не понравилось ей — настроение Миши, который согласился на такую грубую симуляцию с единственной целью — хорошенько поговорить и положить конец их любовным утехам. Об этом он заявил решительно, даже слегка истерично. Не в его правилах вести себя так нагло, он уважает дядю Динчера, да и совесть надо иметь...

— Совестьливый какой, — сказала она с улыбкой и положила его голову на свою высокую грудь.

Михаил вырвался и продолжал сидеть, обняв колени сильными руками. Катерина вздохнула. Затем встала, вышла во двор и принялась варить обед. Заложила крупу, растопила печь, наредила овощей, поджарила лук на масле, захлопала крышками кастрюль, и все это она проделывала в каком-то ожесточении.

Михаил ел с неохотой. Катерина сидела рядом и любовалась им, пускаясь в воображении в игривые фантазии.

— Тебе надо жениться. А там видно будет, — протянула она загадочно.

Михаил не понял и уставился на нее.

— Жениться?

— В километрах двадцати, — пояснила Катерина, — есть еще одна бригада, ты знаешь. У бригадира дочь, ей замуж пора, переспела. Отец ее как-то спрашивал, интересовался тобой.

— Оля?

Катерина внимательно посмотрела на Михаила.

— Знаком с ней?

— Слышал.

— Я приглашу ее в гости. А ты сделаешь то, что скажу.

— А что надо делать?

— Потом скажу. Она здоровая, детей народит тебе. И отец удачливый, никто больше него не собирает урожай. Понял?

— А может, я не подойду, ни кола, ни двора...

— Еще как подойдешь!

Катерина с облегчением отметила его покорность. Вынесла во двор обеденную посуду с остатками еды и, вернувшись в комнату, плотно прикрыла дверь. Рухнула на постель, увлекая за собой оглушенного новостью Михаила.

Оля прибыла в гости в конце недели. Это была крупная девушка, молчаливая стеснительная, и вела себя безупречно, соблюдая все тонкости обхождения с незнакомыми людьми и старшими по возрасту. Похвально, что воспитание она получила достойное, повезет тому, кто женится на ней — таково было мнение всех сезонников.

Спать легли под двумя пологам. Под одним — семья Динчера, под другим, где обычно спал Михаил, устроили гостью. Самого же его отправили в душную барачную комнату.

Динчер спал крепко, дети тоже. Одна Катерина не смыкала глаз, вся напряглась и вслушивалась в тонкую тишину. Было далеко полночь, когда Михаил бесшумно вышел во двор и стал подкрадываться к пологу Оли. Приподняв у изголовья марлю, он застыл в нерешительности, но, вспомнив наказ Катерины, просунул руку и положил ее на жаркую грудь девушки.

Дальше все произошло очень глупо, но по замыслу коварной Катерины как по писанному. Сначала послышался сонный и чуть встревоженный голос Оли, затем испуганный крик, возня, полог заколыхался, тесемки на углах натянулись, жердь, к которой была привязана одна из тесемок, не выдержала и упала на перепуганную гостью, та еще больше заметалась, забарахталась под марлей полога. Вмиг проснулся весь табор сезонников. Словно настигаемый потопом или еще каким-нибудь бедствием, люди забегали по двору, выпрашивая друг у друга — кто? что? зачем? когда? куда едем? какой эшелон? почему не предупредили заранее?!

Всю эту сумятицу и сонный бред остановил выстрел из охотничьего ружья. Кто-то сообразил, что люди еще больше распалаться и начнут собираться в дорогу, как осенью тридцать седьмого, удачно сообразил, ворвался в свою комнату и, выбежав во двор с ружьем, бабахнул в воздух.

— Приехали! — гаркнул он и дико захохотал.

Михаил убежал в ночь. Люди стали приходить в себя. Оля плакала.

Катерина заботливо обняла ее и стала всем рассказывать о вероломстве Михаила, опозорившего достойную девушку. Как теперь им, хозяевам, пригласившим Олю в гости, смотреть людям в глаза, в особенности отцу девушки, как осмелился бессовестный Михаил на такое, успокойся, Оленька, все уладится, я этого так не оставлю, изловим паршивца, накажем, пусть держит ответ за свои поступки, бесстыжие глаза его, развратник и лиходея, скорей бы уж женился да прекратил баловство...

Люди еще долго судили-рядили и вскоре разошлись по своим пологам, прикидывая, как же объяснят случившиеся Динчер и его жена родителям Оли.

— Что он сделал с тобой? — спросила Катерина девушку, которая с трудом успокаивалась.

— Ничего...

— А может, вы договорились, но ты спросонья не разобралась и подняла никому не нужный шум?

— Тетя Катя...

— Что тут такого? Ты вон какая хорошенькая, да и замуж пора. Миша не такой уж плохой, правда, очень стеснительный, но как мужчина имеет свой характер. Решительный... Куда он убежал, тут волки крутом шастают...

Девушки напряглась в испуге.

— Не волнуйся, не загрызут. Михаил сильный человек.

Наутро все уехали в поле, но без Михаила. Не объявился он и на работе. Катерина беспокоилась, так не договаривались.

А Михаил в ту ночь стрелой умчался в заросли джугары и притаился, едва переводя дыхание.

Шум, гам, выстрелы разбудили Турсуна. И он оказался единственным свидетелем Мишиного побега. Подождав, когда корейцы утихомиряются, Турсун направился в джугаровые заросли. Обошел всю делянку, но нигде не нашел беглеца. И только, когда возвращался, кто-то взволнованно окликнул:

— Эй!..

Это был Михаил.

Прополка подходила к концу. Ровные чеки зеленели ковром нежных всходов. Братик Илья, стоя на дамбе, впервые восхищенно глянул на этот нежно-зеленый простор и улыбнулся.

— Молодец! — сказал Турсун, положив руку на его плечо.

Он, как всегда, появился неожиданно. Но взгляд его против обыкновения был встревоженным, без напускной деловитости и важности.

— Ася, поговорить надо.

Ася вынесла на дамбу охапку сорной травы, остановилась, снимая с локтей илистую грязь. Турсун раздумывал, можно ли говорить при Илюше, но видя, что тот не собирается удаляться, сказал:

— Михаил у меня. Что делать?

Ася пожала плечами. Предложила:

— Надо тете Кате сказать.

— Он просил никому не говорить! Хочет уехать.

— Нет, — сказала Ася, — нельзя уезжать. Дядя с тетей будут виноваты.

— А что случилось?

— Он должен жениться! — сказал Илья.

Ася строго посмотрела на него и объяснила Турсуну произошедшее ночью приключение и также сообщила, что завтра ут-

ром по просьбе Кати она должна сходить в соседнюю бригаду и передать приглашение Олиному отцу с тем, чтобы объясниться и решить, как быть с молодыми. Если Михаил не женится, девушка останется опозоренной.

Вечером после ужина Турсун довольно быстро отчитался перед отцом, что сделано по хозяйству, сказал, что назавтра почти нет срочной работы, а потому нельзя ли ему отлучиться на день и распорядиться свободным временем по своему усмотрению. Не получив от отца ни отказа, ни согласия, Турсун рассказал в двух словах о скандале у корейцев, и что необходимо им помочь: нужно проводить девочку в соседнюю корейскую бригаду и обратно, без проводника она может заблудиться.

— Она просила тебя?

После некоторой заминки Турсун сознался, что сам так решил.

— Хорошо, покажи дорогу.

Турсун еле дождался утра. Михаил ворочался рядом в беспокойном сне.

Ася отправилась в путь спозаранку. Она решила строго придерживаться указаний тети Кати и идти все время по широкому грейдеру, а в полдень у тополиного острова свернуть вправо и шагать вдоль высохшей речки, пока не покажутся на горизонте чахлые саманные постройки, всего четыре домика. Там и находится бригада Олиного отца.

— Чу! — раздалось сзади.

Турсун на ходу спрыгнул с ослика и подвел его к Асе.

— Садись!

Ася обрадовалась его появлению, но сесть на ослика отказалась.

— Не бойся!

— Нет, — сказала Ася.

Тогда Турсун привязал поводок к седлу и опустил ослика. Тот зашагал впереди, понунив голову. Долго шли они молча. Турсуну хотелось поговорить с Асей, но ничего не приходило в голову, а девочка, и без того молчаливая, совсем замкнулась. Только разок он уловил в ее глазах радость, когда нагнал на своем ослике. Не о чем говорить, впереди знакомая дорога, нет надобности лишний раз указывать, трусит себе ослик... Вот и тополиный ряд по гребню высокой дамбы. Сразу повеяло прохладой, и оба почувствовали, что идут уже долго, можно передохнуть. Турсун обрадовался возможности сказать что-нибудь Асе:

— Давай покушаем?

Остановив ослика, Турсун извлек из волосяного мешка дыньку-шамшу и лепешку, рассказывая про своего друга Толика, которому очень нравились такие дыньки и лепешки. Толик уехал, и они уже больше не виделись.

— А ты в каком классе учишься? — спросила Ася, отламывая край мягкой лепешки.

— Я не учусь. Пять классов закончил.

Ася вопросительно посмотрела на него.

— Школа в Чарджоу, а там негде жить. Дядьку забрали на канал, он милиционер. Раньше я у него жил.

— И ты не будешь дальше учиться? — удивилась Ася.

— Не знаю.

Ася не могла взять в толк, как это не учиться? Дома только и разговоров о том, первым делом надо обязательно учиться, во что бы то ни стало, особенно теперь, когда можно уехать куда угодно и поступить в институт. Прошли те времена, когда многим корейцам приходилось тайком уезжать в Талгар или Текели, воспользовавшись фальшивыми метриками. Вот старший брат, например, все метрики, какие были дома, испортил, вытравив хлоркой имена двух сестер и братика Ильи и вписав в них свое имя. И таким образом он сумел поступить и закончить четыре двухмесячных курса — бухгалтеров, трактористов, электриков, и комбайнеров, о чем ему выданы удостоверения. Исчезновения брата тщательно скрывались в колхозе, вернее, никто и не спрашивал, потому что все знали, и первым застрельщиком молчания был сам председатель колхоза, ему нужны были специалисты, и он всячески поощрял «исчезновения» молодых людей, рискуя при этом быть строго наказанным. Зато теперь в том колхозе, откуда Ася с Ильей уехали за мамой, немало сообразительной молодежи, в том числе и старший брат.

— А почему вы живете в степи? — спросила Ася. — Почему не в Чарджоу, там и школа есть?

Турсуну не понравился вопрос, и он стал оглядываться вокруг, бросая дынную кожуру как можно дальше.

— Еще хочешь? — спросил он равнодушно. — Я шесть штук шамши взял, и на обратную дорогу хватит.

Они не стали больше есть и двинулись в путь, свернув с широкой дороги вправо. Вот и высохший арык. На горизонте показалось селение.

Отец Оли удивился — почему не вернулась дочь, а его самого просят прибыть в первую бригаду для серьезного разговора, касающегося дочери? Ася же ничего не могла объяснить, лишь передала приглашение. Хорошо, ответил отец, завтра он двинется в путь, а сейчас девочке надо поесть, отдохнуть с дороги. Ася сказала, что она не может задерживаться, ей необходимо тотчас трогаться в обратный путь, с ней мальчик Турсун, он на улице ждет, при нем ослик...

— Позови его. Покушайте, — сказал отец Оли.

Обед для Турсуна был непривычный, но он съел все, что было предложено. И кашу рисовую, и тыквенный суп, заправленный соевой пастой, и салат из огурцов с луком. Салат особенно понравился. Хозяин дома свободно говорил по-туркменски, что заставило мальчика вспомнить отцовские слова: а как им, корейцам, быть — жить-то надо. Олин отец, оказывается, знаком с его отцом — встречались на станции и заготпункте. И он велел жене отловить во дворе парочку кур, связал им лапки и попросил Турсуна отнести гостинец домой. В обратный путь Ася с Турсуном отправились перед самым закатом. К ночи намеревались прибыть домой. Путь оказался скорым, и к ранним сумеркам одолели уже половину. Турсун уговорил девочку сесть на ослика.

Ослик шел неровно, земля раскачивалась, и Ася вскрикивала, когда приходилось преодолевать мелкие насыпи и затвердевшие выбоины. Судорожно вцеплялась в седло и умоляюще поглядывала на Турсуна. Тот смеялся, придерживая ослика на поводке.

— А ты знаешь, почему корейцев выселили из Дальнего Востока? — спросил Турсун, когда выбирались на ровный грейдер.

Ася не поняла вопроса и ничего не ответила.

— Всех до единого выселили, — продолжал Турсун. — Отец рассказывал.

Никто Асе не говорил о выселении, и опять она промолчала в ответ.

— Вы шпионили. На японцев. Вот и решили переселить сюда, подальше от японцев.

Ася упала с ослика.

— Держись! — крикнул Турсун. Обогнул ослика и приблизился к девочке. Она оттолкнула его. Поднялась и скорым шагом пошла прочь. Турсун выпустил поводок и побежал следом. Ася хмуро смотрела под ноги, убыстряя шаг. Что он такое говорит?

Какие шпионы? Никогда ничего подобного она не слышала. Ей стало нестерпимо больно и обидно. Хотя уже привыкла к обидам, большим и малым. Разве легко было ей и не обидно, когда соседские девчонки несли книжки и тетрадки в сумках, сшитых из лоскутков, а она тянула лямку тяжелых саней, в которых лежало полмешка неочищенного риса, собранного у тех селян, что брали весной по паре килограммов парной свинины и теперь расплачивались новым урожаем? Пальцы мерзнут, варежки штопаны-перештопаны; разве не обидно было ей во втором классе оставить школу из-за неуплаты образовательного взноса и бегать к дальней родственнице-учительнице, дававшей ей одной бесплатные уроки? А вспомнить отца, уже покойного? Он почему-то недолюбливал ее и, лежа в постели на теплом кане, зорко следил за тем, чтобы неуклюжий ребенок ненароком не задел его больные ноги, и если таковое случалось, то наказание следовало немедленно — высохший ивовый прутик оставлял бурую отметину на ее крохотных коленках.

И этот мальчик тоже... Неужели он говорит правду? Неужели взрослые знают о том, что знает отец Турсуна, и молчат?

Девочка Ася шла, молча разглядывая некую точку на горизонте, а за ней, опустив голову, плелся Турсун. Если бы у него были слезы, он бы заплакал от отчаяния и чувства непонятной вины перед нею, но Турсун никогда не плакал. А сейчас хотелось. И он заплакал. Остановился, отвернулся и заплакал.

Ася вдруг почувствовала, что Турсуна нет рядом. Оглянулась. Тот сидел на солончаке, обняв колени припорошенными бурой пылью руками. Удивленная, она подошла и увидела, что Турсун беззвучно плачет. Ася взяла ослика за поводок и потянула.

Мальчик встал и пошел вслед за девочкой, ведшей его ослика на коротком поводке.

Поздно вечером они пришли к барaku, и Ася отпустила ослика. Тот привычно зашагал в свой двор.

Турсун лег под свой навес и закрыл глаза. На него навалились ночные шорохи и свист безумных сверчков...

В конце августа надо было возвращаться домой, к родственникам в Ходжейли, чтобы к сентябрю успеть в школу.

Было воскресенье. Решили встать пораньше, пока не наступит жара, но проспали рассвет — солнце грело всю, люди уже уехали в поле. Братик никак не мог проснуться, Ася тормошила его. И тут увидела у изголовья своей постели продолговатую

дыню. Желтым боком, испещренным темными рисками, она придавила снаружи край марлевого полога, источая душистый запах мяты.

Мама сказала, что дыню принес мальчик Турсун. Он погнал своего ослика, груженного овощами, на чарджоуский базар...

Александр Кан

ОТКРЫТЬ ГЛАЗА И НЕ ИСПУГАТЬСЯ

Памяти моего отца

ВСТУПЛЕНИЕ

Данное размышление рассматривает тему более чем векового существования корейской диаспоры в России с различных, но в основном, с экзистенциальной точки зрения — в этом ракурсе собственно и ставится проблема, — и состоит из трех частей, соответствующих трем временным измерениям.

Первая часть. Настоящее. Настоящее российских (советских) корейцев в историческом, социополитическом и культурном контексте.

Вторая часть. Прошлое. Экзистенциальное прошлое человека диаспоры. Память как пустота. Память как ожог. Память перестает быть памятью, становясь прошлым, настоящим и будущим. Память становится истинным содержанием человеческого Духа.

Третья часть. Будущее. Из экзистенциального прошлого к будущему, а точнее, к будущности человеческого Духа. Духа уже вне каких-либо рамок — национальных, временных, географических, исторических. Новый миф нового времени о новом человеке, которого прежде не существовало никогда.

С другой стороны, каждую из трех частей данного исследования буквально и символически можно соотнести с определенным местоимением. Соответственно: «ОНИ», «МЫ» и «Я»).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ОНИ»

Для начала не будет лишним заметить, что все последующее рассуждение сугубо субъективно и касается существования корейской диаспоры в условиях многонациональной России, со всеми его особенностями, принципиально отличными от условий проживания других этнических групп. Это должно избавить

нас от рассуждений общего порядка и всяческих «общенациональных» социально-политических советов (а чаще попросту мечтаний), которые по своей риторической и тавтологической природе абсолютно чужды автору, да и не имеют — в любом случае — особого смысла.

Так вот, что касается особенностей существования корейской диаспоры в России, то отправным и основополагающим моментом его является тот факт, что советские корейцы никогда не имели, не имеют и, вероятно, не будут иметь своих территориальных — геополитических — образований, а следовательно, многие вопросы, актуальные для других, в нашем случае либо вовсе снимаются, либо проецируются на плоскость этнического существования с несколько иными акцентами. И это принципиально важно.

Говоря о прошлом, я в первую очередь вижу... дыру, социально-политическую дыру, в которой исчезли — мой личный пример типичен для всей корейской диаспоры — мои предки: сталинские репрессии, этническая чистка на Дальнем Востоке в целях обезопасить регион от проникновения японских шпионов, которых объединяла с корейскими поселенцами чисто внешняя схожесть, пристрастное внимание к переселенцам со стороны соответствующих органов. Отсюда ощущение, что что-то не в порядке с твоей физиономией — цвет волос, разрез глаз... Отсюда и многие психофизические, ментальные искривления у «уродцев». При этом никогда не стоит забывать, что на самом деле беда, случившаяся с людьми в смутные тридцатые годы, никоим образом не определялась этнической окраской, лицо ее, этой беды, совершенно анационально. Репрессии носили чисто политический характер. Любого и в любой момент могли сорвать с насиженного места, за любым могли следить неустанно. Но если все же необходим был компромат, чтобы упечь человека за решетку, то тем же самым корейцам одного внешнего вида было достаточно, чтобы однажды услышать за своими-чужими дверями зловещий стук неотвратимых командорских шагов.

Позвольте здесь ввести понятие этнического экзистенциализма, который я пережил на собственном опыте и который неотъемлем от опыта моих неведомых предков. Бытовое, повседневное его присутствие можно с лихвой наблюдать, к примеру, и сегодня в той же самой Москве — вытеснение инородцев по признаку их элементарной «узнаваемости». Приближающийся милиционер заранее с хищным восторгом взирает на твое лицо.

Понятие этнического экзистенциализма требует, разумеется, более серьезного и обстоятельного рассмотрения, мы же при помощи его обозначим основы, на которых будет строиться наше последующее размышление.

Россия XIX и XX веков — это для меня в первую очередь ее Культура, Литература, Искусство. Здесь не может идти речь об уровне ее цивилизации, непосредственно влияющем на межнациональные отношения, ибо цивилизация и культура являют собой порой понятия взаимоисключающие. Я бы осмелился предположить, что и в сознание большинства представителей корейской диаспоры, не имеющих непосредственного отношения к культуре как особой области человеческой деятельности, фактор русской культуры проник настолько глубоко, что с ее влиянием спорить совершенно бессмысленно. Культура есть конкретное, в России более чем конкретное явление, оставившее неизгладимый след в генетической памяти нескольких поколений корейцев.

В случае российских корейцев вопрос об имперском покорении «ста народов» попросту снимается: корейцы сами в поисках заработков проникали на территорию Дальнего Востока, и никто их не покорял, равно как и не приглашал.

Самоощущение вечного гостя принципиально важно для национального сознания, оно пронизывало, пронизывает и будет — через поколения — пронизывать все их существование: вся ментальная, психологическая и даже физическая их пластика, пластика их движения всегда непосредственно или опосредованно отражает движение, жест, притоп, ухмылку хозяина, отворившего дверь навстречу непрошеному гостю.

Оказавшись на чужой территории, кореец автоматически расставался со своей культурой, традициями, национальным духом, и это он понимал как никто другой. По прошествии определенного «испытательного» срока он мог называть себя русским, татаринном, якутом, казахом — кем угодно, и, может быть, в самую последнюю очередь корейцем. Но в любом случае он попадал под сильнейшее влияние русской культуры, которая, несомненно, обогащала его, как и многих инородцев, проживавших на территории распавшегося теперь СССР.

Дальнейшему искажению национального самосознания способствовала политика государства, не имевшего, повторю здесь, определенного национального лица. Бессмысленно считать,

сколько корейцев, родившихся в 30–40-е годы, носили такие имена, как Искра, Октябрина, Вилен, Виссарион, Лаврентий и так далее. Социально-политическая мимикрия на таком ономастическом уровне также является отражением некоей всеобщей этнической стерилизации. И только «пятый пункт» в одночасье вскрывал весь ужас политического лицемерия: человек, подающий документы в какую-либо государственную организацию, вынужден был задумываться, кем он мог бы стать, не будь он корейцем или евреем.

Возникает ли теперь мстительное чувство по поводу несправедливого простого, желание сводить национальные счета? Нет и нет! Говорю это только о российских корейцах, ибо по их понятиям гость, не имеющий своего угла в исторически чужом доме, даже и думать об этом не смеет. Быть может, дело в отсутствии почвы, земли, которая — примеров тому бесчисленное множество — так сильно «засасывает», что попытка оторвать от нее человека непременно отдается в его голове залпом безудержного национализма. Сегодня в той же самой цивилизованной Японии многие корейские поселенцы, численность которых достигает одного миллиона, вынуждены чаще всего менять свою национальность и имя в паспорте, дабы иметь благополучную карьеру и просто-напросто спокойно, в достатке, жить. На российской почве, это, как нетрудно догадаться, смысла не имеет.

Драматическое простое корейской диаспоры естественно наложило отпечаток на нынешний уровень развития российских корейцев. Путь движения корейцев по России таков: Дальний Восток—Казахстан и Средняя Азия—Европейская Россия. Если первые два звена данной цепи — результат политического давления, то последнее звено — следствие вполне цивилизованного перемещения: многие российские корейцы, заканчивая учебные заведения, оставались в России. Формальный образовательный уровень российских корейцев достаточно высок, что вполне объяснимо: инородец, помимо генетически заложенного в него трудолюбия, а точнее — уберем второй, вероятно, неуместный корень — трудоголизма, старался обязательно получить высшее образование в те еще памятные времена, когда это было престижно, тем самым как бы охраняя себя от возможных посягательств анонимных хозяев. Добавим к этому несомненные способности к точным наукам, изобразительному искусству, вокалу и так далее. Но нас интересует не формальный, а истинный, фактический уровень сегодняшнего развития, в первую очередь

духовного и интеллектуального, российских корейцев. По этому поводу существует две точки зрения: первая, которую разделяю и я, основывающаяся на абсолютных критериях, и вторая, относительная, соизмеряющаяся с аналогичным уровнем развития зарубежных корейцев, которых сегодня в России более чем достаточно, а значит, есть с чем сравнивать.

В силу тяжелого исторического прошлого — японская оккупация, разруха и нищета в стране, постоянная миграция, корейцы всегда являлись предельными прагматиками и, как было уже сказано, трудоголиками. Без этого, согласитесь, трудно было бы выжить и добиться чего-либо народу, долгое время не имевшему возможности жить самостоятельно и независимо.

Следовательно, корейцы, в том числе и российские, попав на чужую землю, всегда старались добиться относительного материального достатка. Это являлось первым и основным условием их существования. Другое дело, имеет ли какое-либо отношение этот фактор к мировоззренческому, интеллектуальному и духовному уровню их развития? Опять же повторю, что говорим мы здесь по самому высокому счету, никак не сравнивая корейцев с представителями других этнических групп, ибо сравнение само по себе уничижительно и порочно: всегда найдется кто-то, кто по уровню развития стоит ниже тебя. Так вот, к сожалению, непосредственной связи между образом, стилем существования и уровнем культурного развития корейцев не прослеживается. И если говорить откровенно, то большинству корейцев этого и не нужно. Я уж не говорю о каком-либо проникновении в мировую культуру через русскую — большинство культурных посылов корейцев сводится к... традиционной пище как самому устойчивому культурному национальному достоянию. Заметьте, как стремительно скатывается культура до уровня наших желудков! Я, конечно же, не призываю к тому, чтобы каждый представитель корейской диаспоры толковал и трактовал темные места в поэзии провансальских трубадуров или тайнопись Дж. Сэлинджера, но обращенность к духовному, не представительская, не, простите за нарушения стиля, тусовочная, а истинная должна быть. Я говорю сейчас о самом большом, на мой взгляд, зле для любого народа, независимо от его численности, — я говорю о мировоззренческом провинциализме, который и заложен в основе многих национальных противоречий.

За примерами далеко ходить не надо: уровень корейских печатных изданий и прочих средств массовой информации, теат-

ральных и музыкальных коллективов, коих в общей сложности насчитывается совсем немного на территории бывшего СССР, непозволительно низок. Причин тому много. Основная из них — искусственная зацепка за родной корейский язык — согласиться, звучит более чем парадоксально! — который, если смотреть правде в глаза, в сегодняшних условиях не имеет никакого будущего. Основная масса представителей корейской диаспоры старшего и среднего поколения, не зная — и это факт — корейского языка, толком не знает и русского. Наблюдается состояние, скажем так, междуязычия: одинокий корабль меж двух маяков, и оба манят так куда же в конце концов плыть? — особенно в нынешние времена этнического «ренессанса». Для корейцев подобное междуязычие на самом деле оборачивается безъязычием. А те немногие культурные и художественные достижения, которые ознаменованы короткими корейскими именами в России, — результат как генетического, так и культурологического — слияния корейской и русской крови, и это очень символично и закономерно. Только в этом я вижу выход для замшелой, законсервировавшейся в годы политического безвременья корейской культуры. Этот выход лежит на пути сращения мощного подсознательного пласта национальной — психологической и художественной — пластики (поверьте мне, она более чем замечательна и до сих пор никому не известна, и в первую очередь, это касается области литературы) с российским образованием и российским контекстом. Только это слияние может дать значительный культурологический эффект.

Здесь, однако, я должен внести существенную поправку: понятия культурного уровня народа в случае советских корейцев попросту не существует, ибо корейцы, российские корейцы, это не народ, а, по сути, сообщество одиночек или семейных образований, которые иногда, скажем по праздникам, встречаются в церкви или культурном центре. И дело здесь не столько в вынужденной рассеянности корейской диаспоры, сколько еще в одной характерной черте корейского менталитета — в острой, необратимой разобщенности корейцев, их изначальном недоверии друг к другу, даже взаимной неприязни, в сущности, нелюбви. Происхождение этого странного, мягко говоря, не родственного чувства заключается в комплексе инородца, истязающего себя и своего этнического ближнего, который своим видом, своим существованием «уродливо» напоминает ему самого себя — «растиражированного» себя, всегда готового, как исторически

сложил ось, к унижению. И нет никакой возможности обрести в таком ближнем опору и защиту! Даже знаменитое противостояние Севера и Юга, по моему глубокому убеждению, имеет совершенно иную природу, чем это было в свое время в разделенной Германии. Проблема Севера и Юга в первую очередь не политическая, а мировоззренческая, психологическая, условно говоря, проблема родных братьев Хынбу и Нольбу, классических персонажей древней корейской прозы, — остро ненавидящих и непрестанно унижающих друг друга.

Но если, по моему разумению, культурный и мировоззренческий уровень российских корейцев оставляет желать лучшего, то их зарубежные соотечественники отличаются от них отнюдь не в лучшую сторону. И дело даже не в пресловутой русской широте, не в способности россиян в любой момент, независимо от того, чем они занимаются и где служат, порассуждать за стаканом вина о Толстом и Достоевском, а в мировоззренческой широте, взращенной на почве открытости всем — восточным и западным — культурам, в готовности впитывать это роскошное многообразие различных культур.

К сожалению, с моими соотечественниками из той же Республики Корея дело обстоит намного сложнее. Вырвавшись за короткий срок из состояния нищеты, разрушенной сельскохозяйственной страны и обретая ныне статус экономически развитой, они не догадались позаботиться о собственной культуре и вдруг обнаружили за своей спиной бездонную пропасть, отделяющую их от монолита культуры древней. «Национальный монотеизм», ксенофобия (Корея — одно из самых мононациональных государств в мире) усугубляют проблему и делают для корейских граждан реальной опасностью остаться провинциальными нуворишами, сменившими деревенские лохмотья на цивилизованную европейскую одежду. Тот факт, что сейчас, когда я пишу эту статью, на моем столе лежат четыре книги — сочинения Кьеркегора, Библия, корейские сказания и проза Евгения Харитоновна, а не — Боже упаси! — великий труд Ким Ир Сена или пособие по менеджменту (простите за, быть может, чрезмерную конкретность и личный характер сравнения), приводит меня в состояние светлого восторга и некоторой оторопи оттого, что со мной могло случиться нечто иное.

Что же касается культурного будущего российских корейцев, то у меня нет никакого основания смотреть вперед с оптимизмом, если учитывать общее состояние российского общества.

Появление же отдельных культурных — по самому высокому счету — представителей корейской диаспоры, конечно же, весьма вероятно, но это скорей дело Провидения, скажем так, божественной генетики — вопрос иррациональный и непредсказуемый.

Впрочем, говоря о национальном будущем России, надо сказать, что все-таки это будущее видится мне более ясным и светлым, чем прошлое, ведь затмевавшей прежде глаза пелены политического идиотизма уже нет, и, значит, мы все вместе учимся глядеть на мир собственными глазами, фокусировать свое зрение. Пятна и блики постепенно превращаются в контуры, формы, предметы, и оказывается, что многие из них — одушевленные: двигаются, чувствуют и думают и даже — о Господи! — наполнены духом и смыслом реального существования. От бликов к лицам — так бы я обозначил направленность развития межнациональных отношений и данных размышлений, ведь именно — простите за неизбежный трюизм — из-за незнания своего национального соседа возникает слепое чувство к нему, будь оно восторженным или уничижительным.

А говоря о межнациональном языке общения, было бы странным называть какой-либо иной, кроме единственно возможного. Я могу с полной уверенностью заявить, что для советских (российских) корейцев родным языком может являться и является только русский, и, вероятно, если и найдутся ревностные радетели чистоты национального языка, то их окажется очень немного опять же в силу пресловутого корейского прагматизма и трезвой рационалистичности мышления. Даже если говорить о литературе, то в контексте корейской диаспоры проблема снимается: существующие очень немногочисленные профессиональные корейские литераторы пишут только по-русски, а единственный достойный корейскоязычный писатель и драматург Хан Дин, выходец из Северной Кореи, умер в городе Алма-Ате в 1993 году.

Завершая, я бы хотел напомнить, что исторический опыт корейской диаспоры в условиях бывшего СССР, а ныне России уникален. Пути выживания ее представителей были сугубо самостоятельными и индивидуальными. У корейца никогда не было рядом плеча этнически ближнего, не было даже ощущения этого плеча — символа целостности любого национального образования. Каждый выбирался в одиночку, не с кем было объединяться и совместно требовать национальных прав.

Пресловутая корейская разобщенность, вынужденная необходимостью самостоятельного движения и выбора — одиночного в отличие от других народов, имевших свою законную землю, язык и пусть теоретическую, но целостность — при неизбежных ошибках и утратах все-таки укрепляла стойкость духа и волю. В многонациональном контексте России корейцы, быть может, странно и выгодно отличаются от представителей других народов именно своей физической, психологической, ментальной одинокостью, которая ограждала их от расслабляющего чувства коллективизма и стадности, так пагубно влияющего на межнациональные отношения. Если сделать попытку обобщения, то российские корейцы, согласно моему пониманию, представляют собой ни в коем случае не народ и даже не этническую группу, а сообщество, я бы сказал, формальное сообщество разбросанных по необъятным просторам нашей страны личностей. Пройдя сквозь вязкие, смутные десятилетия политического произвола, они не утратили своего национального лица (другой вопрос, чего это им стоило) — и в тяжелые времена обращались не к своему народу, не к группе товарищей, а только и только к самому себе. В этом и заключается, на мой взгляд, истинно национальное и в то же время общечеловеческое — не требовать гарантий прав, уповая на численность и крикливость своих соотечественников, не требовать гарантий от общества, правительства, всего мира и времени, гарантий извне, а полагаться лишь на себя — самодостаточного и наполненного Духом себя.

И напоследок: в классической корейской прозе существует поистине символический и вечный герой Хон Киль Дон. Он неустанно борется за собственное достоинство, побеждает врагов, на месте которых вырастают все новые и новые. Но вот в конце своего славного и победоносного пути, перед тем как последовать за божественным астральным старцем, забирающим доблестных героев на небо, Хон Киль Дон, закрыв глаза, беседует с восхищенным государем. Государь спрашивает: «Почему ты не открываешь глаз?» Герой отвечает: «Если я их открою, вы испугаетесь...». Мне думается, это и точная модель исторического существования всех народов России до нынешних времен: все мы шли тяжело, драматично, на ощупь, вслепую, прикрывая глаза, замуриваясь от ужаса, и у всех нас, в наших глазах и душах, на самом нашем донышке, накапливалось то ужасное, мучительное и неразрешимое, что заставляет нас сегодня так легкомысленно хвататься за оружие, демонстрируя национальную непримиримость. Настало

время открыть глаза. Но как страшно это сделать! Как при этом не напугать, не поранить, не обидеть — неистовым огнем или крошечным холодом — своего ближнего? Доблестный Хон Киль Дон так и не открыл глаза, великодушно пощадив своего собеседника, он покинул эту бrenную землю. Нам же, простым смертным, ничего не остается, как продолжать идти по ней, но уже не вслепую, не на ощупь, как раньше, а с широко раскрытыми глазами. Однако прежде чем открыть их, следует набраться великодушия, и тогда сквозь холод, сквозь мрак исторического забвения в них все-таки затеплится маленький и уже негасимый огонь бытия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «МЫ»

Если подавляющее большинство населения бывшего Союза, окружив себя заборами — деревянными, металлическими, бетонными, политическими, этническими, культурологическими, социальными, — уже успешно проходит таможенный досмотр истории с новехонькими паспортами, или — что то же самое — с ласкающим слух и звучащим как пароль на устах: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...», то в этой бесконечной веренице новоявленных патриотов-беженцев попадают очень подозрительные личности, у которых — таможенник, бди! — не все в порядке с документами. Называют их всегда по-разному: от зайцев-безбилетников-лишенцев до более нейтрального: представителей национальных меньшинств. В данной работе, как было в самом начале объявлено, мы будем говорить о советских или постсоветских корейцах, численность которых на сегодняшний момент составляет примерно 480 тысяч на всей территории СНГ.

Корейцы как срез разноэтнических, но речь пойдет о большем, — разномировоззренческих диаспор очень выразительны в своем стиле и способе существования, в своем менталитете, наконец, в вечном своем молчании, поверхностно объясняемом сторонними наблюдателями пресловутой восточной сдержанностью, и в этой их потомственной тишине отчетливо выявляется их личностная и, в то же время, национальная суть.

Вы когда-нибудь бывали на чужих праздниках? Конечно, бывали, ничего тут особенного: приходишь в дом, ешь, пьешь, улыбаешься, много ешь, много пьешь и много улыбаешься, пьянеешь, закусываешь, еще больше пьянеешь, вдруг веселишься, пьянеешь окончательно, под конец устраиваешь скандал и тор-

жественно падаешь под стол. Схема чужого праздника выразительная проста: тот, кто пьет, немедленно становится своим, кто не пьет, остается вечно чужим и несет на своих плечах тяжелый крест всеобщего пьяного презрения.

Осмелюсь предположить, что корейцы в категориях нашего размышления пьют совсем мало, более того: в пьяно-похмельной атмосфере нашего времени — невыносимо трезвы.

(Здесь конечно же имеется в виду только творческая, созидаящая материальные и духовные продукты общества прослойка диаспоры, ибо только она и может представлять наш главный интерес.) Очевидно, чтобы поскорей попасть в историю, следует немедленно опрокинуть стакан и — ради Бога! — называя себя русским, татарин, молдаванин, таджик, украинцем, кыргызом, казахом, армянином, гражданином ЮАР, Канады, США, объединенной Германии — можно, гражданином Республики Саха... — мир ждет тебя, мир очень велик! — после спой песню про дом и деревню, и на таможне истории тебя непременно пропустят. Те, кто не смогут выпить сей веселящий напиток, увы, так и останутся по ту сторону барьера...

Я в свое время находился в обоих состояниях, и если с первым все ясно, то, находясь во втором, ощущал невыносимую пустоту, растекавшуюся изнутри по моей, никому не нужной, оболочке, прекрасно понимая, что этот праздник — вечно не твой, и у других, веселившихся на своем-чужом празднике, быть может, происходил тот же самый процесс, разве что концентрация дурманящих газов была различная, что, в сущности, и определяло их стойко последовательный суверенитет.

Впрочем, об этом несравнимо более емко и образно было сказано еще в начале века Томасом Стернзом Элиотом, анатомически разложившим существо подложных личностей.

Мы полые люди,
Мы чучела, а не люди,
Склоняемся вместе —
Труха в голове.
Бормочем вместе
Тихо и сухо,
Без чувства и сути,
Как ветер в сухой траве.

(Перевод А. Сергеева)

Оставим эмоции и двинемся дальше! Но где же тот свет, что освещает нам нашу дорогу? Те, кто ушли, уже ушли, пусть с подложными документами, пусть с переплавленными оболочками, — измени цвет волос, измени разрез глаз, научись говорить как другие, научись любить то, что любят другие, забудь о том, из чего ты вышел и произрос, забудь обо всем и, наконец, не говори об этом никому. «Как ветер в сухой траве».

За два года работы в газете казахстанских корейцев «Коре», а прошло с тех пор совсем немного времени, мне доводилось встречаться со многими представителями так называемой творческой и научной интеллигенции. В разговорах с ними я неизменно сталкивался с одним и тем же — с тем, что нет традиций, связующих с древностью, школы, преемственности ни в искусстве — изобразительном, литературе, музыке, танцах, ни в науке о советских корейцах, тем не менее, упрямо называвшейся в те времена советским корееведением. Грустно, думал я, возвращаясь после таких разговоров домой, — значит, нас на самом деле нет, нет наших проспекций на экране человеческой истории, и, в сущности, нет наших теней. Вы только представьте себе: идет человек по земле и не отбрасывает никакой тени, но я-то вижу свою, пытался я себя успокоить, и в буквальном и в метафорическом смысле, но снова вспоминал об услышанном, о людях, именующих себя интеллигентами, но если нет ничего, то о какой интеллигенции вообще может идти речь?! — думал я, здесь какой-то обман, и вдруг наступал на свою земную тень, которой быть не должно было, и понимал, что солнце меня тоже обманывает.

Человек-капсула

Говоря о тотальной суверенизации или островизации общества, мы никак не можем пройти мимо главного и сущностного явления нашего сегодняшнего существования — островизации личности. И дело здесь совсем не в этнических границах, а, как мы уже говорили ранее, в мировоззренческих (понятие мировоззренческой диаспоры емко, символично и в то же время конкретно, актуально именно сегодня), когда мы ежедневно видим, как по улицам ходят, бродят, ездят на машинах человек-государства со своей индивидуальной конституцией, сводом законов, судом чести, армией рук и ног, дипломатией губ, глаз и бровей, скрытой от всех моралью, внутренними диссидентами

— укорами совести, вспышками одинокого сознания. Что им до общепринятых государственных ценностей? Это что-то очень общее, произносится и осмысливается через дефис — никем до конца не осознанное, да и не обреченное, если уж до конца говорить, на осознание, и потому все общественное проходит мимо субъекта — все на ветер, в сквозняк, в пыль, в повседневное и вечное небытие. Как здесь не вспомнить великого Дилана Томаса, поэтически сформулировавшего в XX веке идею маргинального сознания: «За берегами костей и мелководьем плоти — земля без конца!»

Если повсеместно существуют человеко-государства, воюющие друг с другом в бесконечных очередях за хлебом и счастьем, на трибунах, в коридорах власти и коммунальных квартирах, никак не желающие слушать друг друга, то существуют еще более глубокие инородцы, разительно отличающиеся от первых степенью самоотторжения и замкнутости, неизлечимо замороженные собой. Их даже и государствами с присущими им дипломатией, внешней политикой, контактами с другими суверенными телами, невозможно назвать, ибо это люди-капсулы, запущенные, как сказал однажды Иосиф Бродский, неизвестно куда. Внесем некоторую поправку — в контексте нашего размышления — в высказывание Поэта: это капсулы, запущенные известно куда, — в тесное соседство таких же наглухо запаянных капсул, которым необходимо только одно: непоколебимый вечный покой. И вновь вспомним Дилана Томаса:

Ловит со шпиля слух,
Дубасят руки в дверь,
Видит с башни глаз,
Пальцы к замку спешат,
Им отпереть или так
И жить, пока не умру,
В белых стенах незрим,
Чуждым глазам?

(Перевод М. Кореновой)

Не это ли тот самый роковой вопрос, неизбывно мучающий мировоззренческого инородца или человека-капсулу, у которого только и был что его вечный испуг, вечным эхом гулявший в лабиринтах его наглухо запаянной оболочки, его больная па-

мять, которая только и может, что сама себя стыдиться, — память о пустоте, о том, как его не было и нет? Возможно ли здесь говорить о какой-то будущности этого пленившего самого себя Духа, если не решен глобальный вопрос: им отпереть или так и жить, пока не умру?

Корейские крестьяне средних веков молили небо о своих урожаях и для этого мастерили соломенных кукол в вотивных позах, а после раскидывали их по земле. Куклы эти назывались чхоен. Модель данной ситуации знаменательна и символична. Я глубоко убежден, что самое великое произведение искусства, которое когда-либо создавали люди за всю историю своего существования, в нашем случае корейские крестьяне, могла бы являть собой именно эта кукла чхоен. У других народов она называлась бы по-другому — кукла, лежавшая под огромным и равнодушным небом, если бы эти примитивные художники не просили бы посредством нее милостей от неба. Это бесконечное их ожидание, унижительная зависимость от необозримого и непостижимого, что существовало и существует в истории и культуре всех народов мира, в сущности, и приземляло свершившийся было акт искусства, превращая все в заунывный процесс прошения, требования, декларирования, гневного общественного обращения, — всего того, в чем пребывает ныне постсоветское общество. Как результат искусство исчезало так же неожиданно, как и появлялось. И пред глазами представал тоскливый пейзаж: согбенный крестьянин, какие-то кучки соломы на земле. Дождь, снег, солнце, тучи — так распоряжалось Небо. А после: вздохи смирения, скупая крестьянская рефлексия, плуг, мотыга, почва... Та самая почва, что и превращала чхоен в нелепое соломенное безобразие!

Возрождение духа

Говоря о мировоззренческом возрождении любого народа, мы всегда забываем об истинной будущности человеческого Духа, о линиях его продолжения, о его воздушных путях. Что в таком случае можно сказать о людях, ставших заложниками своей родины, своего острова, своей вечно глубокой, вечно платоновской пещеры, по призрачным теням которой они тосковали так много лет? Вместо того чтобы нести в себе тоску по запретному свету, эти пленники, кое-как выбравшись к выходу из своего мировоззренческого небытия, вдруг заткнули его, за-

слонили очередным каменным островом, вновь погружая себя в непроглядный мрак. Быть может, никто из них и не способен в настоящее время существовать по-иному, ведь если островизация сознания приводит в некоему реально существующему явлению, общественному событию, историческому факту, то как же должен быть могуч человеческий Дух, чтобы отвести такое сознание обратно в пустоту!

Но если говорить о художническом, или — еще шире — о творческом, сознании человека как единственно возможном в контексте всего земного существования, магнетически притянутом к точке, пустоте, к тому, чего нет и не было, то не возродится ли в таком случае Дух, признаваясь наконец себе в том, что ничего не было, нет и — не будет никогда? Какие простые и, казалось бы, бессмысленные слова, но от них почему-то становится несоизмеримо легче и светлее, ибо в этом вдруг высвободившемся из любых темниц — территориальных, этнических, мировоззренческих — космосе Духа исчезает любая заданность и направленность, исчезает влияние любых сил притяжения. Зрение меркнет, перерождаясь в новое зрение, руки без рук чисты, душа бездушного призрака стремительно разрастается в своих размерах, а Память становится равнопротяженной как в ту, так и в другую сторону. Какую ту? Какую другую? Память перестает быть памятью, становясь прошлым, настоящим и будущим. Или истинным содержанием человеческого Духа. И именно в этот момент останавливается в сознании движение той безумной спирали, того магического волчка, притягивающего в своем вращении каждого из нас к центру пустоты, небытия, к тупику как единственно возможному выходу. И именно в этот момент вытягиваются наконец все кривые, замкнутые и даже точки инородческого сознания в одну бесконечную линию, и остается одно великое и вечное движение Духа, который будет творить в своей равнопротяженности себе подобных — некие чхоен, некие модели несуществующего, но все равно — все равно! — будущего мира.

Когда средневековый корейский крестьянин мастерил своих соломенных кукол, то ему оставалось сделать малое — так видится мне, его далекому потомку, потерявшему свою тень и почву под ногами, которую он в свое время так старательно обрабатывал, — оставалось лишь отвести свой взгляд от пасмурного неба, от своего всегда фальшивого божества, в которого он так безумно верил, от равнодушного и так часто обманывавшего его мира

и перестать просить, пребывая в вечном унижении, перестать просить раз и навсегда, а после двинуться дальше — мимо того, чего на самом деле не было, нет и не будет, ибо в этом и заключается право и выбор истинно сильного.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: «Я»

Я убежден, что Бог — это любовь; эта мысль имеет для меня изначальную лирическую достоверность. Когда она реально присутствует для меня, я несказанно счастлив, когда отсутствует, я томлюсь по ней более страстно, чем возлюбленный — по предмету своих желаний...

Серен Кьеркегор. Страх и трепет

Самым памятным воспоминанием моего детства и по сей день остается одна странная игра, в которую мы играли с моей старшей сестрой, оставаясь с ней наедине в пустом доме, а пустота, как воздух жизни, окружала нас всегда, поскольку отца у нас не было — остался в далеком краю как истинный патриот своей страны, — мать же, точнее, тень от матери просачивалась в наш дом лишь темными поздними вечерами, быть может, спасаясь там, на работе, от ужасов «международного» брака, расторгнутого столкновением двух политических режимов, вдруг обнаруживших взаимную несовместимость. Так вот, игра эта заключалась в следующем: если у сестры в силу различных, порой неумопостигаемых причин было плохое настроение, она запирала меня в туалет, точнее, находя любой, сколь угодно уместный повод, вежливо заводила меня в темную комнатку санузла и плотно прикрывала за мной дверь, тем самым, изымая меня из жизненного пространства, и только тогда начинала спокойно жить — готовиться к школе, весело переговариваться с подружками по телефону и даже, что было для меня самым ужасным, приглашать в дом гостей. Ужас моего состояния заключался в возможности обнаружения этими самыми гостями, свободно расхаживавшими по нашему дому, моего странного положения, но еще больший ужас заключался в том, что дверь, за которой я безропотно томился в заключении, никогда не была заперта, да и запиралась она изнутри, то есть с моей стороны. В сущности, никто меня невольно и не держал в заключении, и я всегда мог выйти из своей тюрьмы, но именно этот момент само-

вольного выхода и предполагал со стороны моей деспотичной сестры целый ряд бесконечных моральных наказаний. Можно сказать, что суть этой игры сводилась к проверке на прочность моего неокрепшего духа, и, честно признаться, я не часто выдерживал это испытание. Таким образом, уже после, много лет спустя, когда многоликие анкетеры-приятели, учителя, ученики, собутыльники, — задавали мне банальный вопрос о самом ярком воспоминании моего детства, мне ничего не оставалось, как тупо молчать либо нести какую-нибудь оптимистическую чушь — в сущности, насилуя себя, воровать чужие воспоминания, выдавать их за свои, быть может, успокаивая себя тем, что если бы мне был задан вопрос о самом темном воспоминании моего детства, то здесь, вероятно, я бы мог стать абсолютным чемпионом.

А теперь представим себе состояние человека, вышедшего на свет, на свет жизни, из своего темного угла, в котором, как оказалось, можно было так долго покоиться, словно ты, не прожив и дня, одним махом, чьим-то волевым решением, был брошен к стопам своей старости, ее ветхим тапочкам, к гробовой доске, — в баню с пауками по Достоевскому, в сны в ложбинах Артюра Рембо, в комнату с перевоплотившимся Грегором Замзой, в номера с белоснежными унитазами Хулио Кортасара; — в общем, ко всему тому, что говорит тебе, точнее, утверждает, что жизнь кончена, что жизни больше нет. В то же время — ужас настоящего! — все окружающее тебя говорит о том, что жизнь твоя только начинается, что в этом нестерпимо блистающем, линейном времени и тебе отведен какой-то путь, дорога, по которой ты можешь идти, — только передвигай ногами! И здесь, в момент волнующей роскоши обещаний, в момент сияющих перспектив — солнце встает над горизонтом, род проходит и род приходит, идет ветер к югу, реки текут в море, но море не переполняется... о, здравствуй, Эклезиаст! — именно здесь и возникает главная проблема для неопита солнечного света: как же ему, в сущности призраку, следует двигаться, каким образом — в буквальном смысле передвигать ему ногами, и что должно двигать его, какие такие неодолимые силы, если за его спиной, спиной призрака, не было ничего — быть может, только ночные слезы матери и глухие стоны оставшегося в неведомом краю отца? В сущности, самая малость...

Для человека помнящего и осязающего — до родных запахов, до кончиков пальцев, до утренних песен птиц — свое прошлое

такой проблемы просто не существует, ведь это самое прошлое — к примеру, домик с черепичной крышей, мать, стирающая белье в реке, горячий завтрак на столе, домашние тапочки у твоей кровати — мягко подталкивает тебя в спину, уже выстраивает свои бесконечные линии, проецируя свои чудесные образы на экране настоящего и будущего существования, — только подчинись и повторяй... Для нашего призрака нет такой ласковой силы, есть глухая комната, темная впалость, пещера мира, которая в противовес к общему — направленному — движению притягивает его к уже пережитой старости, к покою, К мудрому ничегонделанию, к снам нерожденных, к некоей непреложной и неуничтожимой дыре.

Мне так и видится до пронзительной ясности следующая картина: призрак как мое повторение, уже без партнера-сестры, без всякого контролера, тихо поворачивается к двери, заслоняющей эту дыру, и начинает прислушиваться к тому, что творится за дверью. Если вы — через ужас отторжения и унижения, через тесную близость смерти, пронизывающий холод одиночества, невозможность собственной идентификации за все это время научились любить только эту дыру, эту пустоту — да будет мир как комната и воображение! — то этого конечно же, никто у вас не отнимет, да и никогда не станет отнимать. Для нашего призрака, безумно влюбленного в пустоту, в данной тупиковой ситуации есть только один выход — создать прошлое собственными руками, собственным воображением, благо пространства в этом безжизненном космосе более чем достаточно, а время, мертвое и застывшее, как сталактиты пещер, еще не начало свой бег, и здесь, именно здесь, на абсолютно пустом месте, в невозможности что-либо в своей жизни потерять — потому как ничего никогда не было, — и наступает момент зарождения истинной литературы — литературы отчаяния.

Событие литературы для маргинала, мировоззренческого инородца, для бесцельно блуждающего духа, потустороннего соглядата, принципиально не может быть отягощено ничем, ибо родина, память, родословная мифологических, согласно твоей личной мифологии, героев не имеют своих жестких координат. Есть стойкое ощущение промелька, проблеска, какого-то скоротечного, безвозвратно ушедшего образа, словно ты сидишь в поезде, и в этом пестром мелькании за окном что-то непременно — на какие-то доли мгновений — останавливает и

притягивает твой взгляд, в таком случае — будь мужественным пассажиром! — этот взмах, это пятнышко, уголок неба, облачко дыма из печной трубы, шевеление осенней листвы, всплеск речной воды — все это фрагментарное, обрывочное, что попадает в поле твоего зрения, и есть содержание твоей тоски, невыносимой тоски по этим обрывкам, кусочкам, по этим взмахам и всплескам, — все это и есть безумная влюбленность в то, что не принадлежит тебе и не будет принадлежать тебе никогда.

Для того чтобы создать прошлое, призраку требуется история — история такого же призрака, который был бы безнадежно влюблен в то, во что влюблен его Автор. Для создания художественного пространства этой истории необходимы законы движения ее героя, то есть то, что так требуется в реальной жизни ее автору. Для создания законов движения и собственно самого движения необходимо вполне осязаемое прошлое, но никак не дыра, оставшаяся в наследство призраку от неведомых, так и не воплотившихся в земных реалиях, родителей.

И именно здесь обнаруживается чудо творческого прорыва, собственно чудо литературы, ибо Автор своим авторским произволом может вкладывать в свою персональную дыру все, что угодно его воображению. Так чем же он может заткнуть эту дыру? Очевидно, не какой-то улыбающейся маской надежды, не лубочным пейзажем с тем же самым домиком и печной трубой, не лицом родной сестры или матери, от которых отмахиваешься, как от возможного ожога, а чем-то совершенно ужасным, в категориях художественного, — условно ужасным, при взгляде на которое непременно каменеешь и не можешь двигаться, чем-то более ужасным, чем сама дыра, если это, конечно, возможно, ибо мужество Автора, стойко помнящего о фактах своей биографии, именно в том и заключается, что в первую очередь он не в силах лгать самому себе.

Вероятно, ужас прошлого наиболее адекватно выражается мифом — головой Горгоны-Медузы, чье появление в художественном пространстве истории отвечает всем вышеозначенным требованиям. Итак, мы имеем два условия создания литературного произведения: 1. Голова Горгоны-Медузы как объект, от которого начинает свое движение герой истории, и 2. Собственно самодвижение героя, и его, движения, предсказуемость. Впрочем, первое условие немедленно определяет и второе: для существования героя в течение некоторого художественного времени в пространстве истории необходимо, чтобы он никак

не оглядывался назад, дабы не превратиться в камень. Остается наполнить наше пространство воздухом и дыханием, но и здесь нет повода для промедления, ибо, как мы уже отмечали выше, — это страсть, жажда любви, тоска по недостижимому, по не твоему, в сущности, нескончаемая песня влюбленного трубадура — всегда вызов миру и счастье в проживании этого вызова. «Счастье мое — вызов» — так писал Владимир Набоков, этот великий трубадур XX века.

Осмелюсь предположить, что для любого художественного произведения существование образа прошлого — стены, маски, лица — и законов художественного движения героя является первостепенным условием его автономности. Но существует еще один важный и третий момент в принимаемых нами правилах художественной игры: возможность нарушения этих законов движения героем, что неизменно драматизирует историю, дает великую интригу человеческого существования, создает ее трагический контекст. Таким образом, единственно достойным финалом в контексте всего нашего размышления становится гибель героя или его сумасшествие.

Первое связано с высвобождением собственной, дотоле замкнутой, человеческой оболочки под напором урагана зародившихся чувств, второй исход — с замыканием этого чувства в себе, точнее, чувство замыкает собой героя — в обоих случаях страсть сохраняется и в контексте художественного становится вечной.

Когда Автор-призрак запирает наконец дверь своей темной комнаты, своего метафизического чулана — дверь своей истории, персональной камеры отчаяния и в то же время любви, из всех микронных щелей этого замкнутого пространства несет таким духом, таким неземным сквозняком, от которого при «случайном» открытии этого сосуда может снести с поверхности земли любого земного обитателя. Теперь сравните эту модель с моделью со счастливым исходом, то есть когда герой, лихо перевернув плечами, освобождает себя — по мановению волшебной палочки! — от бытийных невзгод, обрушенных на него малодушным автором, и спокойно выходит из истории, в результате чего история «худеет» И морщится, как лопнувший воздушный шарик, превращается в комок обыкновенного утильсырья.

Автор переполнен совершенно иррациональным, необъяснимым, неодолимым стремлением любить то другое, что он мог бы любить, — тут и объект любви уже не важен, ибо он, как

писал Серен Кьсеркегор, постиг глубокую тайну: даже в своей любви к другому, важно быть достаточным для самого себя, и единственное, что он может себе позволить, это мечтать о том, как бы он мог это делать, если бы изначально пребывал в земном существовании.

На наших глазах мир выворачивается наизнанку и те, кто двадцать столетий ходили по его земной поверхности, вдруг стали ходить, словно вдоль ленты Мебиуса, уже вверх ногами, вопреки законам разума, этого дьявола современности, вопреки законам гнетущего земного притяжения, а призрак, неофит, назовывайте, как хотите, — извечно пребывавший в метафизическом подполье, вдруг вышел, сорвав в одно мгновение оковы разума, на свет, на поверхность земного бытия. Причем, вышел он, никак не помнящий себя, себя не анализирующий, уже не подглядывающий за собой, вышел с одним лишь ураганом в груди, с одним лишь ветром страсти — с прекрасной тоской по тому, как он был бы, если бы, опять повторим однажды сказанное, — простое чудо земного воплощения когда-нибудь случилось и для него.

Автор-призрак, создав своего героя, уже не думает о том, что сам этот герой, ставший в финале истории ничем, становится в тот же момент всем и непременно — согласно законам подлинного Духа — создаст свою историю, историю о том, как он, его всеохватывающий Дух, любил бы, а тот, другой герой, в свою очередь сотворит свою историю своей страсти, и — вот рождается блистательная бесконечность. В таком случае наш Автор всего лишь звено в этой бесконечной цепи — чей-то сон, точнее, герой сна кого-то, пока еще нам неведомого, тот самый борхесовский некто, пришедший к состоянию никто, и потому счастливо обретший свою родину, — так вот этот призрак становится героем другого романа, уже простирающего свое движение в будущие времена, — великое движение Персея, все-таки победившего свою Горгону-Медузу, и эта история начнется именно тогда, когда он, игравший в своем детстве в такие странные игры, наконец, сделает свой первый шаг, наконец, оторвется от той глухой, так притягивавшей его, двери и здесь — прислушайтесь к его движению! — и начинается Новый Миф, прекрасный миф прекрасного времени — о человеке, которого в этом мире не существовало никогда.

Москва—Алма-Ата
Апрель 1991 — август 1998

Виктор Цой

Постой! Не уходи!
Мы ждали лета — пришла зима.
Мы заходили в дома, но в домах шел снег.
Мы ждали завтрашний день,
Каждый день ждали завтрашний день.
Мы прячем глаза за шторами век.
В наших глазах крики «Вперед!»,
В наших глазах окрики «Стой!»,
В наших глазах рождение дня
И смерть огня,
В наших глазах звездная ночь,
В наших глазах потерянный рай,
В наших глазах закрытая дверь.
Что тебе нужно? Выбирай!
Мы хотели пить — не было воды.
Мы хотели света — не было звезды.
Мы выходили под дождь и пили воду из луж.
Мы хотели песен — не было слов.
Мы хотели спать — не было снов.
Мы носили траур — оркестр играл туш.
В наших глазах крики «Вперед!»,
В наших глазах окрики «Стой!»,
В наших глазах рождение дня
И смерть огня,
В наших глазах звездная ночь,
В наших глазах потерянный рай,
В наших глазах закрытая дверь.
Что тебе нужно? Выбирай!

LITHIUM-202

Сов. Секретно

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1428-326 сс
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)**

21 августа 1937 года

**О ВЫСЕЛЕНИИ КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ ПО ГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному крайкому ВКП(б), крайисполкому и УНКВД Дальневосточного края выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края: Посьетского, Молотовского, Гродековского, Ханкайского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмаковского, Постышевского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Суйфунского, Кировского, Калининского, Лазо, Свободненского, Благовещенского, Тамбовского, Михайловского, Архаринского, Сталинского и Блюхерово и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР.

Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродеково районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1-му января 1938 года.

3. Подлежащим переселению корейцам разрешить при переселении брать с собою имущество, хозяйственный инвентарь и живность.

4. Возместить переселяемым стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов.

5. Не чинить препятствий переселяемым корейцам к выезду, при желании, за границу, допуская упрощенный порядок перехода границы.

6. Наркомвнуделу СССР принять меры против возможных эксцессов и беспорядков со стороны корейцев в связи с выселением.

7. Обязать Совнаркомы Казахской ССР и Узбекской ССР немедленно определить районы и пункты вселения и наметить мероприятия, обеспечивающие хозяйственное освоение на новых местах переселяемых, оказав им нужное содействие.

8. Обязать НКПС обеспечить своевременную подачу вагонов по заявкам Далькрайисполкома для перевозки переселяемых корейцев и их имущества из Дальневосточного края в Казахскую ССР и Узбекскую ССР.

9. Обязать Далькрайком ВКП(б) и Далькрайисполком в трехдневный срок сообщить количество подлежащих выселению хозяйств и человек.

10. О ходе выселения, количестве отправленных из районов переселения, количестве прибывающих в районы расселения и количестве выпущенных за границу доносить десятидневками по телеграфу.

11. Увеличить количество пограничных войск на 3 тысячи человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых переселяются корейцы.

12. Разрешить Наркомвнуделу СССР разместить пограничников в освобождаемых помещениях корейцев.

Председатель Совета Народных
Комиссаров Союза ССР

В. Молотов

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)

И. Сталин

ОСОБАЯ ПАПКА
Подлежит возврату

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Бюро Далькрайкома ВКП(б)

Вопросы корейского переселения

1. Представленный план движения эшелонов с корейскими переселенцами из районов первой очереди — утвердить.

2. Предложить КрайОНО в течение сентября — октября перевести следующие учебные и просветительные корейские учреждения по месту переселения корейского населения соответствующих районов:

а) Корейские неполные средние школы в Гродеково, Флегонтово (Черниговский район); 1 Синельниково, 2 Синельниково, Хрисен, Яличи, Спасске, бух. Прохоровское, Морозовке, Синтухинке, Доромбод, Кроуновке, Тяпингоу, Чагоу-Панчен, Зарубино, Удогоу, Славянке, В. Сидиме, дянчихе, Тальми, в г. Благовещенске, колхозе «Авангард» (Вяземского района), Первомайском, Лукьяновке, Александро-Михайловском, Самире, Свободном (Хабаровского района), кор. Тараша (Шкотовского района), кор. Межгорье (Кировского района), Благословенном (Сталинский район), Н. Бузули (Свободненский район), колхозе им. Сталина (Бикинский район).

б) Корейские начальные школы в Баумфене, Енфандоне, Клепкинке (ст. Раздольное), Кедровка, Киевка, Корсаковка, Эрлангу, Кондратьевке, Нодятоу, Прокодьевке, Лелиндене, Сександоне, Саченфене, Сибицане, Тарлантуне, Ханбалабае, Чагоусендене, Чаншени, Молоканке, Нестеровке, Симайдоне, Таловке, Краснопольское, Барановке, Манзовке, Синхендоне, Нактендоне, Халкедоне, Тосендоне, Вознесенске, (колхоз им. Яковлева) в колхозе им. Киткомпартии, Самудоне, Манакине, Насендоне, Гранатовке, кор. Ильичевке, Известковом за-

воде (Молотовский район) Сантахезе, (рисосовхоз) Дубовском, Прохоровском, кор. Свягино, Синхиндоне, кор. Духовском, Писанчене, Озерном, Рачеевке, Малой Синтухинке, Третье-Барановке, Бородино, Барабаше, в.янчихе, Бруся, Гнездо, Двойном, Занадворовке, Ивановке (Посьетского района), Красном Утесе, Кедровой паде, Красном селе, бухте Круглой, Крейсерском, Н. Мангутае, с. Краскине, н. Пяханевке, Новой деревне, НовоБрусся, Посьете, Пунктое, Перевозном, Барабаш-песчаном, Пензе, Римско-Корсакове, Сухановке, Свободном (Посьетского района) Сидими, Тисинхе, Усть-Сидиме, Фатами, Хаюкане, Крекл, г. Имане, Канском, Синанфене, Сальском, (корейские классы) Дровяной пади, Кедровке, Ольшевке, Третьей пади, Ленино, Челдонке, В.Михайловском, Бикинском маслозаводе, (отдельные классы) Воронловском Гумине, Красном Перевале, Самуре, Августовке, Лаулю, Михайловке (Посытшевского района) Кутузовке, Осиновке, Черках, Бабстове (в колхозе «Батраю»), Дрофине, Вариксине, корейском учхозе (Шмаковский район) кор. Краевском, Антоновке, кор. Елановке, кор. Преображенке, кор. Степном, Столбовом, Благословенном (в колхозе «Октябрь» Сталинский район) Боне, (Архаринский район) Советском участке (Свободненский район).

в) Корейские средние школы в г. Ворошилове, Хабаровске, с. Пуциловке (Ворошиловский район)

г) Корейские педучилища в г. Ворошилове и с. Краскино (Посьетский район).

д) Корейские избы-читальни в Ивановке (Посьетский район), Посьете, Свободном (Посьетский район), Рязановке, В. Адими, Красном селе, Новой деревне, И. Мангугане, В. Янчихе, Барановке, Тисинхе, Красном утесе, В. Брусся, Нагорном, Пунктое, Корсаковке, Кроновке (Суйфунский район), Тянигоу, Прокопьевске, Киевке, Пусигоу (Суйфунский район), Кондратенкове, Алексеевке, Кедринке, Катахоу, (Суйфунский район), Сурунчене, (две избы-читальни) Бух. Прохоровском, Гайверонке, Хрисене, Сорбабоке, Манакине, 1 Синельникове, 2 Синельникове, в Первомайском, Канском (В. Иmano-Ванском колхозе) Самире, Кировском, Некрасовке, (колхоз им. Сталина) Самуре, Ал. Михайловке, Кон-Кургане, Гбине.

е) Корейские клубы г. Благовещенска, ст. Тамбовке, г. Ворошилов.

ж) Корейские библиотеки и отделения общих библиотек в Вяземской, Бикине, Имане, Отрадном, Вербовской МТС.

Постышевской райбиблиотеке, Блюхеровке, г. Благовещенске, г. Ворошилове, Гродеконе, Нестаровской МТС, Буг-Прохоровское, Косаковской МТС, Покровке, (Молотовский район) Посыете.

3. Зав. ОблОНО лично проверить подготовку к отправке оборудования школ и просветительных учреждений в пункты их нового размещения. Установить, что как правило, книги на корейском языке, наглядные пособия с корейским текстом, а также оборудование кабинетов должно быть отправлено с переселенцами в пункты нового размещения.

4. Предложить секретарям Приморского, Уссурийского, Хабаровского, Амурского и Евр. Авт. обл. обкомов ВКП (б) лично проследить за исполнением в установленные сроки этой директивы.

5. Считать нецелесообразным сохранение корейского педагогического Института в г. Владивостоке. Просить ЦК ВКП (б) дать поручение НКПросу РСФСР срочно определить пункт, куда этот ИНСТИТУТ должен быть переведен.

6. Эвакуацию учебных и просветительных учреждений провести в те же сроки, что и переселение корейского населения.

7. Создать комиссию в составе т. т. Беляева (отд. школ крайкома), Грешенина (отд. печати) Исаева (Политпросветотделу) Богатского (зав. КрайОНО), Которой поручить в 3-х дневный срок разработать конкретный план эвакуации каждого учреждения и представить на утверждение бюро Крайкома.

Секретарь Далькрайкома ВКП(б)

(Варейкис)

Сов. Секретно

СЕКРЕТАРИУ УССУРИЙСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

т. Рохлину

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛИСПОЛКОМА тов. Гриневич

НАЧАЛЬНИКУ ОБЛОТДЕЛА НКВД тов. Мухачову

1. На основании решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа все корейское население пограничных районов ДВК подлежит выселению: в Южно-Казахстанскую область район Аральского моря и Балхаш и Узбекскую ССР. Корейцев коммунистов и комсомольцев, живущих и работающих в районах выселения, а также корейскую интеллигенцию (учителей, агрономов, врачей) всех их на общих основаниях переселить вместе с остальным корейским населением. По вашей области корейское население выселяется из районов: Кировского, Шмаковского.

Переселение начать с 25 сентября и окончить 15 октября.

2. Руководство по выселению корейского населения в районах возложено на тройку в составе: уполномоченного Далькрайкома ВКП (б), уполномоченного Крайисполкома и уполномоченного УНКВД.

3. Подлежащим переселению корейцам разрешить при переселении брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность.

4. Возместить переселяемым стоимость оставленного ими имущества и посевов.

5. Не чинить препятствия переселяемым корейцам к выезду при их желании, — за границу. В отношении порядка пропуска изъявивших желание выехать за границу — руководствоваться указаниями НКВД.

6. Вам представляется право мобилизовать автогужевой транспорт для быстрой переброски выселяемых с места высылки на сборные пункты и места посадки в вагоны.

7. Вам надлежит организовать торговлю и питание для выселяемых корейцев на сборных пунктах, а также необходимую медицинскую помощь.

8. Разрешить НКВД разместить пограничников в освобождаемых корейцами помещениях.

9. Районным тройкам организовать своевременную уборку посевов оставшихся неубранными выселенным корейским населением.

10. Порядок оплаты за движимое и недвижимое имущество и посевы, оставляемыми корейцами, устанавливается следующий:

а) Имущество переселяемых корейских колхозов, оставляемое на месте оценивается по балансовой стоимости на 01.01.37 г.

б) Имущество, приобретенное колхозом за время с 1-го января 1937 года, оценивается по фактической стоимости.

в) Неубранные посевные площади оцениваются исходя из средней урожайности данной культуры, установленной районным исполнительным комитетом, по основным закупочным ценам хлебозакупа.

г) Весь скот хозяйств переселяемых корейцев принимает Заготскот и возмещает в натуре на месте вселения.

д) На установленную в указанном порядке общую стоимость общественного имущества колхозов, райисполкомом выдается обязательство правлению колхоза, перевести эту сумму по требованию правления колхоза по прибытии на место переселения.

е) Неделимые фонды колхозов, находящиеся на текущих счетах в банках переводятся в соответствующие отделения банков на месте переселения колхозов.

ж) Бесспорная задолженность выселяемых колхозов, МТС за произведенные работы, оплачивается колхозом как за счет имеющейся продукции или деньгами, а также путем зачета этой задолженности при определении оценочной стоимости оставляемого колхозом имущества.

з) Все недвижимое имущество колхозников и единоличников оценивается и оплачивается по страховой оценке.

и) Стоимость имущества оставляемого колхозниками и единоличниками выдается на руки или аккредитивом.

к) Оценка имущества производится комиссиями по назначению районных троек.

л) Указания о порядке приемки оставляемого скота даются по линии уполкомзага СНК и Заготскот Наркомпищепрома.

м) Вся зерновая продукция неубранных посевов сдается потребкооперации в порядке хлебозакупа, остальная продукция в порядке дезаготовок, вырученные от реализации деньги за вычетом расходов по уборке сохраняются на особом текущем счету райисполкома и могут расходоваться только по особому распоряжению крайисполкома.

н) Указания о порядке приема и расчета за всю продукцию от неубранных посевов одновременно даются Уполкомзаг совместно с потребкооперацией.

о) На расходы по оплате оставляемого имущества будет переведен аванс.

11. Время с 08.09 по 25.09 полностью использовать на проведение суммы подготовительных мероприятий по выселению с учетом всех организационных ошибок, допущенных обкомами и облизполкомами по переселению корейцев первой очереди. К таковы мы относим:

а) Не своевременный разворот работы ведомств, обеспечивающих переселение как-то Заготзерно, Заготскот, Заготсено и проч., что вело к замедлению оформления приемки посевов, покупки живности, имущества и т. д.

б) Имели место недопустимые факты замедления взаиморасчетов с МТС и по трудовням.

в) Отсутствовал конкретный план работы и помощь районным тройкам, благодаря чему места сталкивались с недостатком технических работников, необходимых для форсирования работы по обмеру площадей посева, составлению актов, производству расчетов; оформлению документов, приемке имущества и пр.

12. О ходе выселения, количестве отправленных из района корейских переселенцев, всего человек, количество хозяйств, количества выпущенных за границу — доносить крайкому ВКП(б) и Крайисполкому каждую пятитдневку телеграфом.

Секретарь Далькрайкома ВКП(б) (Варейкис)
Начальник УНКВД по ДВК (Люшков)

09.09.37 г.

№ 46/с

Серия «Г»

ХАБАРОВСК

КРАЙКОМПАРТ

ВАРЕЙКИСУ

ПЕРВЫЕ ДВА ЭШЕЛОНА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КОРЕЙЦЕВ КОЛИЧЕСТВОМ ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЕНЫ СЕГОДНЯ ДЕВЯТОГО СЕНТЯБРЯ В 24 ЧАСА СО СТАНЦИИ СВИРЯГИНО РАЗЪЕЗД КНОРИНО СПАССКОГО РАЙОНА В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ. ГРУЗИМ ЭШЕЛОН В ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ ЧЕЛОВЕК СО СТАНЦИИ ГАЛЕНКИ МОЛОТОВСКОГО РАЙОНА ОТПРАВИМ ДЕСЯТОГО СЕНТЯБРЯ В 8 ЧАСОВ УТРА. РАСЧЕТЫ С ОТПРАВЛЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ПРОИЗВЕДЕНЫ ПОЛНОСТЬЮ ДЕСЯТОГО СЕНТЯБРЯ ОТПРАВЛЯЕМ ДВА ЭШЕЛОНА МОЛОТОВСКОГО И ХОРОЛЬСКОГО РАЙОНОВ В КОЛИЧЕСТВЕ ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК

РОХЛИН

9.IX.37 г. г. Ворошилов-Уссурийский, обком ВКП(б)
ав. сч. № 10

ОМ-2

1. The first part of the document is a letter from the President of the United States to the Congress, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Union and the progress of the war.

2. The second part of the document is a report from the Secretary of the Treasury, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Treasury and the progress of the war.

3. The third part of the document is a report from the Secretary of the Interior, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Interior and the progress of the war.

4. The fourth part of the document is a report from the Secretary of the Navy, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Navy and the progress of the war.

5. The fifth part of the document is a report from the Secretary of the War, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the War and the progress of the war.

6. The sixth part of the document is a report from the Secretary of the Army, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Army and the progress of the war.

7. The seventh part of the document is a report from the Secretary of the Marine Corps, dated January 3, 1862. It contains a report on the state of the Marine Corps and the progress of the war.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анатолий Ким. Кто мы, откуда мы, куда мы идем</i>	5
--	---

ОТКУДА МЫ

Светлана Нам. Корейцы на российском Дальнем Востоке	9
Хван Сын Гер. Рассказы о бабушке и о себе	13
Анатолий Ким. Желтые холмы Казахстана	21
Сергей Югай. О нашей семье	27

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Станислав Ли. «Вдоль поля плывут...»	39
Михаил Пак. «Подлежат выселению...»	44
Константин Тен. В студеную пору	58
Владимир Ким. Эшелон	63
Эльвира Ким. Что стало с нами	74

ТУДА, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ СОЛНЦЕ

Анатолий Ким. Поезд Памяти	99
Георгий Кан. Рассказ о том, как корейцы колхоза «Девятый вал» пугали товарища Сталина названием своего колхоза	123
Юрий Цай. Продолжение пути	134
Хам Дин. Страх	146
Лаврентий Сон. Вспомним лето и не раз... ..	167
Александр Кан. Открыть глаза и не испугаться	188
Виктор Цой. «Постой! Не уходи!...»	209

ДОКУМЕНТЫ	211
-----------------	-----

ПОЕЗД ПАМЯТИ

Воспоминания, свидетельства, документы

Составители: Анатолий Ким, Лаврентий Сон

Дизайнер Анастасия Таукелова

Корректор Елена Казанцева

На обложке: фотография Виктора Ана

Сдано в набор 19.03.07. Подписано в печать 03.07.07

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16

Учетно издательских листов 10,5.

Условных печатных листов 14. Тираж 1000 экз.

Заказ № 293.

Отпечатано в ТОО «Типография оперативной печати»

г. Алматы, ул. Красногорская, 71

© Издательская компания «RUAN»

г. Алматы, пр. Аль-Фараби 176, офис 162;

тел. 8 (327) 299-82-24;

e-mail: ruan@ok.kz